

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1982

**РАБОТА
ОТВАЖНЫХ**

Вот уже второй форум Комсомола страны проходит после принятия Постановления ЦК КПСС „О работе с творческой молодежью“. Я вижу, как заботливо относятся ЦК ВЛКСМ, Совет творческой молодежи, созданный при нем, к дебютам молодых в искусстве. Нам, молодой творческой смене, даётся, на мой взгляд, большой аванс, и мы должны это ясно сознавать. Ведь даже если твой дебют удался: сыграла роль, вышла книга, учтена выработка — это еще не все. Без проникновения в суть самых горючих проблем современности, без ответственности за свой дебют перед зрителем, читателем — творческая биография не может сложиться.

XVIII съезд ВЛКСМ я встречал еще студентом Школы-Студии МХАТ. И вот уже три года я — актер театра и кино. Сыграла роль Петра I в фильме Сергея Ткачкова, скоро буду сниматься в роли Василия Буслаева в фильме по поэме-былине Сергея Наровчатова. Сложная и интересная работа доверена мне и в театре: в „Салеварах“ я играю главную роль — Виктора Паулина. Говорю о себе, чтобы поддержать — молодые в нашем театре окружены вниманием, им доверяют. В текущем сезоне два ведущих спектакля созданы молодежью: „Волоколамское шоссе“ и „Салевары“.

Вдохновлять молодого современника на новые свершения, воспитывать в нем высокие духовные и нравственные качества — вот главная задача молодого художника-гражданина. Мы, мхатовцы нового поколения, стараемся быть рядом со своими героями, в ту же жизнь. Атомная, предприятия Пермской, Свердловской, Владимирской областей, школы и воинские части — вот мои последние маршруты.

Думаю, что творческой молодежи на Съезде будет уделено особое внимание — нашим задачам и перспективам. А мы, представители творческой смены, постараемся обеспечить на заботу Комсомола так: всю свою творческую энергию — делу коммунистического воспитания молодежи.

Дмитрий Золотухин,

актер, секретарь комитета ВЛКСМ МХАТ.

АДРЕС:

Москва

ПРОФЕССИЯ:

актер

КОМСОМОЛЬСКИЙ

СТАЖ:

десять лет

МОЙ СЪЕЗД

НТТМ КОМСОМОЛЬСКИЙ

РАБОТА
КАК
ДЕЛО
ЖИЗНИ

Мир научно-технического прогресса сегодня практически безграничен, он предлагает свои тайны и проблемы буквально всем категориям молодежи: и школьникам, и студентам, и рабочим, и инженерам... В рядах массового движения НТТМ — научно-технического творчества молодежи — задают тон те, кто стремится полученные знания претворить в жизнь, сделать что-то самому, свое... В ходе Всесоюзного смотра НТТМ, который в этом году посвящен XIX съезду ВЛКСМ, мы говорим о найденных молодыми новаторами смелых, самобытных решениях технических проблем, о сбереженных средствах как о важной экономической стороне, но не менее примечательно и другое: нравственные ценности, приобретаемые личностью, работником в процессе приобщения к научно-техническому творчеству, остаются на всю жизнь. Страна получает из числа участников НТТМ замечательные кадры, людей с постоянно действующим интересом к технике, а в конечном счете — к работе.

В предлагаемых читателям материалах мы рассказываем о различных явлениях в движении НТТМ и приглашаем продолжить разговор на эту тему.

работе, к своему заводу, его сегодняшнему дню и дню завтрашнему.

Еще одно наблюдение. Никто из наших новаторов не пришел на завод готовым, сложившимся рационализатором, генерирующим идеями. От дня поступления на завод до подачи первого рацпредложения у каждого проходит солидное время — год, а порой и несколько лет. Это время, когда ребята набирали мастерство, изучали свое дело досконально, овладевали смежными специальностями. Идеи и замыслы усовершенствований не спускались к ним с небес, они рождались, изобретались по ходу дела. В интересах дела.

И совсем не случайно, например, наши лучшие новаторы среди слесарей не только абсолютно знают оборудование, но и сами неплохо владеют специальностями сборщика, вулканизатора. Этот опыт помогает им в изобретательском деле.

И мне всегда бывает жалко тех молодых рабочих, которые, не проработав у нас и года, уходят с завода. Ведь они еще не добрались до глубины, а уже разочаровались. И где гарантии того, что на новом месте их не ждет такое же разочарование? Чтобы понять всякое дело, полюбить его, надо немало пота пролить. Закон здесь один для любого предприятия, для любой профессии.

Я например, начинала отборщицей-стыковщицей в каландровом цехе, самом старом, с самым изношенным оборудованием. Поначалу многое совсем не радовало — грязь, сажа, от которой нигде не скроешься, физически очень тяжелая работа, да еще и сменная. А сейчас твердо знаю — ни другого предприятия, ни других товарищей по работе

варочных камер, не прикидывал про себя, насколько это упростит и облегчит рабочий процесс.

Но трудностей, связанных с тем, что вопрос с реконструкцией затягивается, пока предостаточно. Они мешают. И все-таки очень многим нашим ребятам работа приносит самое настоящее удовольствие. Потому что они насытили ее творческим содержанием. Потому что у них есть совершенно реальные перспективы профессионального роста. Потому что их дело на заводе ценится и вознаграждается.

Например, Николай Попов, еще недавно наш лучший сборщик, сейчас стал мастером. Приходилось ему исполнять и обязанности начальника смены. Заметные люди на заводе: ученик Полова Михаил Зубрицкий, вулканизаторщик Юрий Илларионов, награжденный почетным знаком «Молодой гвардеец пятилетки». У каждого из них немало наград и поощрений. Они и зарабатывают больше других. Все это по праву.

Но все-таки нельзя не признать, что новаторов и рационализаторов у нас еще недостаточно. Слишком мало молодых рабочих постоянно занимается усовершенствованием приемов труда, его организации, думает над улучшением качества и повышением надежности выпускаемой продукции.

В чем же здесь загвоздка? Почему самый большой процент новаторов у нас среди слесарей и электриков, а, например, в каландровом цехе их практически нет? Да потому, что первым есть где приложить свою смекалку, техническую сметку. Меняются станки, оборудование, каждый раз есть что доработать, дотянуть. А в каландровом оборудова-

ЕСТЬ ИДЕЯ! А ДАЛЬШЕ...

Ирина ПЛАКСИНА,
секретарь комитета ВЛКСМ
Московского шинного завода

Как-то я в шутку заметила, что заседания нашего комитета вполне могли бы сойти и за совещания совета рационализаторов. Судите сами. Электромонтер Саша Рассаднев — участник НТТМ, вместе со своим другом и соавтором Костей Егоровым награжден бронзовой медалью ВДНХ. Предложение Владимира Дудникова — изменить конструкции борта грузовой покрывки дало за два года экономический эффект более миллиона рублей. Активные рационали-

торы и Максим Ефимкин, Олег Бойчук. И, кстати, это характерная черта уже не первого состава нашего комсомольского комитета. Так что я уверена, ни о какой случайности речи тут быть не может. Как не случайно и то, что все наши рационализаторы — обычно люди общественные. Уже упоминавшийся Константин Егоров избирался депутатом районного Совета народных депутатов. Лауреат премии Ленинского комсомола Николай Попов — председатель Совета молодых рабочих.

Можно было бы привести еще немало примеров, подтверждающих эту закономерность. Но дело сейчас не в их количестве. А в том, что за ними. А за ними — равнодушное отношение к своему делу, к своим товарищам по

мне не надо. То же самое скажут многие другие наши ребята. И в первую очередь те, для кого работа стала делом настоящего творческого.

Наверное, кто-то скажет: привыкли. Но только этим мало что объяснишь. Не в одной привычке дело.

Все мы с нетерпением ждем реконструкции завода. Хотим его видеть другим — просторным, удобным, оснащенным самым совершенным оборудованием. С радостью встречаем каждое творческое усовершенствование. Когда в цехе вулканизации внедряли принципиально новую систему питания варочных камер, вряд ли кто из вулканизаторщиков не побывал на месте работ, не наблюдал с интересом за прессом, оснащенным безвентильным соединением

ние настолько изношенное, что подступать к нему с какими-то усовершенствованиями в общем-то и бессмысленно.

Я уже говорила, сколько надежд у нас на реконструкцию. Есть и еще одна: в условиях действующего производства она, определено, вызовет подъем технического творчества.

Тут хочется задуматься еще вот о чем. Ждать, пока в человеке проклюнется сама по себе или в атмосфере какой-либо необычной ситуации тяга к рабочему творчеству — и досадовать на то, что, к сожалению, не со многими это случается — позиция, не открывающая особых перспектив. Очевидно, к творчеству нужно, во-первых, привлекать, а во-вторых, ему надо учиться.

«Воспринимая решения XXVI съезда партии как свое родное, кровное дело, советские люди идут вперед с твердой уверенностью в своих силах, с ясным пониманием как сложности, так и величия задач, которые предстоит решать».

Л. И. БРЕЖНЕВ

Из речи на XVII съезде профсоюзов СССР

— Мелкие забоины,—решили контролеры, поставили в журнале отбраковки еще одну галочку и сдвинули плиту с конвейера. И, возможно, о ней бы не вспомнили, если бы не одно настораживающее обстоятельство: к обеденному перерыву мелких оспинок на плите стало еще больше, причем появились они и на лицевой стороне. Эмаль вспучилась острыми крапинками, стала шершавой, неприятной. Беглая проверка на складе готовой продукции выявила еще несколько дефектных плит. Но настоящую тревогу в цехе забили уже после того, как пришлось разгружать готовый к отправке вагон. Первые выводы были

ков, неудач и находок, а в итоге все выглядит очень просто. Традиционные спички уходят в область предания. Достаточно нажать на пуговчатую кнопку, чуть повернуть изящную пластмассовую рукоятку подачи газа—и ровное голубое пламя к вашим услугам. Ни колоти, ни запаха серы, ни древесных отходов. Окончательная модификация казалась безупречной. Высшая оценка качества словно отсвечивала уже на зеркальной глади плавных переходов и плоскостей, и вдруг эта корявая, точно отдающая затхлостью «рыбья чешуя». Выявить истоки дефекта, обрубить его пагубные метастазы и поставить на их пути проч-

ЦЕХ ПЯТИЛЕТКИ

Григорий ПРЕСМАН, инженер, член Союза писателей СССР

КОНЕЦ «РЫБЬЕЙ ЧЕШУИ»

или разгадка тайны технического брака

Некоторое время назад при прежнем главном инженере к нам в комитет, а другие заводские инстанции поступали жалобы о том, что рационализаторские предложения не поддерживаются, не оформляются. Когда разобрались, выяснилось, что не оформлялись как рацпредложения именно те усовершенствования, которые просто не отвечали требованиям. Но тогда же мы поняли, что порой слишком легко проходим мимо некоторых находок рабочих, считаем их мелочами, раз на полноценное рацпредложение они не тянут. А ведь такая «мелочь» может стать первым шагом, за которым последуют другие предложения, уже более значительные. Если эту «мелочь» заметить и отметить. И потом, разве не из таких личных находок и открытый складывается мастерство?

Нам, например, очень помогает будить тягу к творчеству среди молодых хорошо отработанная система проведения конкурсов на звание «Лучший по профессии» и «Лучший молодой рационализатор», в которые мы стараемся вовлечь максимально возможное число рабочих. Именно в ходе этих конкурсов они получают первую возможность показать себя, почувствовать, что «и я могу».

Теперь о том, что творчеству надо учить. Что это значит? Нужна самая широкая пропаганда рационализаторских предложений, рождающихся не только на предприятии, но и вообще в отрасли. С одной стороны—это знакомство с передовыми техническими идеями. С другой—хороший стимул к самостоятельному творчеству. Ведь могут же твои товарищи по работе находить все новые и новые ходы и возможности в, казалось бы, уже до конца отработанной технологии!

Учить творчеству—это значит и обещать ему инженерную поддержку. Порой начинающий рационализатор останавливается в своем поиске, потому что не умеет обработать накопленный материал, сформулировать идею своей находки, правильно применить ее к существующей технологии да и просто оформить предложение.

Вот почему у нас на заводе создан Совет молодых рабочих, который возглавил лауреат премии Ленинского комсомола Николай Попов. У этого Совета тесная связь с другим—с Советом молодых специалистов. В Совете молодых рабочих всегда подскажут, к кому из специалистов можно обратиться за помощью. И поддержка будет обязательной.

«Надо научиться понимать труд как творчество». Эти слова принадлежат Горькому. Надо, потому что какая же иначе радость от труда? И какая же жизнь, если твоя работа, первое дело твоей жизни, безрадостна и уныла? Надо учиться творчеству. Даже если это нелегко. Отдача все равно будет весомее.

Новенький комфортабельный автобус, начав свой путь от проходной Воронежского механического завода, преодолел уже немалое пространство и теперь наматывал на шины первые километры Белгородщины. До Старого Оскола, до строящегося электрометаллургического комбината, оставалось рукой подать.

По шумному выбору экскурсионной группы летописцем нашей поездки стала технолог цеха газовых плит Зоя Нефедова: отчет предстояло писать ей. Выпускница Днепропетровского химико-технологического института, Зоя хранила в памяти немало студенческих песен, некоторые исполняла на украинском языке, а по части острот и шуток была человеком неистощимым.

Во второй половине дня нефедовская летопись пополнилась такими записями:

«Видели на трассе будущих скоростных трамваев автопогрузчики с нашими узлами. Привет землякам!»

«У бензоколонки остановились четыре машины, гружены автомобильными поршнями. Спрашиваю водителей: откуда, мол, поршни? Отвечают: из Воронежа, вестимо. Завод отливают, а мы их везем! Знают Некрасова!»

«В молодежном общежитии празднуют новоселье. Девчонки в цветастых передниках усердно хлопочут на кухне. А плиты здесь—наши!»

Около недостроенного жилого корпуса под навесом аккуратно уложены все те же плиты. Видно, только завезены. На одной из них Зоя решила поправить порванную бумажную упаковку. Склонилась она над блестящей эмалированной гладью, а когда подняла голову, то лица ее было не узнать. Потускнело, в глазах застыла тень досады: опять эта «рыбья чешуя»!

Отыскали прораба и попросили его до выяснения не монтировать ни одной плиты из полученной партии. Вслед за тем в адрес Воронежского механического полетела тревожная телеграмма: «Отосланное Старому Осколу—забраковано».

На обратном пути песен в автобусе не звучало...

Когда прохладным сентябрьским днем на эмалированной боковинке плиты было замечено что-то вроде выступившей сыпи, никто в цехе не придавал этому серьезного значения.

удручающими: «рыбья чешуя» может проявиться на любой эмалированной поверхности, в любое время. Причина дефекта пока остается невыясненной.

Специалисты завода привыкли ко всяким техническим превратностям. Они знали, что даже незначительные шлифовочные прижоги могут обернуться со временем паутиной трещин, они наблюдали, как из-за нарушения термических режимов «стреляют» шатуны, вспучиваются гильзы цилиндров и становятся горбатыми клапаны. Они научились предупреждать многие дефекты. Но в данном случае было нечто совершенно иное, предательски затаенное, наносящее свои удары исподтишка. В свежем, здоровом теле газовой плиты, под ее ровным белым покровом, как бы вырвалась злокачественная опухоль. Она выбрасывала в разные стороны свои невидимые постороннему взору метастазы, чтобы, уловив момент, безжалостно разрушить прочную гляцевитую ткань, вырвать из нее отдельные частицы, схожие по форме с рыбьей чешуей.

До последнего времени недуг этот обнаруживали внутри завода. Оскольская телеграмма прозвучала как гром среди ясного неба. ЧП выходило за рамки предприятия. Подобного в цехе еще не случалось.

Дело усугублялось еще и тем, что плита в ближайшее время должна была предстать перед аттестационной комиссией самого высокого уровня. К сдаче экзаменов на государственный Знак качества ее готовили долго и серьезно. Только один внешний вид претерпел десятки существенных изменений. Конструктивных же было еще больше.

Духовой шкаф впервые оснастился подсветкой, и декоративная панель стеклянной дверцы заиграла оранжевыми бликами. Появился специальный вертел. Консультантами в лаборатории надежности на время стали лучшие повара города. Из духового шкафа повалил ароматный запах шашлыка.

Впервые в стране газовые плиты становились столь универсальными. Продукцию приезжали смотреть специалисты Приднепровья, Урала, Прибалтики. Механическому заводу незамедлительно были спущены заказы на десятки тысяч единиц изделий.

Но и тогда еще Знак качества маячил слишком далеко. Приблизить его, по мнению заводчан, могла бы надежная система электророзжига. Месяцы поис-

ный заслон стало первоочередной задачей не только цеха газовых плит, но и всего предприятия.

Тщательная проверка техпроцесса не выявила никаких отклонений. Искать причину брака нужно было в чем-то ином. В различных предположениях, догадках, версиях не было недостатка. Тревожная обстановка в цехе никого не оставила безучастным.

Местные контролеры на базе собранных данных вычертили график. Оказалось, что резкое увеличение брака совпадало с началом осеннего периода, а еще точнее—со времени похолодания. Иногда на «здоровье» металла влияют самые неожиданные факторы, и версия о простудном характере недуга оказалась не столь уж опрометчивой. Кстати, вспомнили о том, как однажды из-за резких сквозняков на участке бронзово-свинцовистых втулок имел место массовый брак. Вполне вероятно, что и в данном случае быстрое охлаждение прогретых в печи заготовок не обошлось без последствий. Задраили щели в оконных переплетах, утеплили дверь, убрали малейшие сквозняки. А предательские оспинки продолжали уродовать зеркальную оболочку плит, выкрашиваясь то в одном, то в другом месте.

Зое Нефедовой эти оспинки снились по ночам. Именно она вела участок эмалирования и за все, что творилось тут, в ответе была далеко не последней. Задолго до начала работы появилась она в цехе, тревожно ощупывала новые, затиснутые в темный угол бракованные плиты. Иногда ей казалось, что прямо под ее пальцами лопаются вздутые наросты, и тогда она тщательно вытирала руки, словно к ним и впрямь могла прилипнуть «рыбья чешуя».

Тщетность попыток хоть как-то повлиять на ход событий приводила в отчаяние. Да и что можно было предпринять сравнительно молодому технологу, когда старейшие сотрудники отдела металлургии и те на первых порах беспомощно развели руками. Однако мобильность этого слаженного звена и здесь не замедлила сказаться. В лабораториях спешно составляли планы опытных работ. Для дефектных образцов освободили емкости муфельных печей и травильных ванн. Образцы эти омывали щелочами и кислотами, грунтовали и обезжиривали, ставили под прицельный глазок микроскопа. По малым крупностям здесь отработывалось то, что уже после со-

Наша обложка:
Николай Новичков,
Михаил Саталкин,
Виталий Ракунов—
специалисты
по предупреждению
возникновения
и ликвидации
открытых газовых
и нефтяных фонтанов.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** МОЙ СЪЕЗД.
Письмо актера Дмитрия ЗОЛОТУХИНА.
- 2** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. РАБОТА КАК ДЕЛО ЖИЗНИ.
«НТТМ—КОМСОМОЛЬСКИЙ ЦЕХ ПЯТИЛЕТКИ».
- 8** Рассказ Николая КАЛИНИНА
«ДЕРЕВЕНСКИЙ КАПИТАН».
- 10** Продолжаем дискуссию «ХОЧУ БЫТЬ ПЕРВЫМ».
Александр ЖИЛЯЕВ, заместитель директора
института ядерных исследований АН СССР.
«ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА «СУПЕРМЕНА».
- 12** «И ВЕШНИЕ ВОДЫ ЗЕМЛЮ ОМОЮТ».
Поэтическая мозаика.
- 14** К 112-й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.
«ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ».
- 16** ЖЕМЧУЖИНЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.
«ИМЕНИ ЛЕНИНА».
Фотоочерк Владислава ПЕРФИЛЬЕВА
и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 20** «ПО КОНЯМ! НА СЪЕМКУ!»
Фоторепортаж Владислава МОНАХОВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 22** НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.
«РЮРИК ИВНЕВ, СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ».
- 24** ПЛАНЕТА НЕОЖИДАННОСТЕЙ.
Вальтер УНГЕР. «ПОКУШЕНИЕ НА НИАГАРУ».
- 26** АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 28** Виктор ПОЛОЖИЙ. Роман «ПЕПЕЛ НА РАНЫ».
- 31** КОНКУРС «НАША РОДИНА».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответствен-
ный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Е. М. Ульянова. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1982 г.

ставит основу оптимальных режимов обновленного техпроцесса.

А пока что еще одна версия проверялась непосредственно на рабочих местах в цехе газовых плит.

Перед концом смены в техбюро к Нефедовой пришли обжигальщики и поинтересовались: может ли резонанс оказать какое-то влияние на качество эмали?

Зоя удивленно вскинула брови.

— Какой резонанс?

Суть гипотезы обжигальщиков заключалась в следующем. В начале осени заготовительный участок пополнился крупногабаритным прессом. Амортизирующие подушки под ним оказались малоэффективными. Их решено было сменить через год, а пока каждый удар массивного штампа глухо отдавался даже на самых отдаленных участках. И вот, по мнению молодых рабочих, едва уловимые колебания как бы штурмуют ровный слой покрытия, потихоньку расшатывают его монолитность и уже во время обжига концентрируют злое очаги напряжения.

— А мы такую систему к черту тор-машками,— горячился бригадир обжигальщиков Олег Бунегин,— и рыбьей чешуе конец.

Олега шумно поддержали его товарищи.

— Нет, ребята, стоп, не пойдет,— решительно сказала Нефедова.— Вы, конечно, молодцы, и большое вам спасибо за старания, но в доводах ваших, мальчики, больше эмоций, нежели технических обоснований.— Зоя посмотрела на обескураженные лица парней и уже мяч продолжала:— Мы имеем дело с металлом. Учтите, здесь нет кристаллической решетки, где могут быть ослаблены какие-то звенья. Да к тому же пресс от нашего участка за тридцать земель...

— Ну, а как же тогда сцепление эмали с листом?— не сдавался Олег. Он демонстративно вертел в руках новенький справочник, меж листами которого выразительно пестрели закладки.

— В норме,— еще мягче ответила Зоя и кивнула на стопку лабораторных заключений. Ей совсем не хотелось огорчать Олега. Этот любознательный веснушчатый парень в роговых очках работал в цехе не один год, ничем особо не выделялся и по-настоящему проявился только в последние дни.

В связи с массовым браком в группе эмалирования резко упали заработки. Несколько ребят, а в их числе и Олег, решили перейти на другой завод. Однако на следующий день Бунегин забрал заявление на расчет.

— Стало быть, на попятную?— остановили его за проходной подвыпившие дружки.— Нечестно получается.

— А честно, по-вашему, пятки смазывать, когда в твоём доме беда?— взорвался Олег.— Дезертиром не буду!

Слово за слово, дошло до потасовки. Олегу досталось больше, чем другим, и на том, наверное, закончились бы его приятельские отношения с бывшими соседями по электропечи, если бы и они не поставили крест на своей затее пуститься в бег. На вопрос, где ему довелось подцепить «фонари» да ссадины, Олег сумрачно отвечал: «Рыбья чешуя» погладила». Так или иначе, а смутное чувство неловкости за попытку оставить цех тайлось в душе каждого, и представившаяся возможность помочь делу, безусловно, радовала и сглаживала огрехи недавнего конфликта. Однако все оказывалось куда сложнее.

— Ну, хорошо,— после паузы примирительно заговорила Нефедова,— допустим, ваши доводы не лишены рационального зерна, допустим, есть в них какая-то доля истины, но подумайте сами, является ли это основанием для того, чтобы срывать с фундамента нужную единицу оборудования и обрекать ее на длительный простой?

— А зачем срывать?— сразу же слышалось несколько голосов.— Пускай стоит на здоровье. Мы сделаем иначе.

Оказывается, и здесь все было детально продумано. К прессу-великану стали поспешно свозить заготовки. Не упустили из виду и те, что в свое время почему-то отстали от партии, одиночными пакетами сиротливо выселись по укромным уголкам и в силу древности назывались «египетскими пирамидами».

Расчет был прост: остаться до утра, отштамповать максимальный задел и отключить многотонную установку на несколько дней. А участок эмалирования пусть работает в тишине, как он это делал прежде. Может, кое-что проявится.

В результате эксперимента брак снизился. Но от этого совершенно ничего не прояснилось. Напротив, создалась такая неразбериха, от которой у Нефедовой зарябило в глазах. Десятки эмалированных панелей были исчервлены неуловимым вирусом, в то время как соседние с ними празднично сияли первородной белизной. В таком чередовании трудно было выявить какую-то закономерность. Графические линии годных и отбракованных заготовок делали по отношению друг к другу замысловатые выражи. Линии эти сходились, пересекались, шарахались в разные стороны и снова шли на сближение. Изворотливая «рыбья чешуя» словно почувствовала, что тайна ее близка к разгадке, и потому отчаянно петляла, изворачивалась и по-лисы заметала свои следы.

Но отчего же все-таки стало меньше брака? Может, действительно в чем-то правы Олег и его товарищи?

Аналитики утверждают, что совершить подробную экскурсию по руслу любого техпроцесса, начиная от его истока и кончая устьем,— это уже добрая половина проводимой исследовательской работы. В данном, конкретном случае Нефедова решила пройти этот путь в обратном направлении: эмалирование, грунтовка, травление и так далее вплоть до исходных заготовительных операций. Чем ближе подвигалась она к многотонному прессу, тем больше утверждалась в мысли, что именно с ним связана разгадка. С трудом добилась она разрешения начальника цеха поддержать эту громадину в простое еще несколько дней...

И тут уже почти окончательно сложившаяся концепция затрещала по швам и лопнула под щербатую ухмылку воспрянувшей духом «рыбьей чешуи». Последняя будто мстила за временное отступление и теперь бесновалась, наворачивая упущенное. Но именно это инстинктивное проявление дефекта и навело Нефедову на единственно верное заключение: резонанс крупногабаритной установки ни при чем. Гораздо важнее выявить «биографию» всех заготовок.

Впервые в час обеда пребывал в покое новенький бильярд. По журнальным пометкам, по еще не вывезенным листовым отходам штамповщики установили очерченность того, что отправилось отсюда на эмалирование. Многие свидетелемствовало о том, что «египетские пирамиды» оказались «рыбьей чешуей» не по зубам. Значит, склонность к дефекту таится в самом листе.

Зоя так погрузилась в раздумья, что соседу по бюро трижды пришлось окликнуть ее, приглашая к телефону.

— «Хозяйка» на проводе,— многозначительно уточнил он.

Так иногда технологи называли между собой начальницу химико-технологической лаборатории М. М. Зелкинд, чей авторитет специалиста котировался на заводе очень высоко.

— Да-да, я слушаю вас,— поспешно подняв трубку, сказала Нефедова.

— Зоя Андреевна,— долетело с другого конца провода,— добрый день, голубушка. Хотите новость? Мы сегодня заканчиваем первый раздел наших исследований. Так вот, в лаборатории склоны считают, что причина брака кроется в исходном материале, именно в нем.

Дальше говорилось что-то о стопроцентном контроле, о технических реко-

ДЕСЯТАЯ ЮБИЛЕЙНАЯ

Второе десятилетие Ленинский комсомол совместно с НТО, ВОИР, министерствами и ведомствами регулярно проводит Всесоюзный смотр научно-технического творчества молодежи. Каждый этап этого смотра заканчивается Центральной выставкой, на которой демонстрируются лучшие работы молодых новаторов. Первая выставка «ТТМ-67» была посвящена 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С тех пор число участников движения молодых изобретателей и рационализаторов выросло в десять раз и насчитывает свыше 20 миллионов человек. Да и сам смотр «вырос» из технического в научно-технический, перешел на качественно новую ступень, а центральные выставки стали международными. Вместе с советскими изобретателями в них принимают участие их коллеги из всех социалистических стран.

На десятой юбилейной выставке НТТМ, открывающейся в канун XIX съезда ВЛКСМ, демонстрируется свыше 10 тысяч разработок, успешно прошедших строгий отбор районных, городских, областных, краевых и республиканских выставок.

Центральная выставка НТТМ — это подробный рассказ о делах и заботах новаторов.

Вот несколько фрагментов этой картины.

Сегодня в цехи многих заводов приходят механические помощники — роботы. Управляются они обычно при помощи кнопок, голоса, заранее составленной программы... Студенты же и молодые инженеры МВТУ имени Баумана создали механическую руку, которая управляется биопотенциалами мышц оператора. Повел человек рукой — автомат послушно, только с гораздо большей силой, скопировал его движения. При этом в отличие от многих других систем

здесь, кроме прямой связи «человек — машина», есть и обратная — «машина — человек».

Такая двусторонняя связь позволяет намного увеличить точность работы механической руки. Не случайно новая система удостоена премии Ленинского комсомола 1981 года.

На выставке вы можете увидеть модель подводного аппарата «Океанолог», для которого подобная механическая рука будет как нельзя кстати. «Океанолог», сконструированный молодыми специалистами ОКБ специальных технических средств Минрыбхоза СССР, уже начал свою работу на Тихом океане по заданиям Дальневосточного центра АН СССР. Три исследователя могут спускаться в таком аппарате на глубину до 6000 метров.

А вот еще одно необычное транспортное средство — радиоуправляемый самолет, построенный студентами МАИ. Пилот этого самолета остается на земле, управляет летательным аппаратом с помощью телевидения и радиоволн. А освободившееся место на борту заняла телекамера, аппаратура для аэрофотокиносъемки. Мощный мотор самолета, его хорошие взлетно-посадочные характеристики позволяют ему взлетать и садиться на луг, опушку леса, в поле. А значит, геологи, картографы получают возможность взглянуть сверху, откуда, как поется в песне, «видно все», даже на те районы, где поблизости нет аэродромов.

Центральная выставка «НТТМ-82» — это свидетельство того, что научно-техническое творчество — одно из самых массовых движений советской молодежи.

Василий КУЗЬМИН,
заведующий отделом
Центральной выставки НТТМ.
Фото Алексея ФЕДОРОВА

БЕСПИЛОТНЫЙ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ.

ПОДВОДНЫЙ ОБИТАЕМЫЙ АППАРАТ.

МОЛОДЫЕ НОВАТОРЫ СОЗДАЛИ СИСТЕМУ ЦИФРОВОГО КОДИРОВАНИЯ ШРИФТОВ.

СКУББЕР ДЛЯ ОЧИСТКИ ГАЗОВ.

АППАРАТУРА ДЛЯ КОРРЕКЦИИ ТОРМОЗНОГО ПУТИ.

УСТАНОВКА ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ЖЕЛЕЗОБЕТОННЫХ МОСТОВЫХ ОПОР.

КРОССОВЫЙ АВТОМОБИЛЬ.

ТЕПЛОХОД НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ.

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ДВУХКАНАЛЬНЫЙ СЕКУНДОМЕР.

мендациях, составлявших, очевидно, самую главную суть проведённой работы, но Зоя молчала. Радость, негромкая, даже в чем-то застенчивая радость перехватила дыхание. То, что было выявлено в сутолоке цеха рядовым технологом, подкреплялось теперь непогрешимой весомостью лабораторного анализа.

Опыты продолжались. Любопытную вещь подметила заводская многотиражка: среди тех, кто встал на защиту здоровья бытовой газовой плиты, преобладают женщины.

— Да к тому же, судя по фамилиям, сановные.— шутили в цехе и называли эмалировщицу Наталью Панину, инженера Ларису Князеву, контролера Елену Бояринову и лаборантку Анастасию Королеву.

Инженер лаборатории Галина Михайловна Сапронова задержалась на работе. Исследовала новые грунтовоочные материалы и так увлеклась делом, что не заметила, как замкнули входную дверь. Вечером на квартиру Сапроновой пожаловали сотрудники. Они пришли поздравить хозяйку дома с днем рождения и тут только сообразили, что виновница торжества сидит взаперти. На завод срочно отправили группу «спасения». Думали, достанется им от потерпевшей, а она шла и хвасталась:

— Знаете, девочки, я, наверное, сделала что-то вроде открытия. Оказывается, рыхлый грунт лучше плотного. Сквозь него легче улетучиться водороду. Жаль, не успела проверить окончательно.

Совещание проводилось в кабинете главного инженера. Впервые молодому технологу Зое Нефедовой приходилось докладывать столь солидной аудитории. Здесь были начальники ряда цехов и отделов, ученые, ведущие специалисты предприятия. Зоя изо всех сил старалась унять волнение. Еще накануне, оснащая квадрат демонстрационной доски графиками и диаграммами, она представляла свое будущее выступление четким, содержательным и предельно лаконичным. Но все обдуманное казалось уже не столь убедительным. Непривычная обстановка мешала сосредоточиться. Услышав свое имя и беря в руки указку, Зоя неожиданно заметила, как в приоткрывшуюся дверь кабинета юркнули несколько молодых рабочих с участка эмалирования. Теснясь к стене, они продвинулись к боковому окну и укрылись за широкой портьерой. На них не обратили внимания, так как чуть раньше сюда уже дважды заходили электрики и прозванивали у того же окна новый селектор. Зоя улыбнулась, на душе у нее стало спокойней, и она уверенно жала указку.

— Дефект, именуемый «рыбьей чешуей»,— начала она,— в общем-то не нов. Это своеобразный бич всевозможных участков эмалирования. Однако в различных специфических условиях производства он проявляет себя по-разному, и потому в каждом конкретном случае требуются свои особые меры.

Зоя перевела дыхание, отметила про себя, что собравшиеся слушают ее внимательно, и перешла к небольшому стенду. На его поверхности были установлены две плиты. Одна из них сияла безупречным покрытием, в то время как на другой, взятой из бракованной партии, откидная панель напоминала колючую сторону обычной кухонной терки.

— Надо отметить, что изделия эти прошли абсолютно одинаковый цикл обработки, покрывались одной эмалью, обжигались в одной и той же печи, а результат, как видите, разный и весьма наглядный.

— Куда уж наглядней,— вставил кто-то из гостей.

— Работникам отдела металлурга, ну, и нашего цеха,— чуть запнувшись, продолжала Зоя,— удалось установить причину массового брака. Она связана с содержанием водорода в исходном материале. Речь идет о последних партиях

поставленного нам листа. Водород, как бы собранный в своеобразные пузырьки, осуществляет роль динамичного концентратора. Основная часть лабораторных поисков заключалась в том, чтобы нейтрализовать его. Есть в этом направлении определенные сдвиги. Большую надежду цех возлагает на внедрение так называемого светлого обжига, при котором гарантировано более высокое качество эмалирования.

— Ну хорошо,— поднимаясь из-за стола, подытожил главный инженер,— здесь на ваших диаграммах показано все от заводских убытков до радикальных мер по борьбе с этой самой «чешуей». Но у меня к вам еще один вопрос.

Зоя положила на краешек стола указку и чуть отодвинулась в сторону, чтобы не загораживать выставленных на обозрение плит.

— Сейчас на подходе,— продолжал главный инженер,— десятки тонн листового материала. Вполне вероятно, что это копия той же плавки.— И взгляд главного скользнул по бракованной плите.— Поставщики не виноваты. Содержание водорода в химсоставе не регламентировано. Так вот, есть ли гарантия, что металл не залежится на складе и что количество плит, определенное Госпланом, пойдет к потребителю? Я понижаю,— понизил голос главный инженер,— что на такой вопрос ответить нелегко. И, возможно, не вам на него отвечать. Но, как технолог, вы курируете самый напряженный участок. Последние коррективы техпроцесса обновляются. Однако новое порой продвигается очень трудно. Осознают ли ваши подопечные аварийность создавшегося положения, сумеют ли они в крайне сжатые сроки внедрить предложения металлургов и то, что рекомендовано сотрудниками института?

— Сумеют!— нарушив наступившую тишину, прозвучало в противоположной стороне кабинета.

Зоя даже вздрогнула от неожиданности. У бокового окна, уже не заслоняясь плотной тканью портьеры, стоял Олег Бунегин. Строгий, чуть взъерошенный, поблескивающий стеклами своих очков, он словно олицетворял собой и юношескую запальчивость, и непреклонную решимость, и готовность поддержать товарища, взвалив на свои плечи основную часть ноши. Двое его друзей тоже вышли из-за укрытия и, хотя неловко переминались с ноги на ногу, тем не менее держались к Олегу вплотную, как бы подчеркивая свою солидарность с бригадиром.

Одни смотрели на всех троих с удивлением, другие со сдержанной снисходительной улыбкой. Большинство же не скрывало своего расположения к этим необычным участникам совещания. К большинству относился и главный инженер.

— Ну что же,— весело пробасил он,— раз у вас есть такие помощники, то будем считать перестройку участка почти гарантированной.

Эта добродушная реплика, хотя и была короткой разрядкой, однако не снизила остроты обсуждаемого вопроса. Разговор продолжался еще долго. Были приняты к сведению и толковые замечания цеховых ребят о явных недочетах в организации труда.

Когда в опустевшей комнате Зоя складывала в папку графики и фотоснимки, со стороны демонстрационного стенда послышался едва уловимый, скрежетнувший звук. Может, это показалось Нефедовой, а может, и в самом деле обреченная «рыбья чешуя» делала свою последнюю отчаянную попытку оставить на эмалированной глади плиты хотя бы еще одну корявую отметину?

Новые партии газовых плит пошли на склад готовой продукции. Облицовка их была чистой и ровной. Одну из первых таких партий Воронежский механический отгрузил горнякам и металлургам старооскольской Магнитки. На плитах стоял государственный Знак качества.

Вадим ЛЕВСКИЙ

ИЗВЕСТИЯ

ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР НАУЧНО-ТЕХНИ

С работой Запорожского Центра научно-технического творчества молодежи нам довелось познакомиться в Москве, на выставке НТТМ-80. Обращало на себя внимание: не Станция, не Дом, а Центр. Сразу возникла естественный вопрос: в согласии ли здесь форма с содержанием?

Все говорило в пользу того, что так оно и есть. Занимаются в Центре не только младшие школьники, но и много старшеклассников, учащихся ПТУ. Есть студенты, рабочие, инженеры, даже аспиранты.

Кроме традиционных кружков, имеющих во всех станциях юных техников, здесь более двух десятков лабораторий. Причем по профилям самых современных направлений науки и техники, в том числе бионики, биофизики, вычислительной техники, промышленной электроники.

Специальным решением горкома партии за лабораториями закреплены шефствующие предприятия, соответствующие их профилю работы. Цель — оказание Центру материальной и методической помощи. Все дела Центра управляются советом по развитию и координации научно-технического творчества молодежи, возглавляемым секретарем областного комитета комсомола. В составе совета — представители советских, профсоюзных и комсомольских организаций, областных советов НТО и ВОИР, органов просвещения, руководители предприятий, ветераны труда, заслуженные рационализаторы и изобретатели, ученые. Совет утверждает и договоры, заключаемые Центром с предприятиями и организациями области, залог законности этих хозяйственных договоров — наличие своего счета в банке.

В общем, можно было видеть, что эксперимент (а именно так и было провозглашено рождение первого в стране центра НТТМ) по всем статьям претендует на явление союзного значения, налицо новые формы и методы вовлечения молодежи в научно-техническое творчество. Замах сделан серьезный.

Годом позже, когда руководители Центра Александр Мягков и Вячеслав Костычев находились в командировке в Москве, мы разыскали их и пригласили встретиться с коллективом редакции. Расспрашивали долго, въедливо.

Вторая наша встреча с Александром и Вячеславом состоялась в Запорожье. Теперь самое время обернуться на полтора десятка лет назад.

История создания в Запорожье Центра НТТМ прежде всего связана с именем Костычева, ранее работавшего директором станции юных техников, а теперь главным инженером Центра. Забегая вперед, признаю, что такое именование его должности представляется мне чрезмерно уважаемым, однако будем считать это авансом Вячеславу, а заодно и Центру. Лично автор в Костычева верит.

Слава пришел на станцию юных техников поздно, в четырнадцать лет, но способностями и усердием все быстро наверстал. Уже в девятом классе он стал фактически руководителем кружка картинга. Первые карты в Запорожье — дело его рук. И создавал и сам на них в соревнованиях участвовал. Но десять лет назад вы-

ступать перестал, не мог, как сам считал, более позволять себе тратить на это время. Поступил он тогда на автомобильный факультет Запорожского машиностроительного института, причем сразу же возглавил секцию картинга и общественное конструкторское бюро. Чертежи карта с рабочим объемом двигателя 50 кубических сантиметров — тема диплома Костычева — были дважды опубликованы.

Разумеется, Костычеву перед окончанием учебы предложили остаться на кафедре «Автомобили» со всеми ясными последствиями и перспективами. Он поначалу остался, но очень скоро ушел. — ему нужны были живой металл, ревушие моторы, он должен был творить их сам.

Была тогда пора зарождения нового вида спортивных автомобилей — вседорожных, кроссовых, причудливых форм и способностей. Начинались багги. Вячеслав создавал не только первые багги в Запорожье, но один из первых в стране.

Со свободным временем, как всегда, было плохо, но с родной своей станцией юных техников связи не порывал, приходил туда почти ежедневно, был в курсе всех дел ее и бед. Конечно, думал, спасибо ей за ум, за знания и навыки, за любовь к труду, но время идет, а ничего здесь не меняется. Слабая материально-техническая база — порождение прежде всего организационного несовершенства. Недостаточная квалификация сотрудников, отсутствие связи с производством произрастают оттуда же. В результате низкий, а чаще всего примитивный уровень выполняемых работ. В кружках в основном младшие школьники, которые, подрастая и мало что приобретая, находят себе другие занятия и интересы, да притом не всегда, как говорится, здоровые.

И если думать о системе научно-технического творчества — а именно этими категориями все более мыслит Вячеслав, — то замыкать ее в возрастных рамках школьников означало вырывать почву из-под ног у людей, по существу, вступающих в самое начало творческой поры.

В 1977 году Костычев был назначен директором станции юных техников, и мысль о создании Центра научно-технического творчества молодежи уже просто не оставяла его. Более чем когда-либо он понимал теперь, что нужно объединить усилия органов народного образования, профтехобразования, ДОСААФ, комсомола, всех тех, кто так или иначе связан с НТТМ. Объединить и упорядочить таким образом межведомственную разобщенность, что приводит к трудностям в координации работы, нарушает преемственность, распыляет средства и силы организаторов НТТМ. Привлечь к работе старшеклассников и рабочую молодежь не позволяла и слабая материальная обеспеченность СЮТ; а ведь именно эти люди требуют к себе особого внимания.

Но и это не все. Инициаторы создания нового объединения НТТМ смотрели на свое детище шире — Центр должен быть экспериментальным. Свою задачу они видели в том, чтобы отрабатывать в Запорожье схемы и принципы работы других центров, будущих. Разработать новые программы, пересмотреть организацию учебного процесса, определить оптимальную численность людей в группах в

ОБ И НЕВЕДОМОЕ

ЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

зависимости от возраста и других критериев. В общем, эксперимент! Кто «за»?

«За» — оказались Запорожский обком ЛКСМУ, президиум областного совета профсоюзов, исполком областного Совета народных депутатов. Они постановили: создать на базе областной станции юных техников Центр научно-технического творчества молодежи на общественных началах. Но если бы все дело было лишь в постановлении!

Итак, для начала нужно расширить контингент занимающихся, повысить возрастную ценз. Пусть Центр посещают студенты вузов и техникумов, рабочие, молодые специалисты. Принимай, облоно, пополнение!

Но областной отдел народного образования вполне резонно заявляет: «Простите, но у нас свои проблемы, у нас дети».

Нет, война зарождающегося Центра с облоно не началась. Облоно не враг, а всего лишь административно-функциональная единица со своим четко очерченным кругом обязанностей и возможностями. И внутри этого круга заведующий отделом Г. И. Косяк проявил к Центру достаточно внимания и чуткости, хотя с этой моей оценкой деятельности Григория Ивановича Вячеслав Костычев категорически не согласился.

— Как можно возражать против вовлечения в НТТМ старшей молодежи даже с узковедомственных интересов Косяка? — удивлялся он. — Мы же вводим тем самым институт наставничества, который по всей стране доказал свое право на жизнь. А здесь наставник не ветеран, а просто более опытный и знающий старший товарищ. Близкий своему подопечному по возрасту. Товарищ! Это предполагает еще большее доверие, общность интересов.

Еще трудность, которая на первый взгляд кажется пустячной, легкопреодолимой, а на второй — мало-правдоподобной. Но тем не менее так оно было и есть: до сих пор Центр не имеет возможности выполнять хозяйственные работы для различных предприятий и учреждений из-за отсутствия в своих рядах бухгалтера. Да, да, из-за того, что такая штатная единица не утверждена, нет ее.

И никакие старания, усилия, ухищрения не могут изменить эту нелепую ситуацию.

Если более подробно, то она такова: для заключения хозяйственного договора организация, то есть Центр НТТМ, должна иметь финансово-лицевой банковский счет. Для того, чтобы открыть этот счет, необходима подпись главного бухгалтера облоно и директора ЦНТТМ. Главбух говорит: «Я не подпишу, так как нужен реальный бухгалтер, который вел бы дела Центра». Такого сотрудника нет, облоно из своих рядов выделить его не может, что, кстати, вполне понятно, так как тем самым на областной отдел возлагаются излишние обязанности, хлопоты, непредвиденные ситуации.

Тогда Григорий Иванович Косяк идет в областной финансовый отдел просить для Центра эту крайне необходимую штатную единицу. Но получает отказ: загружайте, мол, своих бухгалтеров или запрашивайте единицу в республиканском министерстве просвещения. На такой шаг Косяк уже не решился.

Так что ставки бухгалтера у Центра

и по сей день нет. Жаль. Хозяйственные работы для участников НТТМ — это смысл, цель, стимул, предметность, осмысленность. Это непременно материализованный, зримый результат их усилий. Излишне говорить, насколько выгодны такие работы: заработанные деньги пошли бы на развитие материально-технической базы Центра, которая — увы! — не является его яркой стороной.

Как уже говорилось, решением горкома партии за Центром были закреплены предприятия города, в частности для оказания ему помощи в материально-техническом снабжении. Причем задачу, казалось, облегчает постановление, разрешающее предприятиям безвозмездно передавать устаревшее оборудование и отходы материалов для внешкольных учреждений. Тем не менее со снабжением всегда трудно, нередко «передача» идет вразрез с интересами предприятия. В общем, этот механизм нуждается в документальной доработке. А пока получается, что одной из объемнейших по усилиям форм работы Центра является охота за материалами и орудиями труда.

Трудностям не видно конца. Вот вопрос о наполняемости учебных групп. По существующему положению, ставка руководителя кружка предполагает в два, если не в три раза большее количество занимающихся, чем это возможно для нормального, полноценного обучения. К слову, «Положения о станциях юных техников» (республиканские, всесоюзных пока нет), принятые в предание времена, живы и поныне.

Заведующий отделом трудового политехнического обучения Министерства просвещения СССР Юрий Петрович Аверичев сказал мне, что всесоюзное Положение скоро будет принято, но принципиальных изменений в систему оно не внесет. И потому все настоятельная напрашивается вопрос, не слишком ли обременительна запорожская форма НТТМ для Министерства просвещения.

Когда-то у станции юных техников было специально выделенное просторное школьное помещение — около шести тысяч квадратных метров. Но потом пришлось потесниться в пользу спортивной школы, позже потеснил въехавший сюда городской Дом учителя. В результате осталось меньше половины имевшегося ранее пространства. А количество занимающихся техническим творчеством за эти годы увеличилось вдвое. По сравнению с бывшей станцией юных техников у Центра НТТМ совсем иные цели и масштабы.

Тем не менее Центр живет, развивается, набирает силу. К концу минувшего года в 34 кружках и лабораториях занималось 1290 человек. За три года на 60 процентов увеличился приток старшеклассников, учащихся ПТУ, студентов и работающей молодежи. Повысилось качество занятий и, как следствие, профориентация на рабочие профессии. Установилась прочная связь с управлением профтехобразования, областным комитетом ДОСААФ, советами ВОИР и НТО. На деле опробована возможность работы с предприятиями, а также колхозами, что обещает хорошую результативность хозяйственных работ, когда будут отменены все «канцелярогенные» препятствия.

«Разработаны и прошли испытания приборы контроля за качеством приготовления кормов в животноводстве, изготовлены отдельные узлы автоматизированной системы испытания стабилизаторов. Проведены изготовление и стендовые испытания пневмоподборщика для уборки зерна, скошенного в валки. Изготовлен и поставлен на испытание электрический прямооточный нагреватель азота для автогенного завода. Продолжены подводные археологические экспедиции для историко-культурного заповедника, экспедиция по программе «Юг» совместно с Институтом биологии южных морей Академии наук Украины...»

Это все строки из отчета деятельности Центра. О некоторых работах хочется рассказать более обстоятельно.

Лаборатория подводной техники была создана в мае 1979 года. С того времени коллектив провел две летние археологические экспедиции по изучению старого русла Днепра в акватории острова Хортица. В результате экспедиционной работы выявлено, исследовано и передано в фонды Запорожского государственного заповедника на Хортице свыше двухсот ценных памятников истории и культуры, датированных многими десятками прошлых веков. Кроме того, разработаны новые методы и технические средства проведения подобных поисковых работ. За выполненные работы Запорожскому горкому ЛКСМУ заповедник перечислил около 6 тысяч рублей.

Упоминаемые в отчете работы по программе «Юг» проводились минувшим летом в районе Кара-Дагского заповедника. Общим назначением программы «Юг» служит детальное изучение состояния Черного и Азовского морей для того, чтобы определить пути и методы пополнения рыбных запасов, уменьшения солености морей. Запорожцы одними из первых приступили к практической части программы. Они изучали медуз, распространение которых опасно возрастает, влияя тем самым на миграцию и объем черноморского рыбного стада.

Через каждые три часа аквалангисты уходили на работу: измеряли и фиксировали распространение медуз по глубине и протяженности намеченного коридора, измеряли охват купола, плотность концентрации медуз, взвешивали, фотографировали специальной стробоскопической установкой, сделанной, кстати, своими же силами. Работа конкретная, нужная. Сознание своей причастности к большому делу неощущимо. А теперь директор Института биологии южных морей член-корреспондент АН УССР В. С. Заика прислал в Центр письмо с благодарностью и надеждой на дальнейшее столь же плодотворное сотрудничество.

Картинг и багги. Запорожцы по-прежнему в этих делах на передовых позициях в стране. Подтверждение тому — регулярные призовые места на

всесоюзных первенствах. Важно здесь заметить, что центр тяжести этих видов спорта, требующих прежде всего высокой культуры обращения с техникой, находится в Центре научно-технического творчества молодежи, родившегося из городской станции юных техников. И это в Запорожье — городе, производящем автомобили.

Какая же судьба ждет Запорожский Центр научно-технического творчества молодежи и вообще запорожскую инициативу? Думается, велегкая. Вот ведь незадача: практически все ее одобряют, да только помогают все по-разному. Или вообще никак.

Еще раз послушаем Юрия Петровича Аверичева:

— Сейчас все понимают, что профессиональная ориентация — дело не только школы, но и общественного производства. Опыт запорожцев дал в этом плане многое. Увеличение производственной направленности школьников — важнейшая, проблемная задача. Станции юных техников призваны сыграть здесь большую роль. Что для этого необходимо? Закрепить за станциями базовые предприятия. Надеемся, что вскоре это будет узаконено. Но что интересно — запорожцы в своем городе уже этот порядок ввели. Еще один аспект. Техническое творчество приобщает молодежь к изобретательству, — продолжает Юрий Петрович. — Залог успеха опять же в тесной связи с производством. Подтверждением тому снова служит опыт запорожцев.

И при всем этом Министерство просвещения готовит долгожданное положение, которое «принципиальных изменений в систему не внесет». Так что же делать?

С этим вопросом я направился к первому секретарю Запорожского обкома ЛКСМУ Виктору Панкратову.

— Мы не считаем, что наш областной отдел народного образования или Министерство просвещения плохо относятся к Центру НТТМ. Они готовы сделать для него и делают то, что в их силах, — сказал Панкратов. — Но ведь даже наша ориентация на учащихся ПТУ, молодых рабочих, студентов, инженеров, согласитесь, уже не вписывается в систему народного образования. Это лишь один только довод в пользу того, что Центр НТТМ следует передать другому ведомству.

— Может быть, комсомолу? — спрашиваю я.

— А почему бы и нет. У нас есть своя комсомольская школа со штатом в сорок восемь человек. И ничего, справляемся, школа одна из лучших в стране. В других городах на балансе комсомола дома молодежи, тоже работают неплохо. Так почему бы не взять нам на тех же началах свой Центр НТТМ?

Нам говорят: «Нет такого прецедента». Ну, и что ж, что нет, значит, надо создать этот прецедент. Ведь сам-то Центр создали. Беспрецедентный!

Научно-технический прогресс требует, чтобы каждый комсомолец, молодой человек... постоянно совершенствовал свою квалификацию и мастерство, овладевал передовым опытом, современными формами и методами управления и организации труда.

Из Отчетного доклада XVIII съезду ВЛКСМ

Весна запоздала, но налетела с резвыми дождями, и снег унесло так быстро, что уже через две недели после первого тепла на кустах смородины и крыжовника обозначилась бледная прозелень. Напомнили о себе хорошо перезимовавшие корешки крапивы, лопухов, лука — в садах и огородах пошло обновление.

Бывший бригадир Василий Андреевич теперь без всякой необходимости вставал вместе с солнцем в начале шестого. Выйдет в палисадник, постоит, приглядится и обязательно отметит в нем изменения после вчерашнего дня. Из палисадника идет на дорогу. Подолгу осматривает окрестность и свой пустынный поселок Грозный. Во рву под ракетами еще доходит заляпанный грязью снег, а дорога сухая и чистая, не потревоженная ни колесами, ни скотиной. Первая такая безлюдная весна в поселке.

Утро этого апрельского дня было пасмурным, но Василий Андреевич, не глядя на часы, угадал свое время, стал одеваться. Когда вышел в прихожую, Варвара позвала:

— Вась, а Вась.

Он не ответил, и Варвара возвысила голос:

— Слышь, что ль?! Хватит колобродить по утрам. Иди-ка в правление за машиной. Сидим тут, как два сыча, опять до зимы доведем.

— Дак теперь так оно и выйдет, перезимовали — к чему ж бросать «поместье» летом на произвол, — попытал ее настроение Василий Андреевич, но жена почему-то убавила тон:

— Да сюда все одно через день ходить будешь, нешто тебя сразу отлучишь. Иди, решай там с переездом.

— Ладно, ладно, решим, — неопределенно пообещал он и с тем вышел.

Первую остановку сделал напротив усадьбы бывшего соседа Игната Дорофеева. Усадьба пуста, от строения ни следочка.

Игнатов дом был еще прочный, и когда старики переезжали в Одессу, постройку у них купили по дешевке на слом и перевезли все до щепки. Теперь только ряды яблонь напоминали о крепком хозяйстве Игната Дорофеева. Василий Андреевич не раз возил с Игнатов яблочки на рынок и всегда завидовал его редким сортам. И вот все пошло на ветер.

Пять лет как уехал Игнат, а Василий Андреевич помнит весь его дом, все углы, помнит даже, как отодвигалась щеколда на двери — старая, отполированная годами до зеркальной гладки.

На третьем году Игнат прислал письмо, просил по-соседски пригласить за садом, чтоб не шкодничали ребятишки. Собирался приехать летом в гости, да не успел, вскорости умер.

У хаты Сергея Кирикова стоял всего с минуту, заглянул в пустые проемы окон. Хата обветшала настолько, что Сергей отказался ее ломать на дрова. Переехал в Лопатино, в готовый колхозный домик. Просил его Василий Андреевич: подожди годок, вместе переедем. Так нет. Говорит: не буду ни одной зимы больше терпеть, хватит воду возить за три километра.

На голом дворе Илюхи Баранова задерживаться не стал. Не привлекал его барановский корень с пятью старыми яблонями, не тянуло к воспоминаниям. Илюха ленив с рождения, ракитовый кол в землю никогда не воткнет; что досталось от отца, то и есть. Уж кто-кто, а Василий Андреевич за двадцать с лишним лет бригадирства изучил разгильдяйский характер Илюхи. Сачок, да и только. Недаром же первым побежал в готовый дом в Лопатино.

Не задерживаясь около барановского корня, Василий Андреевич повернул к колодцу, который выходил за пределы ограничительной ракитовой линии. Простецкое сооружение из десятка бетонных колец да двух стоек со скрипучим воротом стояло тут с самого его детства. До двадцати первого года тут было голое поле, и Василию Андреевичу помнится, как рыли мужики глубокую яму, в которую было страшно заглянуть, как потом спускали на веревках бетонные кольца, закупленные на железнодорожной станции, а всей работой руководил Сема Минаев — вернувшийся по ранению моряк. Около суетились, топтались старики, давали советы, как лучше сделать, но советы давали осторожно, потому что самым понимающим тут был Сема. Он то спускался по веревке вниз, то поднимался наверх, не доверяя мужикам следующее кольцо, и казалось: на флоте тем и занимался, что рыл и оборудовал колодцы.

Дня через три колодец был готов, и в нем понемногу стала накапливаться вода. Из Лопатино переехали первые переселенцы. Собрались мужики потолковать, как назвать поселок. И посыпались слова того времени: Красный цвет, Красный пахарь, Трактор. Все это не нравилось Семе Минаеву, и он предложил свое — Грозный, по имени корабля, на котором плавал. Тогда воспротивились мужики:

— А это уже ни к селу ни к городу, при чем тут твой Грозный?

— Да что вы не поймете? Тут все ясно — Грозный. А то: трактор, телега... — доказывал Сема.

Мужики согласились наконец.

— Ладно, нас ты убедил, а как на это глянут в волисполкоме?

— Глянут как надо, не беспокойтесь, — утешил Сема.

И сумел все-таки доказать, что такое название поселку подходит больше всего: кто-то из волисполкомовских тоже был знаком с морскими порядками и хорошо понял Минаева.

Двадцать лет пил воду из своего колодца Сема Минаев. В сорок первом ушел воевать, и больше никто из местных его не увидел, пропал без вести.

Василий Андреевич представил Сему — не таким, каким помнил его вообще, а таким, которого видел детскими глазами вот здесь, у колодца, — делового, увлеченного, в тельняшке. Заглянул в пустую бездну, едва отвечающую весенней водой, крутнул ворот, и он отозвался тоскливо-ржавым стоном. А бывало, когда ведро поднималось наверх, натертое металлом дерево скрипело с присвистом. Назад же, в ледяное чрево колодца, ведро летело долго, и ворот, размазывая цепь, торопливо играл свою многоголосую мелодию: свистел, звенел, рокотал, ворчал, и были еще какие-то неясные утробные звуки, создаваемые ведром и эхом в колодезной пустоте. Когда ведро шлепалось далеко внизу, казалось, что оно достигло самой сердцевины земли, где оседает и держится на постоянном уровне грунтовая вода. И вот через каких-то полсотни лет уровень этот опустился, вода стала исчезать.

Грозныйцы по одной семье уезжали из поселка или переезжали в Лопатино. Самые настойчивые пробовали найти ключи, рыли машинами в нескольких местах, но ничего не вышло. Воду по-прежнему возили на лошади: летом из Попова Ложка, зимой из Лопатино. А тут еще объявили переселение на главную колхозную усадьбу, в новые финские домики.

От колодца Василий Андреевич пошел через поселок дальше. Он останавливался около каждой усадьбы, с горечью вспоминая разъехавшихся по городам и осуждая переселившихся в Лопатино. Самое обидное было в том, что он уже никогда не пойдет по поселку оповещать людей о работе, не постучится привычно в дверь или в окно. Не хотелось верить, что это теперь навсегда.

Дойдя до крайней усадьбы, Василий Андреевич не повернул, как обычно, назад, а подался вниз, к ручью, чтобы обогнуть вокругую весь поселок. Он шел мимо огородов, зарастающих сорной травой, и удивлялся тому, что люди так легко оставили все это. Утешением была неясная отдаленная мысль: Грозный еще должен заполнить народ, не могут навсегда остаться без хозяев брошенные дворы с такими садами.

Когда Василий Андреевич пришел домой, Варвара топила печь.

— Ну, что ты ходишь как неприкаянный? Иди в Лопатино.

— Ладно, безгрешная нашлась... Переедем.

— Да я-то тебе про что? Сколько ни гадай, а дорога все равно в Лопатино.

Он сел, облокотился на край стола. Посидел в раздумье с минуту и, будто спохватившись, вскочил, неизвестно зачем ощупал карманы.

— Пошел я в Лопатино.

— Насчет машины?

— Насчет самолета, — огрызнулся Василий Андреевич.

— Не евши?

— Потом.

Выйшел в сенцы, в незакрытую дверь шумнул:

— Собирай-ка тут тряпье, может, и пригону машину.

— Сразу тебе приспичило, назавтра можно договориться, — отозвалась Варвара, но муж уже ступил за порог и слов ее не слышал.

Утренняя хмарь разошлась, солнце сквозь пиджак приятно щекотало спину. Тишину сверлили заливыстые перепоны жаворонков. На пригорке за поселком попался на глаза суслик — первый суслик в этом сезоне. Он сначала робко горбился за редкими кустами прошлогодней полыни, потом осмелел, стал подниматься на задних лапках выше, выше, пока не вытянулся столбиком во весь рост.

— Давай, хозяйничай тут, — вслух сказал Василий Андреевич.

Спустился с пригорка и остановился, раздумывая, где идти: прямо через сырую луговину, полукругом потеснившую поле, или поверх ее, в обход, по новой дороге. Пожалел свои отмытые яловые сапоги и повернул на объездную дорогу, но теперь уже к ней надо было подниматься по крутой горке. Карбался Василий Андреевич по круче торопливо, почти касаясь руками квелой апрель-

ДЕРЕВЕНСКИЙ КАПИТАН

Николай КАЛИНИН

РАССКАЗ

ской травы. Ноги одеревенели, в висках ощутимо толкалась кровь, а он спешил, спешил, чтобы выбраться наверх без передыху, одним махом. Когда подъем кончился и он почувствовал свободу движений, ноги отказали. Остановился, чтобы продышаться, прийти в себя. Сверху хорошо просматривалась вся балка по обе стороны Ицки, уже вошедшей в свои берега. Лишь в нескольких местах на той стороне поблескивала вода, и над ней носились утки, да вблизи, у самого выхода прямой дороги на подъем, где Ицка делала поворот, вода выходила метров на двадцать, все еще заливая дорогу. Казалось, этот зигзаг речки и делала только для того, чтобы показаться каждому прохожему или проезжему: тут она выбиралась из лозняка на открытое мелководье, где пастухи поили скотину.

С этим местом в памяти Василия Андреевича связаны два неприятных случая. В сорок первом, когда отправлялся на фронт, надоумил его дьявол ополоснуть тут потные ноги. Остановил подводу, разулся. Только ступил по откосу, да не на вытопанное место, а на травку, и присел, скорчившись от боли, — в траве лежал осколок бутылки. Ситуация — хоть плачь, хоть возвращайся домой, так и не обмыл ноги. Кое-как перехватил пятку полотенцем и покатыл в военкомат, растерянный, обзленный и на Гитлера, и на того полудурка, расколотившего бутылку, и на себя, что поперся по траве, попал впросак в такой момент. Сколько пережил из-за этой большой ноги. Недели две не мог нормально ходить, и было стыдно перед начальством (иные открыто упрекали), да и перед рядовым людом, будто все сделал умышленно, чтобы угреться подальше от строевой. Даже на фронте при ранениях не было таких переживаний...

Отдышавшись и любясь зеленеющей балкой, перерезанной примехонькой Ицкой с этой единственной петлей у самого края луговины-впадины, Василий Андреевич пошел объездной дорогой. Однако полный полукруг по ней делать не стал. Там, где дорога уходила метров на сто в сторону, огибая свежий овражек, он пересек этот овражек, спустился вниз и вышел по сырому месту к речке. Взойдя уже по прямой дороге на куций взгорок, еще раз остановился, оглядел и поселок и впадину-луговину. И резкими рывками ни с того ни с сего кольхнулось сердце, показалось, что он уже испытал что-то подобное, да и не один раз. «В хате она или выцпла, наблюдает?» — подумал он вдруг о Варваре. А рядом, на крутом повороте, клокотала мутной водой весенняя Ицка, укрыв свое мелководье. Почувствовалось Василию Андреевичу, что вроде как засверлила у него та самая пятка, которую пришлось когда-то завязывать полотенцем, — точно так свербит заживающая рана.

Второй раз на этом мелководье Ицки Василий Андреевич чуть не попрощался с жизнью. Это уже в сорок седьмом, Грозный еще был отдельным колхозом, а сам

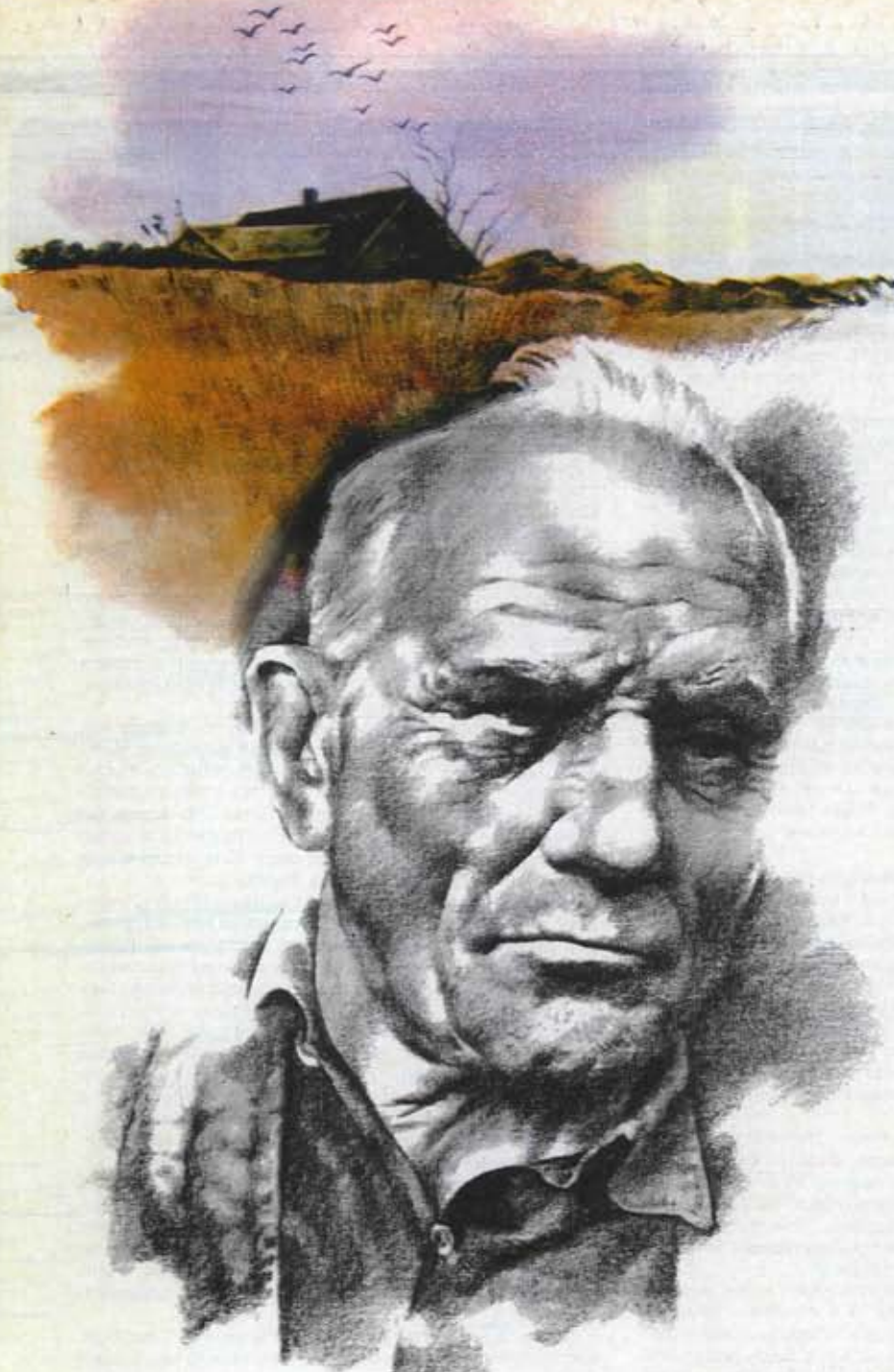

Рисунок Аллы СОЛОВКИНОЙ

он — председателем. Везли со станции на «студебеккере» локомотив, или, как говорили мужики, паровичок. Попали в дождь. До Лопатина добрались хорошо, по колее «студеру» грязь ничем. А тут, перед самым поворотом Ицки, вот на этом коротком спуске и влетели — тогда объездной дороги поверху еще не было, ездили только по луговине. И колеи не было. Как ни осторожно вичал шофер, направляя левые колеса по траве у самой промоины, машину все же занесло и потянуло к берегу. Шофер только успел сказать: «Андреич, мы летим». Пятитонная махина поползла, ломая борт, и «студер» завалился набок у самой воды. А в кабине было пятеро. Двое успели выпрыгнуть, да ничего не выгадали, остались с переломами. Сломал два ребра и Василий Андреевич. И самое обидное в том, что так и не настроили локомотив на работу. Сперва чего-то в нем не хватало, а потом не сумели приспособить его к делу. Пять лет простоял он, войдя на полколеса в землю, ребятишки все лазили по нему, ерзали в топке, отполировав ее до блеска, а потом приехали сварщики резать разбитые танки, что стояли у дороги к райцентру, попутно и располосовали на металлолом локомотив.

Стоял Василий Андреевич на этом взгорке, там, где понесло «студебеккер» в Ицку, любовался беспокойными бурунами воды — на повороте они выходили вверх мощными букетами, а видел в них и давнее и недавнее — все бестолково, вперемешку. «Еще таких два-три деншка, и дорога очистится от воды», — отметил он и пошел в сторону Лопатина. У ответвления объездной дороги замедлил шаги, приглядываясь к прошлогодним неясным следам колес, а потом уже старался ни о чем не думать, прибавил ход.

На окраине Лопатина Василий Андреевич надумал идти не по деревне к правлению, а напрямую через поле к своему новому жилью. Раньше Лопатино тянулось по одной линии, теперь же издали, с противоположной стороны луговой балки, оно выглядело буквой «Т». Упирающаяся в балку ножка у этой буквы и есть цепочка финских домиков. Кажется, не будь этой подпорки, старое Лопатино опустилось бы к Ицке, сползло вниз. И теперь правление колхоза располагалось в самом вершине этой ножки, а домик, выделенный на две семьи — Василию Андреевичу и учителю Илье Павловичу, — у самого основания буквы, над речкой.

Издали домики радовали глаз белизной и строгостью очертаний, рядком палисадников, обнесенных крашеным штакетником. Но когда он подошел ближе, домики показались ему будто нежилыми, еще не заселенными. Наверное, это потому, что над ними не возвышались ни тополя, ни ракиты, а тощие деревца да кусты в палисадниках не давали настоящего деревенского вида.

Василий Андреевич обошел свою половину дома, заглянул в одно окно, в

другое. Обе комнаты сияли прежней свежестью и чистотой, будто и не было зимы. «Надо спросить, помыли, что ль, полы?» Постоял на крыльчике, упершись плечом в дверь, и пошел в свою половину пустынного палисадника. Шагами обмерил его боковую и заднюю стороны, прикинул, где посадить малину и смородину, сливы и вишни. За штакетником, где еще по-настоящему не затянута травой развороченная по осени трактором земля, наметил воткнуть, пока еще не распустилась листва, десятка два-три ракушковых колеи. Попробовал представить, как здесь будет лет через пять, а воображение было скудным, обрывистым.

— Доброе утро, старина, — окликнули его сзади.

Подшел Илья Павлович, учитель, в майке, с полотенцем на плече, поздоровался за руку.

— Все приглядываюсь, прикидываю, — как бы оправдывая свое присутствие, сказал Василий Андреевич.

— Надумал переезжать?

— Иду за машиной. Не знаю, удастся ли нынче.

— Не нынче, так завтра. И мне с соседом веселей будет. А то дочка говорит, кто-то за стенкой все скребется по ночам.

Василий Андреевич поделился своими огорчениями:

— Знаешь, Илья Пальч, никогда не думал, что вот так получится. Как оно на старости заново обживаться-то?

— Известное дело, штука не из приятных. Это, можно сказать, неправильно сроснувшая кость заново ломать. Молодым-то с этим проще.

— А где они, твои молодые? Вон, все туда, один за другим, гуськом. — Он махнул в сторону города. — Их сюда агитируют, а они туда.

— Да-а, — как-то неопределенно протянул Илья Павлович. — Их скопом-то не суди, Василь Андреич. Может, кому и не выйти на свою дорогу без города.

— Скажешь тоже, сосед... — Василий Андреевич испуганно осекся:

«Соседом назвал! Э-эх, старый, смирился».

Через раскрытую калитку почти у самых ног учителя осторожно прокралась к зазеленевшим грядкам грязная инкубаторская курица — уже успела побарахтаться в золе у сарая, на утреннем пригреве.

— Смотри, смотри, какая нахалка, — осторожно показал Илья Павлович, боясь ее спугнуть.

У самого края луковой грядки курица скребанула землю раз, другой, но тут пролетели, горланя, несколько грачей. Она насторожилась, повернула головку левым глазом вверх. Когда грачи отделились, стала опять не спеша разгребать землю, после каждого раза внимательно приглядываясь к ней.

— Она у тебя какая-то аферистка, — оценил бригадир. — Смотрим, а ей хоть бы что.

— Ше! Ше! — шумнул Илья Павлович и направился к ней, замахаив полотенцем.

Курица побежала в самый угол огорожи, но, не найдя выхода в плотном частокле, метнулась назад, навстречу Илье Павловичу. Едва увернулась от полотенца и понеслась уже с паническим криком, помогая себе крыльями. Василий Андреевич отступил от калитки, и она нырнула в свободный проход. На улице, у сарая, закудахтались громко, протяжно — не то победно, не то жалуясь.

Василий Андреевич вспомнил начатый разговор:

— Да, интересно оборачивается. В двадцатые годы из деревень выселялись, и теперь, выходит, что зря, бросаем все, жмемся друг к другу.

— Так это же не стихийное бедствие, а закономерность. Было тесно в селениях — уходили на вольную землю, потому что уходить больше некуда было. Прошло время, забогатели, расселились посвободнее — кому теперь твой Грозный нужен? Тогда-то думали, что эти выселки вечные, а они, как видишь, временные оказались. Если хочешь знать, необходимость такая была. Никто не спорит, для одного крестьянского поколения оно, конечно, событие, ломка целого уклада жизни. А если рассуждать с точки зрения целого века, это такая пустяковина, о которой в колхозной истории десятком слов будет упоминаться. О твоём Грозном никто и не вспомнит. Жизнь есть жизнь.

— Ладно, все это вроде и правильно говоришь, — условно согласился Василий Андреевич. — А если б не вода, не ушел бы с Грозного, ей-богу.

Илья Павлович засмеялся, переложил полотенце на другое плечо.

— Чудак человек, разве только в воде дело? Или в тебе лично? Туда хоть водопровод... Кому нужен этот глухой аппендикс? — Но, видя на лице старика несогласие, учитель польстил: — Да ты что расстраиваешься, и так последний оттуда уходишь. Как капитан с корабля, по морскому закону. Капитан с корабля «Грозный». Как, звучит?

— Капитан... с корабля, — рассмеялся Василий Андреевич. — Ну, даешь, Илья Пальч. С тобой до всего договоришься. Ладно, пошел я, а то председатель завещает куда-нибудь на весь день. Потом, по соседству dokonчим.

— Давай, хлопочи.

Они оба направились из палисадника.

— А вот году в двухтысячном мы с тобой опять за старое будем цепляться, будем хвалить нынешний день, — попутно сказал Илья Павлович.

— Далеко ты залез, аж в другой век.

— Не в другой век, а в третье тысячелетие.

— Во, в тысячелетие. Нам не дожить.

— Что тут тебе осталось дожить, двадцать лет каких-то? Ну, будет восемьдесят с хвостиком. Считай, мы уже у самой межи двух тысячелетий.

Василий Андреевич даже приостановился.

— Ну и озадачил ты меня. Придется скрипеть до самой межи, — деланно посокрушался Василий Андреевич. Рассмеялся и протянул на прощание руку, но, вдруг вспомнив что-то, спросил: — Да, я смотрю, чисто в доме-то, уж не заселяется ли кто в наши хоромы?

— А супруга твоя приходила похозяйничать, брала у нас ведро с тряпкой.

— И тут успела, — сказал он, не выдав своего удивления. Его взяла досада: «Вот скрытница старая. Шла, небось, в магазин, а самой, видать, не терпелось сюда заглянуть. И ни слова об этом».

Василий Андреевич быстро зашагал к правлению, боясь упустить председателя. Ему хотелось перевести свое хозяйство именно сегодня, пока не остыл, не заколебался. Но как встретит его председатель? Серьезно или с подначками: дескать, выдохся, сдайся? Шуток этих больше всего и боялся старик. Вроде и сам пошутить любителю, а вот боялся.

У самого правления неожиданно подумал о том, что сегодня-завтра обязательно надо написать сыновьям. Знал, что огорчит их, но он напишет, что будет проводить свой старый корень часто, до самой осени, что нет его вины в такой перемене местожительства. Он покинул Грозный последним, как капитан свой корабль, — по морскому закону.

При мысли о морском законе Василий Андреевич улыбнулся. «Ну, Илья Пальч... Скажет, как прилетает. Все у него кругло и к месту».

ВЫЗЫВАЮЩАЯ ЖА

Александр ЖИЛЯЕВ,
заместитель директора Института
ядерных исследований АН СССР

Полемически заостренные письма Александра Козаря и Владимира Владимиров, напечатанные в январских номерах журнала, имеют, на мой взгляд, стопроцентное «попадание», едва ли кого оставляя равнодушным. Уж очень животрепетли поднятые в них вопросы.

Хочу быть первым... Не хочу быть последним... Вот такие максималистские устремления личности. Нравственны ли они в условиях нашего общества? Что важнее: приветствовать их или сразу подсекают под самое основание? Казалось бы, все ясно: если высока и благородна цель, если от осуществления ее выигрывает общество, а пути к ее достижению честны и благородны, то это заслуживает безусловного понимания, одобрения, восхищения, герой подлечит вознесению на пьедестал всеобщего уважения, а опыт его — широкому распространению. Если же цель низка, если действия человека антигуманны, антисоциальны, порождают эгоистические стремления и наклонности, понижают барьер социальной зрелости личности, то все это — за борт; надо бороться против подобных явлений и, уж во всяком случае, не пропагандировать их.

Мы сегодня пришли к такому уровню развития общества, к такому многообразию общественных процессов, явлений и связей между ними, что однозначно ответить на вроде бы четкие вопросы порой бывает, ох, как непросто.

Легко отличить черное от белого. Но если между этим черным и белым — тысячи оттенков и полутонов?

Несложно разложить предметы по полочкам. Но если эти предметы закрыты обложками и к каждому должна быть приклеена бирка, которую еще надо отыскать в ворохе ей подобных?

Нетрудно классифицировать явления. А если эти явления находятся в причинно-следственной связи с другими, нередко господствующими в каких-то иных сферах? Как тогда?

Вот тогда-то и появляется потребность в дискуссиях, своего рода «мозговых атаках», призванных не разложить все по полочкам, а лишь найти в проблеме более-менее рациональную позицию, выработать общественную точку зрения на то или иное явление, а может быть, и подготовить почву для уточнения некоторых формулировок соответствующих нормативных документов.

...В строительный отряд я попал в последний момент, практически ничего не зная. О командире слышал много, но в глаза его не видел. И вот уже в пути, помнится, в аэропорту Новосибирска, где у нас была пересадка, ко мне подошел энергичный здоровяк и авторитетно сказал:

— Хочешь работать в моей бригаде? Беру.

— А ты командир?

— Нет. Но Клинов сделает так, как я хочу. (Клинов — это была фамилия командира.) Я формировал отряд. Я поставил его командиром.

Здоровяк стоял, окруженный плотным кольцом бойцов, и увлеченно рассказывал, как валил лес на Кольском полуострове, забивал сваи в вечную мерзлоту Якутии, строил элеватор где-то на Оби. Его «я», произносимое твердо и уверенно, звучало убедительно и ни у кого не вызвало сомнений в организаторских способностях говорящего. «Во мужик, — переговаривались ребята. — Чувствуется хватка. С таким не пропадешь». А он уже записывал карандашом желающих в свою бригаду и бойко распределял роли.

Но потом все вышло по-другому. Мы приехали на объект, и Клинов велел всем собраться. Он поставил задачу, распределил нас по бригадам и неожиданно бригадиром одной из них назначил... меня.

Тот бодрячок обиженно заскулил: «Клинов, как же ты можешь ставить новичка? Поставил бы меня. Ты ведь его совсем не знаешь!» — «Зато я знаю тебя», — оборвал его командир.

Как выяснилось, тот бодрячок оказался неумехой, хвастуном и таким беспробудным дентем, что его имя в отряде скоро стало чуть ли не нарицательным, и, чтобы не отправлять его домой, единодушно доверили ему роль подсобника... на кухне. Но и это-то он делал через пень-колоду.

А командир... Непогода, вызванная то ли циклоном, то ли антициклоном, вывела нас из строя дней на десять. Горели наши отпуски, заработки, а следовательно, и нервы. Сломленные бездейственностью и неизвестностью, ребята начали роптать и все беды сваливать на командира: затащил, мол, в этукую даль, чтобы гнить здесь, в этом болоте. Среди всех лишь он один сохранял спокойствие и выдержку. Шутил как ни в чем не бывало. Огромная ответственность, которую он добровольно взвалил на себя, казалось, должна была смять его и опрокинуть. Но он выдержал — с улыбкой, спокойно, играючи. Что творилось у него внутри, никто не знал. Только после его слов нытики как-то сразу замолчали.

Интересно, что расползшийся неподалеку от нас другой отряд не выдержал испытания непогодой. Первым запаниковал их командир, и ребята, переругавшись, разъехались по домам. Коллектив, не сцементированный авторитетом лидера, распался.

А у нас... Как только установилась хорошая погода, Клинов устроил краткое совещание со штабом. Потом он куда-то исчез, а к нам пошел цемент, кирпич, шифер. Мы выполнили договор, прилично заработали, уложились в срок. Все было довольно.

Правда, пришлось «попотеть»: работали по двенадцать — четырнадцать часов. Командир наш как будто чувствовал, когда ему самому нужно появиться и где. И если темп работы был слабый, если бойцы жаловались на усталость, он вставал на самое трудное место, и объект рос на глазах. Вот как необходим порой личный пример!

В конечном итоге командир получил те же деньги, что и каждый член отряда. Но сколько лишней энергии «сжег» он! А ради чего? Ради нас, доверившихся ему, положившихся на него. Ведь никто его не заставлял быть командиром при формировании отряда. Но и в роли рядового бойца он все равно остался бы лидером, каким является и в обычной жизни. Сейчас он главный инженер проекта в одном из крупных научно-производственных объединений. И за какое бы дело ни брался, сразу чувствуется, что он прирожденный лидер.

Не ущемляя мнения и достоинства других, он умеет ненавязчиво утвердить приоритет своей точки зрения. Потому что эрудиции его хватает на десятерых, потому что он физически силен и внутренне непоколебим. Он не стесняется высказать совет работника, стоящего на самой низкой ступеньке должностной лестницы. Ему не страшно «подмочить» этим свой авторитет. Просто по-другому он не может. Получается так, что в какую бы тень он ни попал, его все равно вытолкнет свет. Потому что он руководитель от природы, лидер ярко выраженного демократического склада. У него полный набор качеств руководителя, гармонически воплотившихся в его личности, а это как раз тот самый фундамент, на котором легко несется бремя лидерства. Для него нет проблемы «Хочу быть первым». Это его обычное и нормальное состояние.

И, с другой стороны, сколько бы ни лез в «первое» тот эффектный бодрячок — он никогда им не будет. Больше того, его необоснованные притязания выглядят смешными и никогда не могут быть поняты другими. Не желая мириться с второстепенными ролями, которые идут вразрез с его амбицией, он начинает «искать себя», бросаясь от одной крайности к другой. И, может статься, остановится, проявит свой талант, станет лидером на ниве потребительства, как автор второго письма

В. Владимиров. Вот уж истинно: «всяк сверчок знай свой шесток».

Особая сфера проявления лидерства — спорт. В этой связи непонятна фраза А. Козаря «...может, и правда аморально в производственной работе, как и в спорте (подчеркнуто мной. — А. Ж.), стремиться к первенству?» Но ведь стремление к первенству — закон спорта. Без этого просто не было бы спорта. Так почему же безнравственно выбиваться в лидеры на беговой дорожке?

Мы говорим: спортивная борьба выявляет лидера. Но если это лидер — любой ценой? Если это чемпион, вырвавшийся в свои мышцы стимулирующие дозы допинга и обманом опередивший соперника на ми? Кто он? Ловкач, махинатор, мошенник, но не лидер. И наказание, понесенное таким, наказание почти неизбежное в наше время, воспринимается с удовлетворением.

Или, например, чемпион, кумир мольдешников, физический и нравственный идеал молодого человека, вдруг не выдерживает испытания славой? Сначала он за границей купил для себя модные джинсы, дубленку, приемник «Сони». А потом бес толкнул его под ребро. И он снова накопил модных вещей и сбыв их по сходной цене. И понесло его по крутому спуску морального падения...

Я знал такого чемпиона. Он купил «Волгу», через некоторое время продал ее чуть ли не вдвое дороже. Его реноме сразу пошатнулось в глазах почитателей, узнавших об этом. Но это его не насторожило. Дальше — больше. Любую тряпку, привезенную из-за границы, он «толкал», делал бизнес, эксплуатируя свое доброе и славное имя чемпиона. Мог ли он оставаться первым? Может ли быть вообще первым чемпион-тряпичник? Нет, он морального права не имеет на это. Хотя в спортивной борьбе он и недотягивает для других, но червь стяжательства и наживы, поразивший его дух, подточит и его физическое умение. Это неизбежно. Так случилось и с тем чемпионом: его первое поражение сначала восприняли с недоумением, объяснили случайностью. Но проигрыш повторился. И, когда бывшего кумира выводили из состава сборной команды страны, старший тренер сказал кратко, но очень емко: «Первый раз он проиграл, когда «толкнул» «Волгу».

А когда «проиграл» В. Владимиров? И вообще, кто он, этот В. Владимиров? Он не скрывает, а даже бравирует, правда, спрятавшись за именем анонима, что он обнаглел и развязный мещанин. По профессии он инженер, то есть специалист, успешный получить общественные дивиденды. Но посмотрим, как он отработывает их. В пять он уже свободен и вырубывает на халтуру. Едет заколачивать «свои» деньги, чтобы одеть во все дефицитное жену и обставить современно свою берлогу. Он так хочет, он так может. Но имеет ли он на то моральное право? Такое право, какое, скажем, имеет писатель, у которого он утлядел бронзовые дверные ручки? О том, что он инженер, Владимиров с различными оттенками, но не без гордости напоминает нам несколько раз. А позволительно спросить, почему он им до сих пор остается? Он давно бы плюнул на это, да, что ни говори, а инженером быть хоть и дешево, но престижно.

Да, фирме «Заря» нужны рабочие руки. Ну так и иди туда в штат и числится там. Зачем тебе гордое звание инженера? Э, нет. А престиж? И не только это. Кто помешает в институтской лаборатории обдумать детали предстоящей халтуры? Или во время работы отдохнуть от трудов «праведных» и договориться с очередным клиентом по телефону? Подсказать напарнику, сколько нужно умкнуть с его фирмы материалов для удовлетворения запросов клиента? К сожалению, в лабораториях часто единственным контролирующим органом творческого труда является собственная совесть. Судя по письму, у автора этот товар остродефицитен.

И вот, досижив на работе до положенных пяти часов, В. Владимиров часто «до глубокой ночи», не жалея сэкономленных в лаборатории сил и времени, выскребывает своими «мозолистыми» руками из блестящих паркетин хрустящие червонцы. Ясно, что если он устал и лег поздно, значит, обессилен-

РТОЧКА «СУПЕРМЕНА»

ным пришел на работу. Значит, ему не до нее, и при попустительстве начальства, которое он и высмеивает в лице А. Козаря, он там отоспится, девальвируя свое, а вместе с тем и наше с вами звание инженера. Потом снова халтура. А где же время для творчества, для занятий с книгами, для самосовершенствования? Нет его. Потому-то этот, с позволения сказать, инженер, человек с высшим образованием и с большими претензиями на звание культурного, только в 30 лет удосужился познакомиться с бессмертным творением Джорджоне. И не в музейном зале, а в салоне таксомотора, откуда стараниями жуликоватого таксиста подделка под шедевр и перекочевала в интерьер его спальни. И в музей теперь ходить не надо.

Так барско-мещанское существование стало идеалом для молодого инженера, воплощением его пугливого вопля «Не хочу быть последним». Раньше студент, чтобы инженером стать и лишним раз в театр сбежать, всю ночь пульты разгружал, а теперь инженер «сжигает» свободное время на халтуре, чтобы барахлишком обзавестись и последним не быть. Да в чем последним-то? Откуда психология-то такая?

Действительность наша формирует у молодежи страстную гражданственность, мужество и трудолюбие, презрение к душевной ущербности. И обобщенный социальный портрет нашей молодежи прекрасен и впечатляющ. Молодые выдающиеся ученые, новаторы производства, первооткрыватели—строители, спортсмены и победители международных конкурсов искусств, молодые народные депутаты, кавалеры высших орденов страны, лауреаты всевозможных высоких премий—это ли не наша гордость. Но вот бывает...

Ведь психология каждого отдельного человека не программируется природой. Она воспитуема. Значит, допускаем мы где-то просчеты. И существенные. Разобраться в этом непросто. А надо.

...Каждый из нас бывал неоднократно свидетелем рождения стихийного лидера в различных неформальных группах. Будь то компания на вечеринке или случайные попутчики в поезде. Хочу быть первым, слушайте только меня—и начинается бесконечная «травля» анекдотов, стрельба чужим юмором по расставленным мишеням нашего интереса. И уж этот чужой юмор звучит как свой. Бывает еще и хлестче.

Как-то стал я свидетелем такого разговора в электричке. Один, чувствуется, увлекшийся искусством, подвыпивший молодой человек рассказывал своему пожилому спутнику о посещении какой-то выставки. Рассказывал громко, напористо, чтобы все слышали и оценили его познания:

— Или вот «Чаепитие в Мытищах» Кустодиева. Слышал такого? Борис Кустодиев. Купчих рисовал. За самоваром... Пожилкой неопределенно пожал плечами. А молодой продолжал громко комментировать картину. Я не выдержал и поправил его:

— Вы оговорились: «Чаепитие в Мытищах» — это Перов.

Он оборвал на полуслове, презрительно усмехнулся и голосом, не допускающим возражений, отрезал:

— Это Кустодиев. Уж кого-кого, а Кустодиева-то я знаю. Он еще Шалапина с мопсиком на ярмарке нарисовал. В шубе такой роскошной. Вот сейчас «вещистов» костят, а видал, Шалапин в какой шубейке стоит? «Ломтей» на пятнадцать потянет. На «Волгу»...

— Да, то—Кустодиев,—согласился я,—а «Чаепитие в Мытищах» — Перов.

— Чего Перов, какой Перов, что я Перова не знаю, что ли? — загорелся мой оппонент, чувствуя, что пассажиры стали внимательно прислушиваться к нашему спору. — А ну выйдем, поговорим...

Я вспомнил свои два десятка лет, проведенных на самбистском ковре, живо представил, что может произойти, и отказался. Парень оживился и тут же повысил свой авторитет среди слушающих выразительной репликой:

— Не рублишь, так помалкивай, дядя. Уж я-то кое-что почитываю, да и бывал во всяких интересных местах...

Удивительно, но из публики меня никто не поддержал. Я выходил раньше его, и когда пробирался к дверям, мне казалось, что все с осуждением смотрят мне в спину. Уже перед самым тамбуром я был «добит» громкой фразой, сверкающей всеми гранями превосходства и утвержденного лидерства:

— И заруби себе: «Чаепитие в Мытищах» — Кустодиев. Знаток!..

Я, конечно, внутренне улыбулся. Но вот парадокс: его уверенный тон породил во мне сомнения. И, войдя в свою квартиру, я первым делом бросился к энциклопедии.

Как часто еще, к сожалению, воинствующее хамство, рассчитанное на доверчивость и всепрощение общественной совести, служит непробиваемым панцирем псевдолодеров или претендующих на звание «первых». На производстве такие люди, открывав призывы и лозунги, измордовав сотрудников, садятся в свое кресло и начинают вершить противоположное тому, к чему только что призывали. Они умеют создать проблему там, где ее нет. Они могут наобещать горы золотые и не выполнить обещанное, окружить себя лизоблюдами и третирировать достойных.

А лидерство в школе?.. Опять возвращаюсь памятью в детство. В классе верховодили двое: Петька С. и Гришка П. Акселераты, сказали бы сейчас. Но никакими акселератами они не были. Просто сидели по несколько лет в одном классе. Оба здоровые, агрессивные, подминающие под себя всех, но между собой выработавшие некое состояние динамического равновесия, впрочем, всегда готового перерасти в конфликт.

Как-то до начала уроков они заспорили, как правильно писать: «щиблеты» или «щблеты».

— Сам ты — «щблеты», — парировал Гришка, — щиблеты. Папаны, ну скажите, как правильно... — Страсти накалялись. Класс раскололся по ровну. В это время дверь медленно приоткрылась, и в щель просунулась голова Геши-очкарика. Маленький и хилый, часто болеющий, он тем не менее пользовался большим авторитетом за свой добрый характер и светлую голову. Как бы ни спорили Петька с Гришкой, но в оценке Геши они были единодушны. «Башка!» — авторитетно соглашались оба и всегда объединяли свои физические усилия на защиту Геши.

Геша был лидером класса. И не только застрельщиком всяких хороших дел, но и организатором их исполнения. Учителя надыхались на него не могли.

— Во, Геша, тебя не хватает, — крикнул Петька. — Рассуди. Ведь я прав: щблеты?

— Или щиблеты? — с надеждой уставился на него Гришка.

Геша тщательно вытер галоши о тряпку у порога, прошел к своей парте, не спеша достал учебники, а потом, пристально посмотрев сквозь очки на ждущих одноклассников, обронил:

— Штиблеты...

— Башка-а-а! — восхищенно закрепил лидирующие позиции Геши пришедший в себя Гришка.

Надо сказать, что Петька с Гришкой стали рядовыми серенькими работниками, а Геша через всю жизнь пронес славу лидера, став крупным общественным деятелем. Он никого не спихивал, нигде не заострял внимания вышестоящих лиц на собственных достоинствах. На всех постах он честно и добросовестно выполнял доверенное ему дело. Разумеется, не автоматически, а творчески, привлекая, где надо, всю накопленную эрудицию, включая энергию ищущего ума, всю страсть и горение неравнодушного сердца. Все атрибуты жизненного успеха приложились сами собой. Но он никогда не путал вечное и «вещное», и вещи занимали и занимали в его жизни ровно столько, сколько и положено вещам.

Наверно, поставь этот Геша такую же задачу, как В. Владимиров, — превратить себя в выставочный стенд для дефицитных изделий швейной промышленности, а свою квартиру — в музей мебельных диковинок и чудес электроники, он, конечно, добился бы этого без труда. Но он выше всего этого. Он не боится ответственности за судьбы людские и с достоинством несет бремя лидера, не замечая зави-

стливого шушуканья и жалких выпадов инженерствующих халтурщиков или халтурящих инженеров типа В. Владимирова.

Хочу быть первым! Сколько граней и оттенков этого желания. Бывает, на работе человек — признанный лидер, с ярко выраженной авторитарной окраской. Его все уважают, боятся, ценят. Но приходит домой — и нет его. Тише воды, ниже травы. Здесь власть принадлежит другому. Здесь командует «генерал в юбке». Или подрастающий «узурпатор», которому извращенное представление о лидерстве в семье вложили сами же его создатели.

Семья. Кому командовать? Ему или ей? Несбалансированные требования обоих часто ведут к скандалам, оскорблениям, разводам. «Не уступлю!» — воинственный клич сильной половины. — «А я чем хуже? Я тоже зарабатываю, и не меньше тебя», — парирующий ответ. Пикировка. Словесное фехтование. «Не ту программу включил». «Не имеешь права возвращаться после меня». «Ты мне всю жизнь погубил». Не правда ли, картина не менее популярная, чем печальная?

Так кто же должен быть первым? Да, конечно же, кто умнее, кто выдержаннее, кто тактичнее. Первый тот, кто первым не сказал последнего слова, кто первым подумал вот о нем, который пока молча играет в свои кубики, но развивающееся сознание которого уже начинает бороздить необузданное родительское безобразие, искажая, путая, перевирая все моральные принципы.

А если ребенок воспитывается без отца, одной матерью? Стремясь восполнить недостающее звено в воспитательной цепи, сурдобольные родичи часто перебарщивают в концентрации внимания не на тех гранях воспитательного процесса. Как же, без отца... Гуманная сторона их заботы понятна и объяснима. Но мера и соотношение частей этой заботы — нет. Потому что из подопечного растет потребитель. Ребенок привыкает: с детства все лучшее — ему. Он центр внимания. Он главный. Добрые бабушки, тети и дяди, живущие в разных концах города, прибегая, наспех суют ему самое дорогое. Но самого-то главного не успевают. Общение сводится только к передаче подарков да нескольким жалостливым фразам. И закрепляется у ребенка впечатление, что все и всё для него. Невольно он привыкает к безответному иждивенчеству и, подрастая, уже не стремится умерить свой аппетит, который ему гипертрофированно развили.

Сейчас матерям-одиночкам — всестороннее сочувствие и поддержка. Им все блага и в первую очередь: ордер на квартиру, путевку в пионерский лагерь, помощь из директорского фонда. Это справедливо, это гуманно. Это наша общественная компенсация ребенку за ошибки его родителей: ребенок не виноват, а мы пока не в состоянии устранить безотцовщину. Но это и своеобразный аванс.

Ребенок растет, видит и начинает понимать, что о нем все заботятся. И если окружающие не воспитали у него соответствующего нравственного заслона, то, став взрослым, он забывает отработать аванс, полученный от общества. Он привыкает только потреблять и стремится здесь не отстать от других. Императивный импульс «Дай!» становится доминантным в его поведении.

Хочу быть первым... Что же, наше общество предоставляет любому равные возможности для воплощения этого желания. Но в чем мы хотим быть первыми? Это уже зависит от нашей социальной зрелости, от нашей ценностной ориентации. Так давайте же, чтобы не промахнуться и вместо первого не стать последним, ежедневно вырабатывать в себе правильные внутренние установки, согласовывая свои желания и свои возможности, предъявляя к себе строжайшую требовательность и принципиальность.

Чтобы не сказать потом: «Тяжела ты, шапка Мономаха».

Или не остаться у разбитого кобыта.

**Наша дискуссия
продолжается!
Ждем новых откликов.**

Сергей ИЛЮШЕНКО

Весеннее

До поры невидимо,
 Вдруг однажды утром
 Из березы старой
 Выплывает чудо.
 Оперенье зелено.
 Только в глубине
 Будто человека
 Видно на коне.
 Ветер ветки треплет —
 Гриву у коня.
 Листьев громкий лепет
 Падает, звеня.
 То весна приходит
 Всем наперекор
 К липе и березе
 И в сосновый бор.

Любовь ДАРЬИНА

Я видела небо и море,
 Слияние сини самой.
 Там чайки на вольном просторе
 Летали, кружа за кормой.
 И рядом синевшие скалы,
 Нацеленные в небеса.
 Их синее море ласкало,
 Их било, шутя и грозя...
 Я снова стою в изумленье,
 Судьбе благодарна и дню.
 Счастливые эти мгновенья
 В душе я навеки сохраняю.

Кайсын КУЛИЕВ

Свет весенний — на снегах вершин,
 На обрывах скал — весенний свет.
 Свет весенний — на траве лугов,
 На домах, дорогах и деревьях.
 Свет весенний — у детей в глазах,
 Свет весенний — в птичьих голосах,
 На твоём лице — весенний свет,
 Свет в твоих словах, в твоей улыбке.

Сергей БРЕЗКУН

Весна прошла,
 Уже июнь:
 И на буграх трава уже пожухла,
 И легкий шарик одуванчика —
 Лишь дунь —
 Готов уже взлететь
 комочком пухлым.
 Но вечера прохладны и свежи —
 Еще весенним дышат ароматом,
 И над землею крутят виражи
 Стрижи,
 Чуть обгаренные закатом.
 И новым, молодым еще крылам
 Пока не подчиняется полет,
 Он часто вниз спадает
 И непрямым...
 Ну, ничего,
 До осени пройдет.

Геннадий ГЕОРГИЕВ

Как это просто — вдруг проснуться
 в гостинице за тыщу верст,
 открыть окно и окунуться
 в мир ветра раннего и звезд.
 Спокойно опершись на локоть,
 послушать, слившись с тишиной,
 как независимо и строго
 вздыхает небо над тобой...

Как это просто — просыпаться
 привычкам всем наперекор,
 когда сирень разжала пальцы,
 закинув руки на забор,
 когда, весною оглоушен,
 вещая новый день двору,
 петух кричит за сонной Сунжей,
 просунув голову в зарю.

Римма ЧЕРНАВИНА

Что в неподвижности цветка?
 Бесшумен он на длинной шее.
 Легчайшее прикосновенье ветерка
 Его не будоражит.
 Не беспокоит бабочки круженье.
 И капелька росы, не тронута пока,
 Играет под лучом,
 Не вызывая жажды у цветка.

Его печаль, его тоска —
 Взглянуть, хотя б издалека,
 На длинный тонкий стебелек,
 На тихо дрогнувший листок,
 На шапку нежных лепестков...
 Он бесконечно одинок,
 Возросший среди травы цветков.

Вик. ШИРОКОВ

Вновь апрель...
 О, весны увлеченность!
 Выхожу в созидаемый мир,
 и с меня облетает ученость,
 словно рушится

старый кумир.
 Чем воздам тебе,
 милая сонность
 этой рани медлительной, где
 над пригорками дремлет сосенок
 на худой загорелой ноге?
 Жду — заноеет под сердцем
 до боли

неожиданный,
 точный глагол,
 как зеленые выплески молний
 в столкновении льдин-облаков.
 Но споют ли душевные струны,
 все шаблоны ума сокруша,
 как на древе галактики юной
 зреет солнца

языческий шар?
 Совершенно земля и священна,
 и беспомощно слово пред ней,
 я в тоске безязыкого плена —
 словари мироздания бедней.
 Гениальнее нету поэмы,
 чем березовый зубчатый лист —
 он поет вдохновенно и немо,
 перед миром
 младенчески чист.

Фото Висалия МИШИНА

И ВЕШНИЕ ВОДЫ

**К 112-й годовщине
со дня рождения
В. И. Ленина**

внимания, чуткости к товарищам, родным, близким, детям, величайшая скромность — все эти ленинские черты нашли свое воплощение в произведениях Жукова.

Колоссальный фактический материал — мемуарный, историко-публицистический — пришлось собрать художнику, ведь надо было каждую деталь быта, эпохи сделать доподлинно верной, и при этом обилием подробностей не заслонить главного — человеческой, духовной силы вождя мирового пролетариата. Такая задача требовала, конечно, огромного напряжения, увлеченности, и не на день, не на месяц — на долгие годы.

Задумав выполнить серию рисунков, посвященных детским и юношеским годам Володи Ульянова, художник поехал на его родину — в Симбирск, ныне Ульяновск. Будучи там, он делал зарисовки, стараясь по возможности воспроизвести город таким, каким он был в годы детства Володи Ульянова, знакомился с документами, рисовал с натуры. Прикасаясь памятью к прошлому, Н. Н. Жуков вынашивал замыслы и сюжеты своих будущих произведений. Так родился рисунок, на котором юный Володя изображен в русской рубашке, с расстегнутым воротом. Он стоит, опершись на ствол березы, в руке у него книга. Задумчивый взгляд обращен вдаль, и мы зримо видим: мысли его устремлены к будущему, чертят первые планы революционной перестройки мира.

Вот Володя Ульянов — молодой человек с резко очерченными в уголках рта складками, с живыми и твердыми глазами. Крылатый размах бровей, высокий сократовский лоб...

Владимир Ульянов — симбирский гимназист.

Казанский студент.
Самарский адвокат.

Петербургский социал-демократ...

Размытая дождями дорога, взбирающаяся все круче вверх, рубленые низкие дома, церквушки — старая до-революционная Россия, такой мы видим ее на картине «Прощание с Симбирском». На берегу Волги стоит юный Володя Ульянов. Глаза ребячьи, с ис-

Наверное, не существует в искусстве темы более возвышенной и благородной, чем неисчерпаемая тема великой ленинской жизни, образа более неповторимого и глубокого, чем бесконечный в своем богатстве и значительности образ Владимира Ильича Ленина.

Народный художник СССР Николай Николаевич Жуков посвятил ленинской теме более тридцати лет своей творческой жизни. Приступив к работе над образом В. И. Ленина еще в годы войны, художник всегда стремился выразить свое видение Ленина, проявить свой почерк в создании этого образа. И это ему великолепно удалось... Его Ленин лишен какой-либо плакатной условности и монументальной статичности. В изображении Жукова Ленин всегда красив. Именно в этом, убеждает нас художник, заключена правда образа вождя. Ибо он был действительно красив — красив не просто внешней красотой, а красотой величайшего интеллекта и негибаемой воли революционера.

Присущие Ленину революционная страстность и умение видеть далеко вперед, собранность, сочетание требовательности, непримиримости к врагам и одновременно человеческого

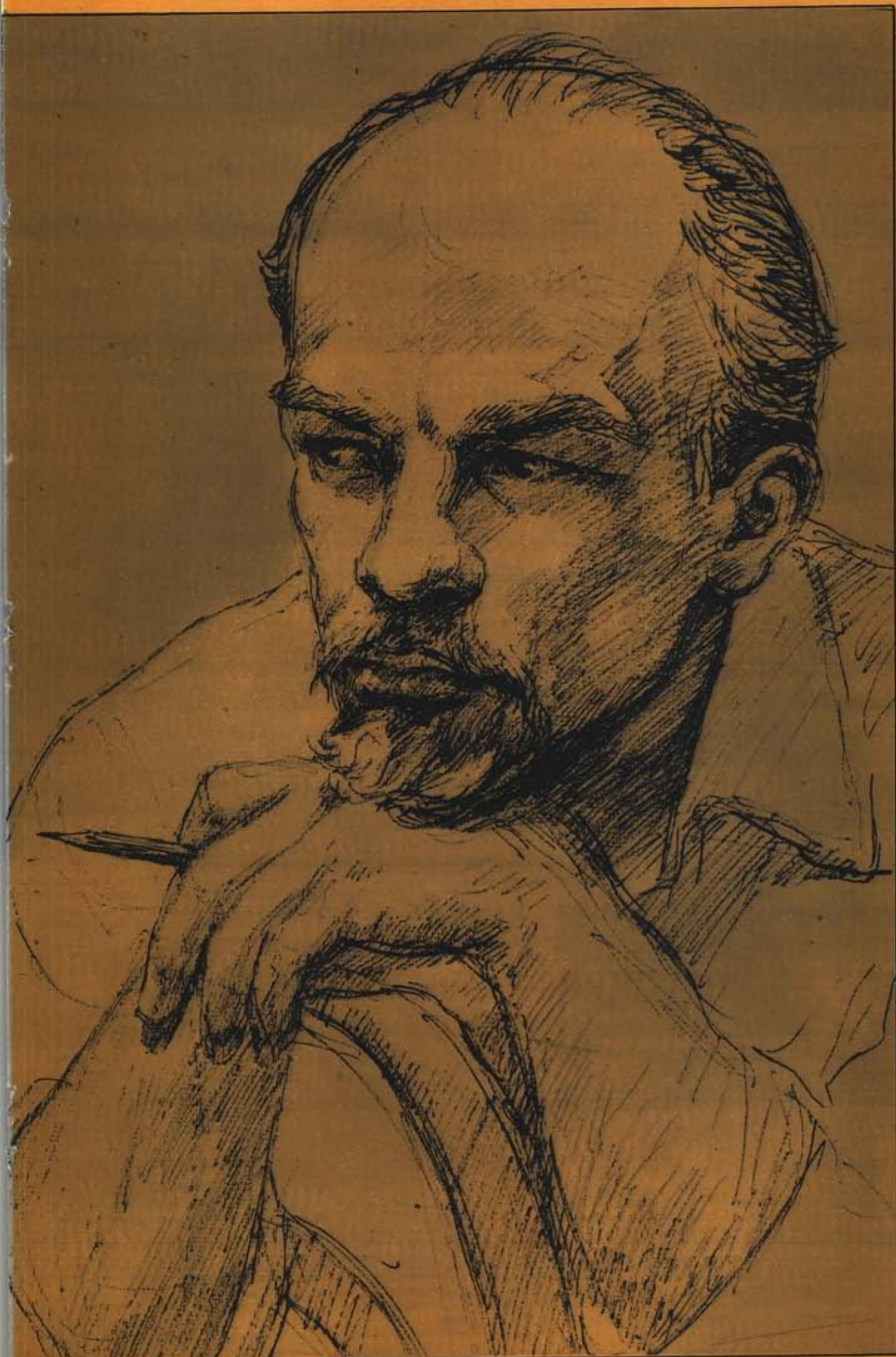

**ОТЕЦ И СЫН.
В КАЗАНЬ.
О СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА.
С ДУМОЙ О БУДУЩЕМ.**

Рисунки
народного художника СССР
Н. Н. ЖУКОВА

ВЕЛИКИЙ ОБРАЗ

коркой, но взгляд уже не детский, сосредоточенный. Под влиянием обрушившихся на семью несчастий (смерть отца, казнь брата) гимназист Ульянов ощутит в себе на пороге своего семнадцатилетия стихийный, пока еще только эмоциональный протест против жестокого и несправедливого общественного строя. Последний взгляд на дороге сердцу места — Володя сбережет, донесет их в себе до берегов Невы. Той холодной, одетой в гранитный камень Невы, где в октябре семнадцатого года будет решена судьба государства.

А вот рисунок «О судьбе Александра». В нем много общего с предыдущей картиной: та же накинутая на плечи шинель, та же раздумчивость. Но как посерьезнел, углубился взгляд. Тверже стала линия подбородка, у висков легли тени ранних раздумий. Трагическая судьба брата Александра вобрана в сердце, пережита, она сделает Володю Ульянова взрослым, испытает его характер. Теперь нужно найти выход, ответ на мучившие вопросы: не для себя одного — для всех своих сверстников, для целого поколения. «Нет, — скажет он тогда, — мы пойдем иным путем»...

Этот молодой человек органически не выносит никаких иллюзий. Он умеет смотреть в глаза правде твердо и прямо. Он марксист. Твердый, убежденный, последовательный. Он открыл в марксизме для себя ту энергию, которая закончила формирование его личности, начатое казнью брата. Жизненный путь его отныне определен точно и бескомпромиссно. Готовность к борьбе. Революция.

А как выразительно прекрасны жуковские рисунки, посвященные детским годам Володи Ульянова! Рисовать детей очень непросто. Удавалось это только настоящим мастерам. Но еще важнее для человека, рисующего ребенка, быть одновременно и художником, и психологом, и педагогом. И, конечно, надо по-настоящему любить детей, уметь входить в их особый мир, который они далеко не каждому приоткрывают. Николай Николаевич Жуков, создав целую серию рисунков «Юный Володя», доказал, что он блестящий мастер, который владеет бесценным даром — незаметно войти в душу ребенка, словно волшебным ключиком открыть в нее дверь и так уловить и передать в своих рисунках характер, движение, переживания ребенка, что мы, зрители, начинаем открывать для себя что-то новое, то, что было до того непонятным, а сейчас засверкало каким-то особым богатством и особой прелестью.

И чем дальше всматриваешься в эти рисунки, каждый из которых представляет своеобразной новеллой, тем зримее осознаешь осмысленные художником тончайшие нюансы психологического состояния, духовной, внутренней жизни Владимира Ильича. Так, благодаря многообразию рисунков, сделанных, кажется, с невероятной легкостью, складывается целостный образ великого человека.

За свою более чем тридцатилетнюю работу над художественной Ленинианой Н. Н. Жуков создал более двух тысяч произведений. «Напряжение, радости» — именно так назвал он сам свою работу над образом вождя. В этих словах, пожалуй, точнее всего раскрывается суть его творческих поисков.

Юрий АНОХИН,
искусствовед

ИМЕНИ ЛЕНИНА

СТОЛ, ЗА КОТОРЫМ В 1907 ГОДУ РАБОТАЛ ЧИТАТЕЛЬ СТОКГОЛЬМСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН. ПОДАРЕН ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ШВЕЦИИ.

В ЧИТАЛЬНЫХ ЗАЛАХ ВСТРЕТИТЬ ХУДОЖНИКОВ УНИКАЛЬНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

Жемчужины отечественной культуры

Владислав ПЕРФИЛЬЕВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина... В устной речи слово «имени» часто опускается, говорят: библиотека Ленина, Ленинская библиотека. Ей немногим больше ста лет. Для такого учреждения возраст довольно скромный. Но мы не мыслим столицы без нее, как без Красной площади, университета. Почему? Проще простого объяснить это утилитарными мотивами: крупнейшее книгохранилище, там мы получаем книги, которые нам необходимы, следовательно, и библиотека необходима

МЫСЛИТЕЛИ.

О, КАКИЕ ЖЕ ОНИ РАЗНЫЕ — ЧИТАТЕЛИ!

также. Все это так и не совсем так. Потому что мы не просто ценим, мы любим эту библиотеку. Любим как часть нашей истории, часть нашей судьбы. И так, с чего и как началась она, библиотека имени Ленина? В цепи имен, с которыми связана история создания библиотеки, имен блестящих, есть одно, которое известно далеко не многим. Это имя директора Пажеского и Кадетского корпусов генерал-адъютанта Демидова. Какой же вклад в историю внес этот генерал-адъютант? Почему сегодняшние историки от случая к случаю, но

вспоминают его, тем самым выделяя из тысяч других давным-давно забытых генералов и адъютантов? Его имя вошло в историю, потому что он не сделал ничего. Да, случается и такое. Николай I, например, был глубоко убежден, что Пушкин прославится как «поэт его окружения». Вышло наоборот: имя Николая I действительно часто встречается на страницах многих современных изданий, но лишь потому, что он имел отношение к Пушкину. Спросите сейчас прохожего: кто такой Румянцев? — Румянцев? — Он поднимет глаза к небу. — Полководец вроде. — А может, какого другого Румянцева вспомните? — Другого? Вот Ленинская библиотека раньше Румянцевской называлась... Значит, собиратель книг. Да, о государственном канцлере, графе, кавалере многих орденов, владельце огромного состояния Николае Петровиче Румянцеве через два с половиной века после его смерти вспоминают главным образом как о собирателе книг. Комплектованию его уникальной библиотеки помогло то, что вокруг высокопоставленного и образованного мецената группировались многие

ЧАСТО МОЖНО
ОБ КОПИРУЮЩИХ
РАШИИ.

ЗАЛ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК.

ЭТО И ПЕРВЫЙ ПУШКИН
МУЗЕЙ В МОСКВЕ. В НАШЕ
ВРЕМЯ — ОДИН ИЗ ЦЕНТРОВ
КУЛЬТУРЫ.

избрав ловкий предлог: «Оное заведение с большой удобностью могло бы быть передано в ведомство Министерства народного просвещения», — и тем самым оказывает русской культуре неоценимую услугу. Кто знает, что сотворили бы с редкими книгами «рыцари из расадника»? А министерство в 1831 году открыло «Румянцевский музей» с такой надписью на фронтоне: «От государственного канцлера графа Румянцева на благо просвещение». Правда, на этом министерство посчитало свою миссию законченной, средств на его содержание выделяло с каждым годом все меньше и меньше... Наконец, директор «музеума» В. Ф. Одоевский подал докладную записку, в которой предлагал перевести музей в Москву или закрыть вовсе.

И надо же такому случиться, что эта докладная попала на глаза попечителю Московского учебного округа Н. В. Исакову, который еще несколько лет назад выдвинул план создания Московской публичной библиотеки. Надо ли говорить, с каким энтузиазмом он взялся за «пробивание» предложения Одоевского!

Надо же такому случиться... А вы обратили внимание, что такие «случаи» чаще всего происходят с энтузиастами, людьми, одержимыми какой-то большой идеей? Ньютон «случайно» открыл закон всемирного тяготения, Колумб «случайно» причалил к берегам Америки...

Энтузиазм — душевный подъем, стремление к какой-либо цели. Так что же удивительного в том, что случайности происходят прежде всего с людьми, имеющими цель и к ней стремящимися? Например, генерал-адъютант Демидов от случайностей был застрахован прочно. Недаром таких людей называли «столпами самодержавия». Столп — это то же, что и столб, только побольше. А какие случайности могут произойти со столбом? Ну, сгнить он может. Но это уже не случайность, а закономерность.

Энтузиасты же горят. Они горят идеей, а потому — очень часто — и на кострах.

Создатель одной из первых московских публичных библиотек замечательный русский журналист и издатель Н. И. Новиков был заточен в Петропавловскую крепость. Спустя десятилетия герой Севастопольской обороны Н. В. Исаков стал первым директором Румянцевского музея в Москве. Связь между этими двумя людьми прослеживается трудно, очень они разные — и по взглядам и по положению, но тем не менее это эстафета энтузиазма, эстафета российского просветительства.

Итак, вопреки сопротивлению царских чиновников, их консерватизму, скудоумию, жадности летом 1862 года музей в Москве открыл свои

ко можно встретить человека, который бы прочел так много книг...». И последние слова гениального поэта были обращены к книгам. «Прощайте, друзья!» — сказал он, глядя на книжные полки.

В нашем сознании понятия «Пушкин» и «книга» неразделимы. Естественно, что на корешках тысяч томов, хранящихся в библиотеке, стоит имя поэта. Но дело не только в этом. Судите сами: Одоевский, внесший предложение создать библиотеку, был другом поэта, его сын — А. А. Пушкин — передал ей в дар в 1880 году большое количество рукописей отца вместе со многими предметами обстановки его кабинета. Музей получил также много рукописей Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова и других писателей.

Так год от года библиотека становилась феноменально богатой и при этом

БЕЗ ЭВМ В НАШЕ ВРЕМЯ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ КРУПНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

ОТСЮДА ЗАЯВКА ЧИТАТЕЛЯ ПО ПНЕВМОПОЧТЕ НАПРАВЛЯЕТСЯ В ХРАНИЛИЩЕ.

НА СЧЕТУ ИННЫ ЕГОРУШКИНОЙ УЖЕ НЕМАЛО ВОЗВРАЩЕННЫХ К ЖИЗНИ КНИГ.

двери для посетителей. Он разместился в одном из лучших зданий города — в Пашковом доме, творении великого русского зодчего В. И. Баженова. Построили этот дом для одного из самых богатых людей екатерининского времени — П. Е. Пашкова, сына астраханского губернатора.

И все-таки правильнее было бы назвать этот дом домом подарков. Хотя библиотека и пользовалась правом «получать бесплатно по одному экземпляру всего, что в России печатается, гравировается и литографируется» по какому бы то ни было ведомству», основой музея стали частные пожертвования. За первые пятьдесят лет своего существования библиотека получила в качестве дара свыше 50 крупных книжных собраний — 300 000 томов.

Тысячи людей были причастны к созданию библиотеки. И никак нельзя не назвать имени Пушкина. Такого уж, видимо, свойство гения: и после смерти присутствовать, участвовать в делах, близких его жизненным устремлениям. Н. Г. Чернышевский писал, что «страсть к чтению сохранилась у Пушкина до конца жизни. Ред-

«АПОСТОЛ» 1564 ГОДА — ПЕРВАЯ РУССКАЯ ПЕЧАТНАЯ КНИГА, ИЗДАННАЯ ИВАНом ФЕДОРОВЫМ.

делалась все бедней и бедней. Здесь нет парадокса. Количество хранящихся книг, рукописей становилось все значительнее, а вот возможности открыть эти богатства для желающих оставались очень ограниченными.

Если первоначальный фонд библиотеки составлял 100 тысяч томов, то к 1900 году — свыше полумиллиона. В 1862 году штат библиотеки был утвержден в количестве четырех человек, а к 1900 году увеличился аж в два с половиной раза — до десяти человек. «Обязательные» экземпляры поступали нерегулярно, а поступившие некому было обрабатывать. Чтобы обеспечить сохранность журналов и газет, решили читателям их попросту не выдавать. Заодно уж и беллетристику отлучили от читателей.

В юбилейном сборнике «Пятидесятилетие публичного Румянцевского музея в Москве» директор библиотеки сообщил: «История музея за пятьдесят лет его существования есть, в сущности, история его безысходной нужды, история тяжелой борьбы за сколько-нибудь удовлетворительные условия деятельности». Невеселый получился

юбилей. «Безысходный», как отметил директор.

Число читателей тогда доходило уже до 13 тысяч, и директор, конечно, не знал, что среди записавшихся в библиотеку в августе 1893 года был помощник присяжного поверенного, имя которого уже скоро будет носить библиотека. Не знал он, что среди читателей — многие будущие деятели Коммунистической партии.

А вот, что 70 процентов читателей библиотеки составляла студенческая молодежь, директор, конечно, знал. Не мог не замечать он огромных очередей у входа в читальный зал на 300 мест, который еще 40 лет назад вмещал всех желающих, хотя было в нем всего 20 мест.

«Чем выше человек восходит в познаниях, тем пространнейшие открываются ему виды», — писал А. Радищев. «Пространнейшие виды» открывались, следовательно, и перед посетителями библиотеки. Если бы ее директору сказали, что он трудится на революцию, он, вероятно, засмеялся бы и замаскал руками. И тем не менее это было так. Ведь лучшие библиотекари Румянцевского музея способствовали просветительству и прогрессу во имя больших перемен в стране. Они «открывали виды» на прекрасное будущее. Путь к нему лежал через революцию.

1917-й. Революция победила. Началась гражданская война. Положение на фронтах тяжелое. Тревожные сводки. Революция в опасности! В это время Ленин дает указания нарком просвещения Луначарскому: «Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая сама должна доходить до читателя».

В Москве — голод. Катастрофически не хватает топлива. На заседание Совнаркома выносятся вопросы о закрытии Большого театра — его помещения нечем отапливать. Голоса разделились. Ленин был против закрытия. Тогда же ко входу в Румянцевский музей часто подъезжали сани. Стук в дверь:

— Эй, принимай буржуазские книги по декрету!

Декрет, принятый Советским правительством в 1918 году, ставил под охрану закона национализированные книжные собрания и библиотеки ликвидированных учреждений.

Бульжник — оружие пролетариата. Книга — оружие победившего пролетариата. В декретах и других решениях Совнаркома тех лет библиотека упоминается часто.

В 1919 году утвержден новый штат — 280 человек.

В 1921—1925 годах проведена реорганизация музея, в результате которой библиотека стала самостоятельным учреждением.

Декабрь 1921 года — Совнарком объявляет Румянцевскую библиотеку иметь все вышедшие и выходящие в России произведения печати.

24 января 1924 года — Наркомпрос переименовывает Румянцевскую библиотеку в Российской публичную библиотеку имени В. И. Ленина.

Постановление ЦИК СССР от 6 февраля 1925 года — библиотеке присвоено наименование «Государственная библиотека Союза ССР имени В. И. Ленина».

В 1927 году правительство принимает решение о строительстве нового здания библиотеки...

Так началась новая история библиотеки, известной теперь каждому в стране.

Но перед тем, как перейти к рассказу об этой новой истории и о сегодняшнем дне библиотеки, давайте вспомним о небывалой засухе в древнем Египте. Не горюетесь удивляться: при чем, мол, тут засуха в Египте, да еще в древнем? Дело в том, что отчаявшись египтяне тогда отправились к мудрому Имхотепу, который в «доме папируса»

справился в священных свитках, когда наступит пора дождей, и успокоил соотечественников. Как удалось Имхотепу так быстро разыскать среди тысяч свитков именно тот, который был необходим?

Мало собрать в одном месте книжные богатства, нужно уметь ими пользоваться, позаботиться об их учете и строгой систематизации. Казалось бы, это понятно любому школьнику, но...

Но этого не понимал, например, в середине XVIII века главный библиотекарь Российской Академии наук Шумахер, при котором книги хранились в шкафах безо всякой системы, а на видное место выставлялись издания в дорогих переплетах.

С этим не захотел мириться С. В. Ломоносов. Он с гневом писал в Меморандуме о том, что ценность библиотеки заключается в книгах, а не в роскошных шкафах.

Гнев Ломоносова понять можно, но и поведение Шумахера вполне объяснимо. Ломоносов смотрел в будущее и видел перед собой «рабочую» библиотеку, богатствами которой пользуются тысячи людей, а Шумахер — в недалеком прошлом, когда библиотеки были частной собственностью отдельных лиц и составление каталогов, строгий учет и прочее не было первейшей необходимостью.

Отказываться от устоявшихся представлений — дело сложное. И если мы будем самокритичны, то обнаружим, что в некоторых из нас до сих пор живет маленький шумахер. Если, например, в фильме нам хотят показать ученого, который собирается совершить открытие, то заставляют этого ученого ходить вдоль книжных полок, доставать по одну книгу, то другую, делать выписки... Дело, разумеется, происходит в личной библиотеке. Давайте задумаемся: сколько в ней может быть книг? Тысяча? Пять тысяч? Больше даже профессорская квартира вряд ли вместит.

Если не кинематографический, а настоящий ученый будет рассчитывать только на лично им собранные материалы, то открытие вряд ли вообще состоится. Подсчитано, что с того времени, когда Гутенберг изобрел печатный станок, в мире напечатано более 50 миллионов названий книг. Сейчас издается около 70 тысяч журналов, ежедневно выходит около восьми тысяч газет. Человек за свою жизнь может прочитать пять — семь тысяч книг. Вот и делайте выводы.

Однако это не приводит нас в уныние, прогресс не останавливается. Нам на помощь приходят работники библиотек, делающие все для того, чтобы книги выполняли функцию, которую так глубоко и образно сформулировал А. Герцен: «Книга — это духовное завещание одного поколения другому... приказ, передаваемый часовым, отправляющимся на отдых, часовому, заступающему его место». Библиотекари составляют каталоги, библиографические указатели и другие пособия. Благодаря им мы можем за короткое время определить, какие книги, журналы, газеты нам необходимы для работы над той или иной проблемой, и — естественно — заказать эти издания в библиотеке.

Это пространное отступление потребовалось для того, чтобы перейти к рассказу о новом этапе в жизни библиотеки, в котором ее сотрудники много сил отдали именно составлению каталогов и налаживанию справочной службы. Каталог, справочная служба, инструкция — слова довольно скучные. И очень не хочется, чтобы за ними затерялась, смазалась та громадная роль, которую они играют. Ведь в результате их создания решались задачи поистине грандиозные. Во-первых, библиотека становилась действительно публичной, массовой, во-вторых, знания, заключенные в книгах, которые в ней хранились, переставали быть мертвым грузом: Книжки начинали «рабывать».

В конце 1918 года в библиотеке было организовано справочное бюро, которое позднее стало справочно-библиографическим отделом. В 1919 году справок было выдано всего 290, через двадцать лет — в 1940 году — уже 45 тысяч, в прошлом году — более 150 тысяч.

Кто обращается за справками? На этот вопрос можно смело ответить: все. Правительственные учреждения, библиотеки, заводы, институты... Министры, рабочие, ученые, студенты... Сюда приходят, шлют письма, звонят по телефону.

Получить справку о книгах можно, разумеется, с помощью книг. Но книг особых — энциклопедий, справочников, библиографических изданий. Работники справочно-библиографического отдела пользуются Большой Советской и Малой Советской энциклопедиями, энциклопедическими словарями Граната, Брокгауза и Ефрона. Одно из последних поступлений — Советский энциклопедический словарь, отпечатанный на особой бумаге и содержащий 80 тысяч статей, почти столько же, сколько энциклопедия. Здесь же большое количество библиографических изданий всех континентов, среди них текущие отечественные библиографии — «Книжная летопись», «Летопись журнальных статей», летописи рецензий, газетных статей.

Здесь знают все обо всем. Недаром когда мы становимся в тупик, то говорим: ну, видимо, придется идти в Ленинку! И там находим ответы практически на любые вопросы. Конечно, вопросы бывают разные. Даже любителя кроссвордов никто не упрекает в том, что для того, чтобы найти правильный ответ, он решил пересмотреть десятки книг, больше того — ему помогут. Но большинство людей, обращающихся за справками, интересуются жизненно важными проблемами. В годы войны, например, от точно и быстро данной справки могли зависеть жизни сотен людей, успех боевых операций...

Но об этом периоде в жизни библиотеки мы еще расскажем, а пока вернемся в тридцатые годы. Число читателей библиотеки тогда увеличивалось день ото дня. Появилась острая необходимость в строительстве нового здания. Был объявлен специальный конкурс, в результате которого приняли проект академика В. Шуко и профессора В. Гельфрейха. В мае 1930 года началось строительство нового грандиозного здания на территории, примыкающей к Пашкову дому. Возможно, слово «грандиозное» сейчас уже не точно, если сравнивать это здание с теми, которые строились позднее, как если бы сравнивать Днепротэс и атомные станции. Но ведь новое здание начали строить тогда же, когда строился Днепротэс.

Традиционные отношения читателя и библиотеки, когда тот приходил, запрашивал определенные книги, а библиотека выдавала их, уже не удовлетворяли потребности нового общества. Уместно вспомнить такой случай. К VIII Всероссийскому съезду Советов, на котором принимался план ГОЭЛРО, издали книгу, составленную из трудов посвященных электрификации России. Каждый делегат получил по экземпляру. И по предложению Ленина была сделана вклейка такого содержания: «Ввиду крайней незначительности числа экземпляров этой книги убедительно просят товарищей, получивших ее, передать книгу по прочтении в местную библиотеку, чтобы по этой книге могли учиться рабочие и крестьяне».

Чтобы помочь рабочим и крестьянам учиться, необходимо было книгу пропагандировать. Как? Устраивать выставки, составлять рекомендательные списки, проводить лекции, консультации. Словом, использовать привычные для нас формы работы библиотек. Но привычные-то они для нас,

а тогда это было почти революцией в библиотечном деле. Ведь не так много лет прошло с тех пор, когда книги в библиотеках приковывались цепью, как узники. Теперь делом чести для библиотекаря стало добиться, чтобы книга оказалась достоянием каждого труженика. Вернее, даже не достоянием, а рабочим инструментом, при помощи которого он, познавая мир, перedelывал бы его.

Первые пятилетки страны были первыми пятилетками ее главной библиотеки. Страна училась и создала. Библиотека училась и учила. В то время издавался такой журнал — «СССР на стройке». Библиотека имени Ленина тоже строила — новый мир и самое себя. Все было новым, обновлялось и библиотека.

В середине 1941 года должно было закончиться строительство второго корпуса — 18-ярусного книгохранилища. Но грянула война. Войны уносит не только человеческие жизни, они уносят знания, отбрасывая человечество в его развитии на многие годы назад. Сколько замечательных библиотек погибло в огне сражений! Их судьба не должна была постигнуть Ленинскую библиотеку. Поэтому фонд отдела редких книг вместе с другими культурными ценностями были эвакуированы из столицы. Остальные книги — в основном на руках — перенесли в новое хранилище, под надежные железобетонные перекрытия. 91 день перемещали книги работники библиотеки. Но обслуживание читателей не прерывалось. Хотя состав их сильно изменился. Среди них гораздо больше стало военнотружеников — и это неудивительно, больше специалистов оборонной промышленности — закономерно и это. 135 тысяч библиографических справок, выданных в годы войны, — это вклад библиотеки в победу над врагом. Люди были вынуждены обращаться к тем отраслям знаний, которые в мирное время не были так необходимы.

Но то, что меньше чем через год после начала войны в старом здании библиотеки открылся детский читальный зал, может вызвать удивление. И тем не менее это было очень мудрое решение. Стремясь к победе, государство заботилось не только о ней, но и о наследниках этой победы.

Война близилась к концу. Торжественно звучал по радио голос Юрия Левитана, читавшего сводки Совинформбюро. Дивизиям присваивались наименования по названиям городов, которые они занимали, за боевые подвиги награждались орденами и медалями солдаты и офицеры. В эти дни прозвучали по радио такие слова: «...за выдающиеся заслуги в деле собирания и хранения книжных фондов и обслуживания книгой широких масс населения...» Зачитывалось сообщение о награждении библиотеки имени В. И. Ленина орденом Ленина.

Библиотека вступила в новый этап своего существования, который можно охарактеризовать всего двумя словами: больше и лучше. Что за ними? Старые (уже старые!) цели и новые формы работы. Вот они, вернее, лишь их перечисление. Вводились в строй новые корпуса, расширялись читальные залы, был реорганизован весь конвейер подачи книг читателям, появилась подвесная дорога, расширилось участие в междубиблотечном абонементе и международном книгообмене, был создан отдел микрофильмирования, составлена новая схема библиотечно-библиографической классификации, введен в практику новый порядок обработки печатных изданий, организуются археографические экспедиции...

Больше и лучше... Сейчас в штате библиотеки сотрудников столько же, сколько на довольно крупном промышленном предприятии, — больше трех тысяч. А деятельность ее настолько разнообразна, что если бы в

какой-нибудь газетной редакции вдруг иссякли запасы свежих сообщений, то библиотека обеспечила бы новостями любые рубрики. «Новости культуры» — пожалуй, можно рассказать об очередных Федоровских чтениях или о телепередаче из зала библиотеки; «Новости науки» — сколько угодно: при помощи новейшей техники удалось прочесть текст древнерусской рукописи; «Новые книги» — и тут нет проблем: монографии издаются библиотекой регулярно; достало бы сообщений и под рубрики «Международные связи», «Открытия», «Новые поступления» и другие.

Больше и лучше... Больше и лучше с каждым днем работают общесоюзная публичная библиотека, государственное книгохранилище, научно-исследовательское и методическое учреждение. Это разные организации? Нет, все это Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

Рассказать в журнальной корреспонденции о сегодняшнем дне библиотеки трудно. Рассказ потребовал бы целой книги (и такая книга, даже не одна, уже написана). Поэтому, чтобы получить некоторое представление — не больше! — о работе библиотеки, давайте пройдем по ее помещениям и поведем репортаж об увиденном.

Эпизод первый: несколько работников оформляют выставку для сотрудников библиотеки. Она просуществовала очень недолго: всего полдня. Называют ее выставкой «обязательного экземпляра», на ее стендах за прошлую пятилетку побывало 2591 157 «учетных единиц», на которые увеличился фонд библиотеки. Пока «учетные единицы» еще пахнут типографской краской, но уже к концу дня на каждой из них появятся индекс, штамп, и они поступят в книгохранилище. Конечно, библиотека организует и другие выставки — более 330 в год — самые разнообразные, при читальных залах и в специальных выставочных помещениях.

Эпизод второй: в свой кабинет входит ученый секретарь библиотеки А. Кокорев. Сегодня у него ответственный день: в два часа заседание ученого совета. На повестке дня обсуждение вопроса «Программа исследования по проблеме совершенствования управления библиотечным делом в СССР», потом утверждение тем докторских и кандидатских диссертаций. Сейчас в штате библиотеки девять докторов наук, 126 кандидатов наук. Около двадцати человек работают над докторскими диссертациями, около девяноста — над кандидатскими. При библиотеке существует отделение института культуры — сотрудники могут получить высшее образование, не выходя из ее стен. Существуют курсы переподготовки. Многие изучают иностранный язык. А как же иначе? Книгообмен ведется с 3454 партнерами в 102 странах мира, в читальных залах записаны граждане 184 стран, а литература поступает на 249 языках.

Эпизод третий: по коридору идут три человека — этимолог, биолог и химик. Они не посетители, не экскурсанты. Они здесь работают. Их совсем не библиотечные профессии очень пригодились для научно-исследовательской лаборатории по гигиене и реставрации книг. Они ищут и находят средства для «лечения» старых книг, укрепления бумаги, чернил.

Сейчас работникам лаборатории предстоит ответственное дело: сотрудники отдела рукописей Ю. Рыков и Ю. Лабунцев вернулись из очередной археографической экспедиции в Московскую и Рязанскую области. В одной из деревенских изб Раменского района они обнаружили четыре рукописные книги, которые, возможно, приоткроют новую страницу в истории русского нотного-музыкального искусства. Но, к сожалению, страницы самих книг слиплись, отсырели, у одной из них утеряна верхняя часть переплета. Ничего удивительного: владелица

собиралась пустить эти книги на растопку печи. Теперь они в библиотеке — «Триодь постная и цветная» и «Праздники на линейных квадратных нотах». Находите такие книги все труднее и труднее. Тем не менее не так давно отдел рукописей пополнился «ярославским собранием», составленным из находок четырех археографических экспедиций — 326 названий рукописей XV—XIX веков.

Эпизод четвертый: у служебного входа останавливается машина с надписью «Телевидение». Молодые люди начинают тянуть кабель, устанавливать аппаратуру — готовится очередная телепередача «Круг чтения». Работники телевидения — частые гости библиотеки.

Эпизод пятый: девушка аккуратно прикрепляет к доске объявлений листок: «Сегодня в конференц-зале библиотеки состоится встреча с писателем В. Солоухиным...» За последнее время здесь побывали К. Кулиев, В. Быков, Б. Окуджава... Все они оставили книги с автографами. За год библиотека проводит свыше 180 семинаров, обзоров, музыкальных вечеров.

Эпизод шестой: в отделе рекомендательной библиографии несколько человек рассматривают новое поступление. Оно интересно тем, что в данном случае библиотеку имени Ленина пополнил... библиотека имени Ленина. За год она издает свыше 350 названий объемом около 1500 издательских листов. Особо следует выделить своеобразные «книги о книгах» — рекомендательные библиографические пособия по различным областям знания. О книгах, которые могут помочь в формировании взглядов молодого человека на мир и свое место в нем, можно, например, узнать из указателей «Твой нравственный идеал», «В битве идей нет компромиссов». Сами за себя говорят названия указателей художественных произведений — «Молодежь Страны Советов», «Мне в мире до всего есть дело...», «С огнем Прометея».

Теперь, наконец, пора взглянуть на то, что происходит в 22 читальных залах библиотеки, где ежедневно занимаются восемь тысяч читателей. Это они за год затребовали свыше 11 миллионов «единиц хранения» — журналов, газет, микрофильмов, карт, нотных сборников... Кого же выделить из восьми тысяч посетителей, о ком рассказать?

Давайте выделим того, который ничем не выделяется: самого обычного читателя.

Он входит в библиотеку и сразу направляется в каталог. Пользоваться им он умеет. К консультанту обратился один-единственный раз. Оформил требование. Передал его. Консультант сообщил ему, что книги поступят из книгохранилища через час десять минут прямо на его номер. Нажатие кнопки — патрон с требованием отправился по пневмопочте в соответствующее хранилище. Пока требование доставлялось в группу хранения и там сотрудник подбирал требуемые книги на механический конвейер, регистрировал их, читатель отправился к изданиям, представленным в открытом фонде. Там он взял несколько журналов по своей специальности и сделал из них выписки. Через час десять минут он получил книги из хранилища и снова сел за стол читального зала. Библиотеку он покинул ровно через три с половиной часа.

Мы познакомили вас со «среднестатистическим» читателем, и все цифры, приведенные здесь, — «средние». Разумеется, есть посетители, которые не идут дальше каталога, есть те, которые вообще не пользуются хранилищем, а удовлетворяются тем, что есть в открытом фонде (это стоит немалых усилий библиотечарям, они стараются держать в нем издания, которые пользуются особым спросом), есть, которые просиживают в библиотеке от

открытия до закрытия. Читатель, о котором мы рассказали, еще раз повторим — «среднестатистический».

Теперь — о технике. Мне она показалась достаточно совершенной: при помощи пневмопочты заказы читателей доставляются в шесть корпусов библиотеки, существуют 76 приемно-отправочных пунктов, скорость движения патрона — 6—8 метров в секунду, общая протяженность пневмопочты — три с половиной километра. Что еще требуется?

Многое! — считают работники библиотеки. И они уже конструируют систему, при которой обработка изданий и обслуживание читателей будут автоматизированы, введены в действие ЭВМ, дисплеи, другая электронная техника. Над разработкой этой системы трудятся не только сотрудники вычислительного центра, но и многие их коллеги. Когда система будет введена в действие, исчезнет необходимость выписывать читательское требование, вы просто подходите к дисплею и называете нужное вам издание. Но это пока завтрашний день. О нем можно рассказывать и вовсе бесконечно.

Только увлекшись таким рассказом, можно упустить из виду главное — Книгу.

Прекрасна и удивительна атмосфера в библиотеке имени Ленина, когда ты с книгой «наедине, с глазу на глаз». Как, каким образом она создается? Может быть, дело в высоких, с трудом поддающихся дверях, неярких тонах, приглушенном свете настольных ламп, словно протестующих против современных аквариумов районных читальных залов с «кафешными» стульями? А может, дело в другом: в ощущении высокого братства, которое испытывают люди, входящие сюда? Музей подобен храму, а библиотека — музее. Пришедшие сюда объединены одной высокой идеей.

Дети, попавшие в музей, горластые, непоседливые дети смолкают, стараются идти на цыпочках безо всяких к тому усилий учителей и экскурсоводов. Человеческий гений продолжает жить в его творениях. Невозможно представить человека, рассказывающего анекдот перед Джокондой.

Сейчас в библиотеке реже говорят — «читать», чаще — «работать с книгой». Нисколько не унижая все другие виды работы, скажу: работа с книгой — очень высокая работа, которая сродни творчеству. Кто-то может задать вопрос: ну, какая там работа, какое творчество, знай — усваивай, что написали другие. Такого человека можно пожалеть: у него нет и не было собеседников среди Пушкина, Гомера, Толстого... Он не спорил, не соглашался, не радовался вместе с героями и авторами этих книг.

Великий Ленин, который велик и как читатель, дает нам образец заинтересованного, можно сказать — эмоционального чтения. Г. М. Кржижановский вспоминал: «Читая книгу, прошедшую через его руки, невольно становился на его точку зрения: так метко расставлены его подчеркивания, его восклицательные и вопросительные знаки, это выразительное ленинское «гм, гм...», и вам сразу становится ясным ход ленинских мыслей».

Допустим, что возможен и такой вопрос:

— А зачем они вообще — редкие, старые издания? Ведь одну и ту же книжку столько раз переиздают. Так чем же отличается первое издание от последнего?

Во-первых, не все книги переиздают, иначе для выпуска новых произведений просто не хватило бы бумаги.

Во-вторых, одно издание может отличаться от другого очень и очень сильно. Вот пример. Известный советский ученый Н. Гудзий, готовя к изданию 90-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого, был вынужден внести 53 исправления только в текст романа «Воскресение», устраняя цензурные и редакторские искажения.

И, наконец, в-третьих, каждое произведение из фонда инкунабулов, например, представляет собой ценный и более или менее редкий культурно-исторический памятник. И если он многократно переиздавался, то интерес представляет уже не своим содержанием, а своей формой, полиграфическими особенностями и т. д.

Швайполт Феоль, иеромонах Макарий, Франциск Скорина, Иван Федоров — кому не известны эти имена? Держали ли вы в руках «Уложение» царя Алексея Михайловича, «Граматику» М. Смотрицкого, «Арифметику» Л. Магницкого? А первые издания трудов М. В. Ломоносова, «Описание земли Камчатской» Степана Крашенинникова, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина? А если это случалось, то неужели не было у вас ощущение, что вы «знакомствуете» с их авторами? И гордости, что «знакомствуете»? А может, и чего-то большего, чему и название не подобрать?

...Пройдет несколько дней, и этот номер журнала тоже поступит в библиотеку имени Ленина, станет «единицей фонда хранения». Как и тысячи других книг, газет, журналов.

Сейчас много говорят и пишут о том, что бесконечное накопление скоро будет невозможно: нельзя, мол, постоянно расширять площади библиотек (это так — один из филиалов Ленинки уже не нашел места в черте Москвы и переселился в Химки), потому что, несмотря на все усилия реставраторов, книги не смогут жить вечно и начнут разрушаться, потому что ученому, работающему, например, на Курильских островах, вряд ли имеет смысл ехать в Москву, чтобы получить справки по вопросам совсем не главным, но необходимым.

Все это правильно, все соответствует действительности, но разве это приближающиеся катаклизмы? Папирус — пергамент — бумага... Если в приведенную выше цепочку добавится еще одно слово — «микроленка», книга (по сути, а не по форме) перестанет быть книгой?

Эти формы ищет, «нащупывает» сейчас библиотека имени Ленина. Какими они будут — микрофильмы, телесвязь или что-нибудь еще, — сказать пока трудно. Выбор будет делать время. А пока...

В 1935 году Ромен Роллан завещал библиотеке имени Ленина свои дневники с условием, чтобы пакеты были вскрыты лишь через двадцать лет. Так библиотека копила сокровища человеческого гения.

В 1980 году из Саратова в редакцию одной центральной газеты поступила жалоба от девушки, которой библиотека задержала высылку микрофильма с журнала мод «Ванда», а девушке не терпелось с ним ознакомиться. Меры были приняты, девушка микрофильм получила.

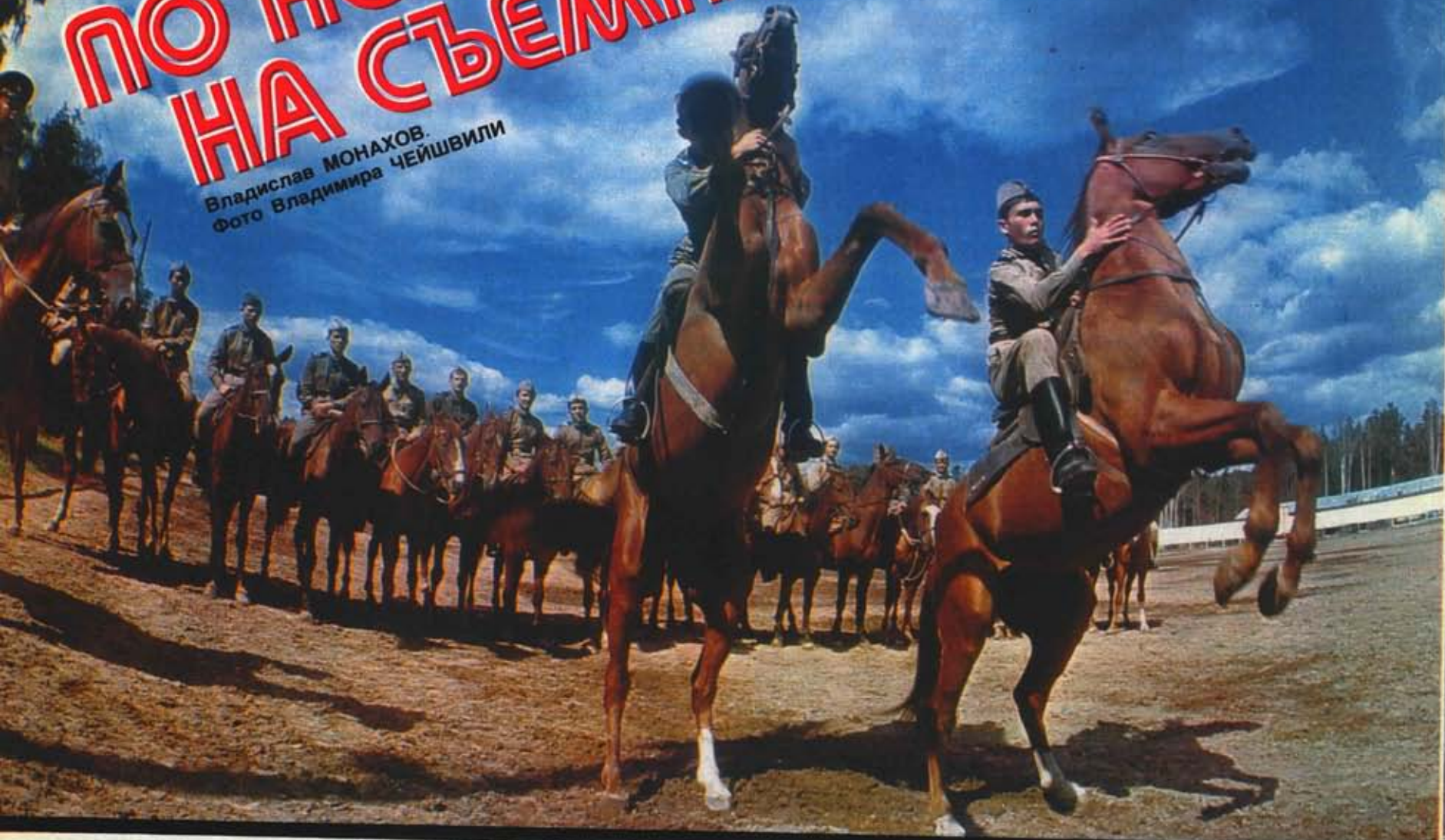
Спорят ли между собой эти случаи? Думается, что нет. Они просто дополняют друг друга. Государственная библиотека стала «душеприказчиком» великого писателя — это закономерно. Обращение к ней по самому обыденному поводу стало самым обыденным фактом — закономерно и это. Любая единица хранения в этой библиотеке не просто хранится, а работает. Работают дневники писателя — у них свой диапазон, своя «сфера приложения сил», но работает и журнал мод — у него своя аудитория.

— Ну, вот, — скажут работники библиотеки, — нашли пример, да мы вам подберем за любой день такие загадки, такое разнообразие, что ахнете!

Зачем же ахать? Ведь девушка, возмущенная несвоевременной присылкой «Ванды», еще прочтет и дневники Роллана. И еще многое прочтет. Помните у Радищева: «Чем выше человек поднимается в своих познаниях...» Она уже вступила на эту замечательную лестницу.

ПО КОНЯМ! НА СЪЕМКУ!

Владислав МОНАХОВ.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

В ночь перед Аустерлицем в командирской палатке горел свет. Начальник штаба полка, невысокий, сухопарый, сидел за столом прямо, как на коне. Его собеседник был вида невоенного, плотный, в белом полотняном кепи.

— Значит, так,— говорил тот, что в кепи,— гусаров Павлодарского полка— двести сабель, кавалергардов— двести, французских улан— тоже двести.

Начальник штаба полка достал круглую полковую печать. На бумаге оттиснулось: «Для съемок фильма «Война и мир». Потом оба они— подполковник Павел Романенков и кинорежиссер Сергей Бондарчук— склонились над картой.

Было это в 1962 году в Закарпатье. Там, в «сражениях» под Аустерлицем, Шенграбеном, начинал свою кинематографическую биографию кавалерийский полк.

Экранизация романа Льва Николаевича Толстого предполагала участие в съемках большой массы конницы. Но где ее взять? Кавалерия, чья громкая слава дошла до нас лишь в книгах и песнях, исчезла из армии как род войск. Возродить традиции легендарной красной конницы и был призван отдельный кавалерийский полк.

Кавалеристы, собранные, что говорится, с бора по сосенке, должны были слиться в слаженные подразделения. Обнашивая диковинную военную форму, солдаты XX века учились стрелять из старинных пушек, привыкли ходить в атаку конным строем, каким когда-то ходили драгуны и казаки, кирасиры и уланы. Поначалу в полк брали ребят из исконно «кавалерийских» мест— с Дона, из Ставропольского и Краснодарского краев. Их умение сидеть в седле предстояло оценить миллионам кинозрителей.

Скоро двадцать лет, как существует это самое мирное на земле воинское формирование. Оно получило свой номер и адрес, успело обрести хозяйством— построены казармы, конюшни, манежи. Помните конницу в «Освобождении»? Атакующий кавалерийский вихрь в «Беге»? Это творческий отчет полка. Полковой музей уже не в состоянии вместить всех экспонатов, «участовавших» в кинобоях,— тут рыцарские доспехи и старинные седла, кавалерийские клинки и пики, островерхая буденовка и конармейская шинель «с разговорами»...

В полку я бывал не раз. Собираясь туда нынче, позвонил я подполковнику в отставке Павлу Ивановичу Романенкову. Старый кавалерист, едва слышав о намечавшейся поездке, тут же загорелся возможностью, как он сам выразился, «подышать воздухом манежа». После долгой разлуки он заранее предвкушал радость встречи с бывшими сослуживцами.

...За окном промелькнула окраина Москвы с домами-башнями, пронесли мимо подмосковные деревеньки, поплыли навстречу березовые перелески. Пока ехали, я заново окончил курс кавалерийского «ликбеза». Романенков рассказывал о лошадях. Чистокровные скакуны, скажем, ахалтекинцы, к съемкам мало пригодны: боятся пальбы, криков, взрывов. А вот лошади буденновской, кабардинской, донской, украинской пород послушны в кинобою, выносливы, неприхотливы...

Скоро лес расступился, и мы подъехали к военному городку. «Осторожно, лошади!»— предупреждал дорожный знак.

По манежу, меж весеннюю грязь, гарцевали всадники в армейской форме. Один из них, разогнав коня, подкакал к деревянному барьеру. Прыжок— и конь, вытянувшись стрелой, на доли секунды завис в воздухе. Едва

коснувшись копытами земли, он упрямо крутанул головой, но, слушаясь повода, вновь взял разбег и, пружинисто оттолкнувшись, легко перемахнул еще одно препятствие.

— Молодец!— похвалил всадника Романенков.— Это конная подготовка... А вон и Багин идет,— оживился он.

К нашей машине торопился тренер полка, майор в отставке Дмитрий Иванович Багин. Он был в штатском, но его, как и Романенкова, выдавала шаркающая кавалерийская походка. После взаимных приветствий, как водится, пошли воспоминания.

— Помнишь, Дмитрий Иванович, когда закончились съемки «Войны и мира», думали мы, расформируют наш полк?— говорил Романенков.— А вышло иначе! Посыпались заявки. То в одном фильме без кавалерии нельзя, то в другом. Кого мы только не играли! И средневековых рыцарей, и платовских казаков, и буденновцев. Снимались в «Железном потоке», «Высоком звании», «Дерсу Узала», «Белом солнце пустыни», «Хожении по мукам»... За двадцать лет— больше трехсот фильмов.

Романенков был до войны тренером конноспортивного общества «Спартак», брал призы на всесоюзных соревнованиях, а настала военная пора— стал учить верховой езде партизан. Его талант кавалериста высоко ценил Семен Михайлович Буденный. Когда отмечали десятилетие полка, прославленный полководец, приехав к кавалеристам, тотчас узнал Романенкова: «Здорово, конник! Уверен был, что здесь тебя встречу...»

Полк как полк. И форма у солдат обыкновенная— армейская. Разве что носят они шпоры да эмблемы на петлицах незнакомые: подковы и скрещенные шашки. Служат кавалеристы положенные два года. Конечно же,

КАВАЛЕРИСТЫ НА ПОЛИТЗАНЯТИЯХ.

живет полк не только киносъемками. Но кроме обязательных воинских дисциплин, солдаты овладевают боевой «техникой». Она у них живая: трижды в день просит есть и, если простудится, кашляет. «Сыт, здоров и весел конь, с ним хоть в воду, хоть в огонь»,— висит плакат у конюшни. Кони в полку «обстрелянные». Их заранее приучают на манеже к звукам выстрелов, хлопанию взрыв-пакетов, едкому пороховому дыму.

В теплом полумраке конюшни блестящие хорошие лошадиные глаза. Кони еще издали узнают хозяина— по шагам, голосу, запаху. И сразу тянутся мордой к карману: где лакомство? «Солдат сам сахар не съест, а лошади отнесет»,— сказал нам замполит полка майор Владимир Федорович Кинев.— Сколько раз замечал! Да вон, смотрите»,— и он, улыбаясь, показал рукой в глубину конюшни, где солдаты мыли и чистили щетками своих питомцев.

Рядовой Виктор Дмитриев угощал сахаром

Доюру, и та благодарно лизнула его в щеку. Виктор оказался солдатом первого года службы. Худощавый, в очках, он, честно говоря, не очень походил на лихого кавалериста. Поэтому как-то неожиданно прозвучали в его устах слова:

— Лошадь ласку любит, уход. Вовремя не расчистишь копыта — выйдет из строя, плохо положишь седло — собьет спину. Без любви к коню нет кавалериста.

— Вы, наверное, с детства привычны к лошадям?

— Не-е-т. К лошади в первый раз в полку подошел. Я горожанин, по образованию экономист.

— И что же, сразу сели и поехали?

— Если бы... — засмеялся Виктор, оглянувшись на замполита. — Вот товарищ майор скажет!.. Сначала мы с Колей Коичевым, это мой друг, даже подойти к лошади боялись: вдруг копытом ударит? Потом изучали на занятиях конское снаряжение, седлов-

ку, посадку, езду на шагу, на рыси, на галопе — любимым аллюром. Падали мы с Колькой, как мешки! Поднимаемся — и снова в седло. А однажды я почувствовал: идет моя Доюра не туда, куда ей хочется, а куда мне надо. Выходит, поверила в меня, в седока! И препятствия стала брать на «отлично».

Много историй о лошадях, историй почти поэтических, довелось услышать от офицеров и солдат полка. У каждого коня свой нрав, свой характер. Не случайно к солдату конь прикрепляется на весь срок службы. Прощается кавалерист с конем — у него слезы на глазах! А если случается бывшему солдату заехать проездом в родной полк, первым делом бежит он в конюшню: как там его Родник или Терек, не похудел ли, не сбил ли копыта? Каждый год, к примеру, навещает Бисера его недавний хозяин, сейчас джигит-наездник «Союзгосцирка» Руслан Козаев.

И лошади платят людям верностью и любовью в ответ за уход и ласку. Как о легенде,

рассказывают в полку о коне, который после отъезда домой хозяина сбрасывал любого другого всадника — так и не позволил сесть на себя никому. Командир полка полковник Барило вспоминал, как на съемках ему следовало выпасть из седла и как его конь, подойдя к лежащему без движения хозяину, опустил к нему морду и пытался поднять. А было и так. При переходе брода майор Михальчев с лошадью провалился в яму; лошадь выплыла, а Михальчев, облаченный в железные доспехи, стал тонуть — и лошадь вернулась к нему, дав ему возможность ухватиться за сбрую.

Кто же все-таки служит в полку?

— Предпочтение отдается, конечно, тем призывникам, кто имеет кавалерийские навыки, — рассказывает полковник Барило. — Заместителем командира взвода, например, служит в полку сержант Юрий Нечипуренко, он ростовчанин, мастер по конному спорту,

Помогают товарищам овладевать верховой ездой братья Валерий и Михаил Журка, кандидаты в мастера спорта из Молдавии. Но многие ребята, как и рядовой Виктор Дмитриев, к коню раньше не подходили. Даже те, кто призывается из «кавалерийских» мест. Лошади стали нынче почти экзотикой и на Дону, и в Ставрополье, и в Краснодарском крае. Кого ни спросишь из парней, отвечают: «Я тракторист», «Я комбайнер», «А я грузовик в колхозе водил».

Это непросто — сделать из вчерашних токарей, монтажников, механизаторов, студентов заправских кавалеристов. Таких, которые могли бы на полном скаку вскочить на коня, спрыгнуть на землю и вновь оказаться в седле, молниеносно выхватить шашку из ножен, когда раздается команда: «Эскадр-о-н! Шашки вон! Вниз, налево, руби!»

Какие заповеди у кинокавалеристов? Выбили из седла, лежи, пока не пронесется над тобой грохочущая конная масса, не бойся:

НАДО ВЗЯТЬ!

ПЕРВАЯ «СВЕЧА».

ТАК ДЕЛАЕТСЯ КИНО.

ДЖИГИТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ.

КАК ТЕБЕ СЛУЖИТСЯ?

лошадь никогда не наступит на человека. Умей успокоить ее, если она испугается всадника, облаченного, скажем, в рыцарские доспехи, иначе может понести.

— Подходишь, бывало, к своему коню в киноодежде, — рассказывает тренер полка Дмитрий Иванович Багин, — а он на тебя глазом косит, ноздри раздувает, храпит. А кем только мне не довелось бывать на съемках: Кутузовым, Багратионом, Котовским, Емельяном Пугачевым — подменял в седле основных исполнителей, учил их верховой езде. Впрочем, какие из нас актеры?.. Но и настоящие актеры в полку служат. Учил я Николая Еременко держаться на лошади. Хороший парень и солдатом был отменным! Андрей Росточкий проходил у нас недавно службу, этот тоже молодец...

Киноактер Андрей Росточкий впервые встретился со своими однополчанами еще до призыва в армию. Случилось это в Хакасии

Продолжение на 31-й стр.

РЮРИК ИВНЕВ, СВИДЕТЕЛЬ ЭПОХИ

У Рюрика Иванова была удивительная судьба. Поэтическая известность пришла к нему задолго до Октябрьской революции. В 1912 году он выступил в большевистской газете «Звезда» со стихами, в которых резко осудил самодержавие.

Ивнев восторженно принял революцию и вместе с Маяковским и Блоком сразу же включился в работу по созданию новой культуры. Нарком просвещения А. В. Луначарский писал В. Брюсову: «...т. Ивнев уже по одному тому, что он буквально в самый день Октябрьской революции явился ко мне с предложением своих услуг по немедленному налаживанию связи между Советской властью и лучшей частью интеллигенции, заслужил самое внимательное к себе отношение».

Рюрик Ивнев служил во Всероссийской Коллегии по организации Красной Армии, сотрудничал в газете «Известия ВЦИК», принимал участие в работе IV Чрезвычайного съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, где ему посчастливилось встретиться с В. И. Лениным. В 1921 году он возглавлял Всероссийский союз поэтов...

С увлечением занимаясь общественной работой, Рюрик Ивнев всегда оставался художником. Среди множества написанных им книг есть романы, этическая трилогия, историко-драматические хроники, переводы с языков народов СССР, сборники критических статей.

Особое место в литературном наследии Иванова занимают воспоминания о Блоке, Маяковском, Есенине, Брюсове, Ахматовой... Они поражают ясностью слога, точностью характеристик. Рюрик Ивнев любил общаться с литературной молодежью, помогал начинающим поэтам, часто выступал в комсомольских изданиях.

Предлагаем вниманию читателей неопубликованные стихи и воспоминания Рюрика Иванова, которые поэт принес в редакцию «Смены» незадолго до своей кончины.

Апрельский день

Апрельский день — горячий и тревожный,
От дыма задыхается Берлин,
А русский воин тихо, осторожно
К ребенку пробирается один.
И смерть сама как будто растерялась
И сотни пуль направить не смогла
На война, в котором тлела жалость
Средь колоннад незыблемого зла.
Спасен ребенок — сын врага, быть может.
Иль внук злодея. Это все равно.
Никто, никто не в силах уничтожить
Добра неистребимое зерно.
Склоняю голову перед солдатом русским,
Поднявшим знамя вечной доброты.
В пыли развалин переулоч узкий
Достигнул небывалой широты.

1945 г.

Милому Сереже Есенину

Смотрю на кудри светлые, крутые,
Как будто изгнанных из рая облаков.
Тот не поймет живой души России,
Кто не читал есенинских стихов.

Рязанский день я встречу у вокзала:
Мы дальше, друг мой,
Вместе держим путь.
Вот ты идешь — и светлый и усталый,
Блестя глазами, сгорбленный чуть-чуть.

А в час, когда, пыланьем утомленный,
Ложится день, чтоб рано утром встать,
Тебя таким притихшим и влюбленным
Душа моя хотела б созерцать.

1916 г.

На случайные встречи
Я смотрю как на звезды,
Что мелькнут и исчезнут

в голубой вышине.

Для меня эти встречи —
Как живительный воздух,
И без этих мгновений будет горестно мне.
Пусть вам это покажется странно,

нелепо...

Для меня лишь святая одна — Красота...
Я за яркими звездами слепо слепо слепо,
Хоть и знаю: за ними, увя, пустота.

Январь 1981 г.

ВРЕМЕНИ СЧЕТ НОВЫЙ

На Большом проспекте Петроградской стороны при красном отсвете софитов, выставленных в окна аптеки, под густыми хлопьями беспрерывно падавшего снега я прочел первый официальный экстренный выпуск, извещавший о свержении Временного правительства и образовании Совета Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича Ленина. Народным комиссаром просвещения был назначен Анатолий Васильевич Луначарский, с которым я познакомился до Октябрьской революции.

Сразу же после Октябрьских событий я зашел к нему. Никогда не забуду обстановки, в которую попал.

Он занимал тогда квартиру, состоящую из трех комнат. В столовой я застал Анатолия Васильевича, диктовавшего распоряжения по Наркомпросу своему секретарю Дмитрию Ильичу Лещенко, примостившемуся у края стола, на котором стояли недопитые стаканы жидкого чая и высилась вазочка с леденцами. Жена Луначарского Анна Александровна возилась с четырехлетним сыном Толей. В комнате было еще несколько человек.

Анатолий Васильевич, закончив диктовать, начал подписывать бумаги. При этом он говорил мне о том, как трудно работать в условиях полного саботажа, в котором приняли участие даже швейцары и сторожа здания Министерства народного просвещения. По наущению бывшего своего начальства они закрыли все двери и не пропускали представителей только что созданной Советской власти, так

что сам нарком в первые дни не мог войти в свой наркомат.

Помню, что свои официальные приемы Луначарский начал в Зимнем дворце.

Лещенко с подписанными бумагами куда-то уехал по делам наркомата. В это время принесли почту. Она была для того времени довольно большой. Едва Анатолий Васильевич начал ее разбирать, как его вызвали в другую комнату. Уходя, он попросил меня докончить разбор почты. Я занялся этим делом, и, когда он вернулся, у меня все было готово.

— Ну вот, вы выручили, большое спасибо, — сказал он и добавил: — Может быть, вы придете и завтра утром, вы ведь живете почти рядом.

Я пришел. И с тех пор без всякого официального назначения начал секретарствовать у Луначарского: разбирать почту, готовить ответы на письма, вести прием посетителей в Зимнем дворце. Это длилось не меньше двух месяцев. Как-то по дороге в Зимний дворец в машине Анатолий Васильевич сказал: «Товарищ Ивнев, но ведь вы же работаете, надо оформить ваше назначение, иначе бухгалтерия не выпишет вам зарплату». Откровенно говоря, ни о какой зарплате я не думал: жил на литературный заработок и на свою работу у Анатолия Васильевича смотрел как на временную. Мне казалось, что раз чиновники саботируют, то надо помочь Луначарскому хоть чем-то. Призадумавшись, Луначарский добавил: «Это ни на что не похоже. Вы же работаете уже два месяца». И сейчас же, приехав в Зимний дворец, продиктовал отношение в бухгалтерию о выплате мне зарплаты за два

месяца. С этого дня я уже официально числился секретарем наркома, ведаящим вопросами искусства.

Д. И. Лещенко оставался также его секретарем, но он занимался бумагами, относящимися непосредственно к Наркомпросу.

Только что созданное Советское правительство в невероятно трудных условиях, под вой и улюлюканье внешних и внутренних врагов, преодолевая бесчисленные препятствия, получив в наследство от царизма и Временного правительства чудовищную разруху, упорно продвигалось к своей цели.

Я не принадлежал ни к числу «знаменитых писателей», ни к числу «видных общественных деятелей». За моей спиной не было никаких политических заслуг перед «большевистским подпольем».

Когда я сейчас оглядываюсь назад, то прихожу к выводу, что понять Октябрьские события мне помогли любовь к России, страстная вера в то, что спасти ее и повести к счастливому будущему может только партия большевиков. Сильное впечатление произвели на меня выступления и статьи Ленина в «Правде». Прибегая к старому выражению, уже утерявшему свежесть, могу сказать, что Ленин «открыл мне глаза на жизнь».

В декабре 1917 года я решил организовать митинг, который бы способствовал сближению Советской власти и интеллигенции.

Прежде всего я обратился к Луначарскому. Он не только одобрил эту идею, но и согласился выступить с основным докладом на тему «Интеллигенция и народ».

Зная, что Александр Блок еще до Октября выражал свое сочувствие большевикам, за что подвергался ожесточенным нападкам своих бывших соратников, особенно Зинаиды Гиппиус, я отправился на Офицерскую улицу, где в то время он жил. Я объяснил подробно основную цель митинга и просил согласия поэта участвовать в нем. Он сразу без всякого колебания разрешил поставить свое имя на афише. Я торопился, но Блок со свойственной ему обаятельной простотой задержал меня и начал говорить о судьбах России. К сожалению, я тогда не имел времени полностью записать его слова, но хорошо помню, что в противоположность многим тогдашним «пророкам» он считал Октябрьскую революцию подлинно народной. Больше того, считал, что с этой революцией открывается и новая страница в истории человечества. Он очень тепло и задушевно говорил о Ленине, расспрашивал меня о Луначарском.

Я вышел из его квартиры окрыленным и подумал: ведь Блок не только один из самых лучших русских поэтов, он один из самых благородных и объективно мыслящих интеллигентов. Неужели же колеблющаяся часть интеллигенции не пойдет по его стопам? Кроме А. В. Луначарского и Александра Блока, согласились выступить Всеволод Мейерхольд, Сергей Есенин, художник Петров-Водкин...

Вскоре после заключения Брестского мира (еще до его ратификации IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов) в десятых числах марта 1918 года Советское правительство переехало в Москву, которая вновь сделалась столицей государства. Петроград и Петроградская область были объявлены «Северной Коммуной». А. В. Луначарский, оставаясь на посту наркома просвещения, не покидал Петрограда. В Москве его заместителем была Н. К. Крупская. Осуществлять связь наркома с наркоматом, по мысли Луначарского, должен был я — в должности секретаря-корреспондента.

В марте я выехал в Москву в настолько переполненном поезде, что всю дорогу мне пришлось просидеть почти неподвижно на одном месте.

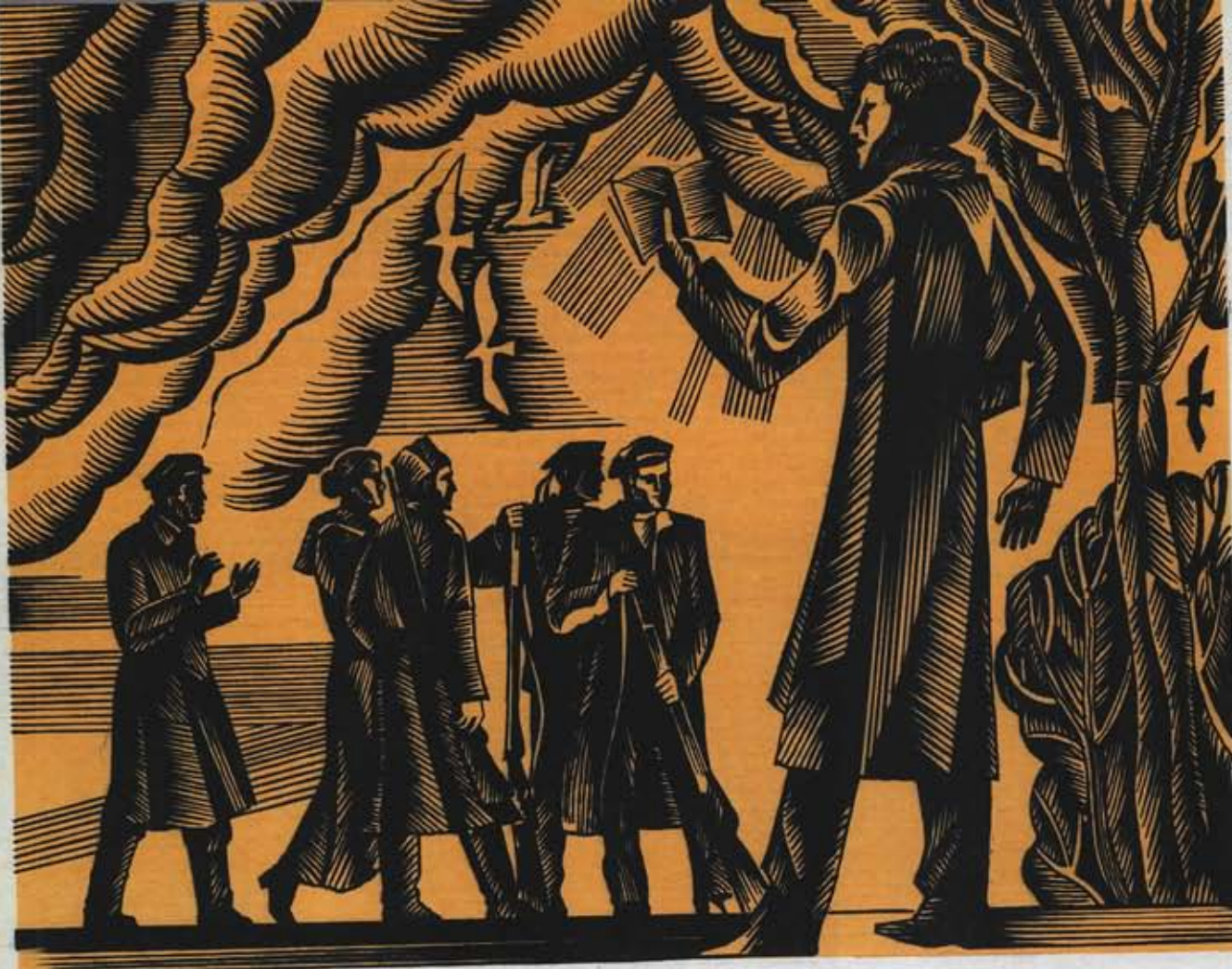

Рисунок Игоря СУСЛОВА

ТАКИМ Я ЗАПОМНИЛ БРЮСОВА

Запомнилось первое знакомство с Н. К. Крупской.

Наркомпрос РСФСР помещался тогда в бывшем Катковском лицее на углу Остоженки и Садовой, недалеко от Крымского моста.

После приезда в Москву я пришел в Наркомпрос знакомиться с делами и повидаться с зам. наркома Н. К. Крупской, к которой у меня было письмо от А. В. Луначарского.

Был яркий, солнечный день, весна уже входила в свои права, снег таял. Я еще не совсем оправился от утомительного путешествия и, сидя в кабине Крпской и разговоривая с ней, вернее, слушая все то, что она считала нужным передать Луначарскому (мне предстояло этой же ночью говорить с ним по прямому проводу из Кремля), очень волновался и боялся упустить что-нибудь существенное. Наблюдательная и чуткая, Надежда Константиновна сразу заметила мое утомленное состояние и, быстро закончив деловую часть беседы, начала расспрашивать меня о Петрограде, об Анатолии Васильевиче, о дороге. Когда я рассказал ей о переполненном поезде, она улыбнулась и сейчас же спросила, где я остановился, где питаюсь.

Мы условились о ежедневной встрече в Наркомпросе, и я вышел.

Тут же ко мне подошел один из сотрудников Наркомпроса и спросил, какое впечатление на меня произвела Крупская. Я был несколько удивлен. Мне показалось странным, что это может кого-то интересовать. Видя мое недоумение, он спросил:

— А вы знаете, с кем вы беседовали?

Я еще более изумился новому вопросу и ответил тоном, в котором проскользнуло нетерпение:

— Как же я мог не знать, что я говорил с Крупской.

Чувствуя, что я его не понимаю, он, смущенно улыбаясь, пояснил:

— Ведь это жена Ленина.

Тут только я понял, в чем дело и чем был вызван его вопрос.

От этого сотрудника я впервые узнал, что Н. К. Крупская — жена того Ленина, имя которого было на устах всего мира.

В 1909 году, возвращаясь из Тифлиса в Петербург, я остановился на несколько дней в Москве у сестры моего отца Марии Амбардановой специально для того, чтобы повидать Валерию Брюсову, стихи которого произвели на меня огромное впечатление. Чаще всего молодые поэты начинают увлекаться каким-нибудь поэтом из плеяды знаменитых и в первое время ему подражают.

У меня было по-другому. Я одновременно находился под влиянием нескольких поэтов, прославившихся в дни моей юности. — Иннокентия Анненского, Константина Бальмонта, Александра Блока, Игоря Северянина и Валерия Брюсова. Стихи я начал писать с 1905 года, в кадетском корпусе, когда еще не читал ни одного из названных поэтов. К счастью, я сам понимал, что это только «пробы пера», и не мечтал об их публикации, но в 1909 году, когда я усиленно начал читать все журналы, печатавшие стихи совершенно неизвестных мне поэтов, я вообразил, что мои стихи если не лучше, то, во всяком случае, не хуже их. Отрицательные ответы редакции мне казались настолько несправедливыми, что захотелось обратиться к одному из тех больших поэтов, чье творчество я считал безупречным.

Не помню, почему я остановился на Валерии Брюсове, а не на одном из моих петербургских кумиров. Я к нему шел не как к поэту, которому хотел высказать свое восхищение, а скорее к арбитру.

Поэтому я без всяких колебаний, узнав адрес, отправился на Мещанскую улицу в его особняк.

Моя тетушка жила в Скатертном переулке, и, чтобы попасть на Мещанскую, надо было выйти к трамвайной остановке на Арбатской площади. С Москвой я почти не был знаком, но она по сравнению с монументальным Петербургом казалась мне очень уютным и симпатичным провинциальным городом. Одним из самых уютных уголков Москвы была в то время Арбатская площадь, по которой проходила конка. Я решил, что самыми подходящими для посещения знаменитого поэта будут утренние часы.

Мое волнение началось уже на Арбате, ибо у меня не было полной уверенности, что никому не ведомый студент будет принят.

Не помню точно, кто мне открыл дверь. Помню только силуэт женщины без полотняной наколки на голове, почти обязательной в ту пору для прислуги. Меня удивило и то, что она, узнав, что я хочу повидать Валерию Яковлевича, молча провела в его кабинет без доклада.

Не знаю, было ли это случайно или по установившемуся обычаю в его доме, но я очутился в кабинете Брюсова.

Такого густого табачного дыма я не видел за все восемнадцать лет моей жизни. Я задыхался, ожидая появления хозяина огромного кабинета. Голова кружилась. Желание выбежать из комнаты на воздух начинало вытеснять из моего сознания образ Валерия Брюсова, знакомого мне только по фотогра-

фиям. Зачем я к нему пришел? Какая титаническая сила толкнула меня в царство дыма и книг? Брюсов — знаменитый поэт. Мои юношеские стихи покажутся ему смешными. Но я вспомнил, что его слава не помешала потешаться над ним всем газетами России, когда он опубликовал свое однострочное стихотворение:

О, закрой свои бледные ноги!

Это воспоминание меня немного ободрило, и я мгновенно решил, что в самом крайнем случае, если Брюсов начнет издеваться над моими опусами, напомнить ему эту строчку. В это время вошел Валерий Яковлевич. Головокружение от табачного дыма усилилось душевным волнением.

Он улыбнулся, вероятно, поняв мое состояние. Я робко протягиваю ему тетрадь с моими ученическими стихами. Брюсов, продолжая улыбаться, перелистывает страницы. Мне начинает казаться, что я сижу на иголках.

«Конечно, я совершил большую глупость, что пришел к нему», — подумал я.

Но вот слышу его ласковый голос, произносящий далеко не ласковую фразу:

— Да ведь это Надсон, переведенный на язык детства.

Я воспринял его слова как злую насмешку. Он это заметил.

— Не огорчайтесь! Никто не начинает с конца. Если бы вы писали гладкие стихи, это было бы еще хуже. В ваших плохих стихах есть все же соломинка, за которую можно ухватиться. Лучше писать плохо по-своему, чем хорошо по-чужому.

Когда я занюхался о том, что в журналах печатают стихи более слабые (я хотел сказать: «чем мои», но спохватился и произнес: «которые я считаю более слабыми»), Брюсов воскликнул:

— Редакции считают, что журнал без стихов — это все равно, что костюм без пуговиц, вот они и нашивают любые пуговицы, чтобы в костюме можно было показаться в обществе. А ваши стихи даже не пуговицы, а только нитки.

— Что же мне делать? — пролепетал я, как провинившийся школьник, получивший строгий выговор.

Брюсову, вероятно, стало жаль растерявшегося юнца.

— Зачем вам цепляться за журналы? — сказал он если не ласково, то, во всяком случае, без иронии. — Ведь не они делают поэтов. Они скорее их портят. Забудьте о них. Энциклопедия — вот о чем надо думать вам. Вот что вам надо читать — историю народов и государств. И тогда обнаружится — поэт вы или нет. Если великие события вас увлекут и вы сумеете определить свое собственное отношение к ним, то путь к поэзии будет вам открыт. Незачем тратить время на чтение вздорных стихов.

Брюсов еще раз начал просматривать мою тетрадь, словно желая выудить из нее хоть соломинку, хоть бы строчку, которую можно похвалить, но я, задыхаясь от табачного дыма, поднялся. Валерий Яковлевич проткнул мне тетрадь и сказал:

— Конечно, ваши стихи несколько не хуже некоторых из тех, которые печатаются, но это не должно вас радовать.

Меня же обрадовало то, что все же я оказался прав и редакции, отвергая мои стихи, печатают не хорошие, а плохие.

При прощании с Брюсовым мне показалось: он остался доволен, что юный поэт, стихи которого он забраковал, ушел не удрученным, а скорее обнадеженным.

Публикация Николая ЛЕОНТЬЕВА.

покушение на Ниагару

Вальтер УНГЕР.
Фото Фолькера ХИНЦА

Зрелище завораживает: слева словно из тумана вырастает прямо в небо гигантский пенящийся гриб. А то, что происходит справа, действует угнетающе: на шесть с лишним километров тянутся химические заводы, выпуская из закоптевших труб серо-желтые клубы отвратительного дыма.

Однако я не хочу портить себе настроение. Я не хочу ничем отличаться от 14—15 миллионов людей, ежегодно посещающих это место. Я хочу быть просто туристом.

И вот я стою на американской стороне Ниагары, кое-как втиснув на забитую до отказа стоянку свой автомобиль. Глянув сверху, через парапет, на пороги, через которые, кипя, перекачивает вода, спускаюсь затем на лифте на 60 метров вниз. Я стою у самого подножия водопада и кажусь самому себе крохотной песчинкой, окруженной другими такими же песчинками. Оглушенные и онемевшие (впрочем, здесь все равно нельзя было бы расслышать ни слова), все мы с почтительным ужасомзираем на срывающиеся вниз каскады.

Да, совершенно удивительное настроение охватывает человека перед неподражаемым шедевром природы. Подолгу стоят здесь люди, в полной неподвижности опершись на железные гладкие трубы парапета.

Почти никто из миллионов посетителей этого знаменитого места не думает о том, что с ним связан и крупнейший в Соединенных Штатах скандал, вызванный отравлением окружающей среды. Этот скандал — наглядная иллюстрация к тому, что может произойти в результате сговора промышленников и бессовестных политиков.

...Это случилось всего четыре года назад. На засыпанном рукаве реки, так называемом Лав-Кэнэл, в предместье города Ниагара-Фолс, химический концерн Хукер закопал на принадлежавшем ему участке многие тонны опаснейших, высокоядовитых отходов производства, попросту присыпав их сверху землей, после чего, сделав благородный жест, «продал» участок городу за символическую плату в один доллар.

Отцы города, у которых фирма позаботилась взять расписку, что вме-

сте с участком они принимают на себя ответственность за все последствия, соорудили на этой бомбе замедленного действия школу, вокруг которой образовалось поселение — преимущественно из молодых семей. Последствия вызвали ужас: раковые заболевания, необъяснимые смертные случаи, рождение уродцев. Не сразу причины трагедии стали известны — лишь позднее местность была объявлена непригодной для обитания, огорожена и закрыта на замок.

Тогда уже всполошились все, кому небезразлична охрана окружающей среды. На вопросы политиков, журналистов, общественности о том, куда же сегодня, сейчас деваются отходы многочисленных химических предприятий, расположенных в этом районе, последовал бестрепетно-позорный ответ: отходы спускают в

реку, протянувшуюся на 50 километров и соединяющую озера Эри и Онтарио.

Отдаленные последствия этих преступных действий никто сегодня не может даже приблизительно оценить. Но что касается рыбы, которая некогда кишела между озерами Эри и Онтарио, то она уже отреагировала на происходящее — почти исчезла. Да и та, которую еще удастся выловить, далеко не безвредна. Некоторые виды рыб в штате Нью-Йорк уже запрещены к продаже.

Весли Хилл, рыбак в третьем поколении, с грустью замечает: «Скоро незачем будет тратиться на вечернее освещение водопада. Река станет сама светиться от ядов».

Перевела с немецкого
Татьяна ГИНЗБУРГ.

Поразительное, грандиозное явление природы — Ниагарский водопад...

«Страх, смешанный с благоговением, — вот, пожалуй, то чувство, которое внушает эта самая популярная достопримечательность Северной Америки», — пишет корреспондент западногерманского журнала «Штерн» Вальтер Унгер, которому мы предоставляем слово в этом номере «Смены».

Кое-что на Ниагаре, однако, не показывают туристам.

Журналист из ФРГ, побывавший на Ниагаре, рассказывает не только о неповторимом чуде природы, но и о трагедии, которая произошла здесь, и о преступлении, которое продолжается...

ПРОЗА

«Побеждать надо ежедневно»

Литературное приложение к журналу «Пограничник», его «Библиотечка» — ежегодно шесть пестрых тонких книжек, — существует второе десятилетие и стремится дать своему читателю на далеких заставах по возможности разнообразное чтение. Патриотическая направленность, занимательность сюжетов делают ее желательной и для школьных библиотек и на книжных полках рабочих общежитий. Ведь у молодого читателя так сильна жажда необычных ощущений жизни! А что более необычно, чем пограничная служба, когда «побеждать надо ежедневно»?

Валерий Андреев каждой главой повести «Курильский дневник» подтверждает эту заявку. Сам прослужив три года на Курилах, он сталкивает читателя с невыдуманным миром свирепых метелей, когда даже конь тонет в снегу, с опасными камнепадами по склонам сопки, с таинственной волной цунами, способной слизнуть целый остров. Пограничный труд выявляет в человеке лучшие качества, награждает его самоуважением. В Андреев, бесспорно, перспективный прозаик. Его перо тяготеет к психологизму, оно достаточно энергично и лишено украшательства. Тем своевременней сделать несколько замечаний: юмор, который призван оживлять страницы повести, чаще, напротив, ускучивает их.

У молодых офицеровских жен, впервые попавших на заставу, трудности привыкания схожи. Различны лишь их предыстории, их характеры. Г. Тамарина в повести «Прибыла на сверхсрочную» решилась на смелый поворот сюжета: граница... без границы! Мы застаем командирскую жену Юльку — пленительное

создание, полуженщина, полу-ребенок — далеко от заставы, в родном городе, в доме матери. Причина возвращения — длительная командировка мужа и только что перенесенная Юлькой болезнь, — покрыта некоторым флером тайны. Возникает ощущение, что Юлька вернулась навсегда. Тем более, что осуществляется ее детская мечта: она поступила в театральную студию. Но граница не отпускает от себя! Она постоянно в снах, мыслях, воспоминаниях. Юля — пограничница. И в убедительности этого вывода — главная удача автора.

Л. Неменова с не меньшей смелостью взяла героиню со знаком минус: даже любящий муж называет ее в отчаянии «злой душой». Но она не дура. Черствость, расчетливость — результат ее прежнего опыта. Она слепа к духовному миру заставы, бездумно незряча перед врагами. Сюжет повести «Возвращение» разворачивается четко, как кинематографическая лента. Но главный интерес продолжает вызывать образ непокорной Жени. Нарушая беллетристические каноны, она не спешит перевоспитываться.

Быт заставы, его видимая монотонность иногда ведут к трафаретности сюжетов. Надо обладать незаурядным пером и своеобразным свежим взглядом, чтобы найти свой угол зрения. «Библиотечка» журнала «Пограничник» прошла испытание временем и имеет на своем счету беспорные успехи. Она ввела в литературу несколько интересных имен, большинство из них (как В. Андреев, В. Рудов и другие) биографически связаны с границей.

Нет сомнения, что это интересное и нужное издание!

Лидия ОБУХОВА

ПОЭЗИЯ

Гармония высоких понятий

Новый сборник Ивана Слепнева «Вокруг света и дальше» («Молодая гвардия», 1981 г.) включает в себя четыре тематических раздела: «Вернемся к памяти войны», «Крылья космонавтов», «Соловьи под дождем», «Письма к Татьяне».

Книгу отличает композиционная целостность и пронзительная тональность. Грусть и гордость слышатся в стихотворении «Пять секунд» — о подвиге Михаила Морозова, спасшего товарищей ценой своей жизни, когда им грозила гибель от разрыва ржавой мины. Полны благодарности к подвигу своих ровесников из боевых сороковых стихи «Продолжение жизни», проникновенные строки «Хлебного сонета». Эти да и все остальные стихи не существуют вне вечной памяти людской, их пронзывает чувство локтя со старшим поколением, ощущение осознанной преемственности всего, что было с народом и страной, готовности стать на их защиту.

Голос Ивана Слепнева был уверен уже в первой тонкой книге «Моря кончаются землей...». Теперь этот голос окреп, обрел глубину обобщений и полифо-

ничность тем, равно как и широту кругозора. Поэт возмужал в гражданине, а гражданин — в поэте. И гармония этих высоких понятий — поэт и гражданин — предстает зримо в новом сборнике. Земля и море тематически нерасторжимы в творчестве Ивана Слепнева. В стихах о земле — зыбкость и штормовость моря, выверяющего людей суровым бытом и драматическими испытаниями, в стихах о море — запахи и краски родной земли, той, где родился, рос, начал познавать мир. Иван Слепнев знает море не понаслышке, не по коротким встречам, он в полной мере сам «хлебнул» морской житухи, и «солонный ветер» для него — не расхожее выражение.

Поэт глубоко ощущает историю страны, ее культуру, быт. Это ощущение словно капиллярами пронизывает стихи и питает их. Историчность видения автора особенно проступает в таких стихах, как «Натруженные журавли», «Великий Новгород», «Стоим за новыми станками», «Принимаю присягу». Ненавязчивы, органичны переходы от мотивов своей малой родины: «Моя деревня», «Влазины», «Когда душе не хватит мира» — к Родине нашей общей.

Сборник Слепнева разнообразен по ритмическому рисунку. Тут и своеобразная «частушечная» форма с лукавой иронией и плутоватостью («У меня на сердце нитка», «Кубинка, аэродром»), и сонет («Хлебный сонет»), и гекзаметр («Марика и море»), и нерифмованное, но крепко сбитое стихотворение «Затопим, отец, баню».

Думается, в своей новой книге поэт сумел выразить то, чем живет и над чем задумываются его современники.

Арсентий СТРУК

ПУБЛИЦИСТИКА

Книга на всех меридианах

Вышедшая в известной серии «Писатели и время» книга Бориса Панкина «Рубежи и книги» («Советская Россия», 1981 г.) представляет собой прекрасное сочетание очерков и яркого, подробного рассказа о путях советского искусства и литературы по странам и континентам нашей планеты. Читателю будет, безусловно, интересно узнать о деятельности ВААП, встретить на страницах книги много интересных людей, познакомиться с мнением автора о тех или иных проблемах международных творческих контактов.

Борис Панкин — человек с комсомольской биографией, писатель, чья публицистика по достоинству отмечена премией Ленинского комсомола, организатор и руководитель ВААП. Это учреждение, существующее уже около десяти лет, прочно вошло в творческий мир нашей страны. Утверждая законодательно авторское право, ВААП является полпредом и проводником советского искусства и литературы за рубежом.

Особым звеном, этапом в деятельности ВААП явились прошедшие уже три Московские международные книжные вы-

ставки-ярмарки, число участников которых из года в год растет, несмотря на антисоветские кампании, развертывающиеся в преддверии открытия каждой такой выставки. В книге приводится интересная статистика, позволяющая еще раз увидеть возможности, которые предоставляют наши издательства советскому человеку для знакомства с зарубежными авторами. Так, за годы Советской власти у нас выпущены книги писателей почти из ста пятидесяти зарубежных государств — причем не только на русском, но и на языках большинства народов нашей страны. Их общий тираж приблизился сейчас к трем миллиардам экземпляров. И на фоне этого числа — ограниченное количество советских авторов, изданных в западных странах. Правда, с созданием ВААП книжный обмен стал возрастать, многие западные предприниматели увидели выгоду издания советских писателей.

В книге рассказывается о борьбе, идущей на книжном фронте, о наших идеологических противниках из разных стран Запада, и прежде всего из США, которые ведут постоянные нападки на советскую литературу, пытаются противопоставить и навязать своим читателям литературу, пропагандирующую жестокость, насилие, порнографию, ложь о нашей стране. Но сегодня, когда с уверенностью можно говорить, что советская литература становится решающим фактором международного литературного процесса, а наши книги, являясь полпредами мира, несут читателям всех стран все то новое, прогрессивное, что рождала и рождает первая в мире страна социализма, никакие искусственные преграды, расставленные на пути правды, не могут приостановить ее движение.

Б. Панкин рассказывает о своих поездках и многочисленных встречах с известными книгоиздателями Запада, об изменении их взглядов на контакты в области искусства и литературы с нашей страной.

Прошли первые годы деятельности ВААП, на пути были, есть и будут трудности и победы. И хотя еще не так уж и много издается на Западе произведений наших авторов, но, как совершенно верно пишет Б. Панкин, «...ни один здравомыслящий человек в мире не может уже представить себе развитие своей страны без приобщения к духовным богатствам, которые создаются нашим народом, в нашем первом в мире социалистическом государстве».

Серьезный разговор, который ведет автор, подкрепляя его богатым фактическим материалом, не может оставить читателя равнодушным, укрепляя его гордость за советское многонациональное искусство и литературу.

Павел ГУСЕВ

Движение и преграды

«Нет ничего благороднее солнца, дающего столько света и тепла. Так и люди прославляют те состязания, величественней которых нет ничего — Олимпийские игры». Эти слова древ-

негреческого поэта Пиндара, свидетеля античных Олимпиад, по утверждению автора книги «Игры» вокруг Игр» журналиста Александра Колодного («Советская Россия», 1981 г.), относятся ко всем Олимпиадам — звездным дням спорта.

Нужно, однако, предупредить читателя, что он не найдет в книге ни исторического очерка об Олимпиадах, хотя автор касается этой темы; не увидит и репортажного отчета о последней, Московской Олимпиаде, хотя именно ей посвящено это публицистическое исследование; не узнает столь уж многого о спортсменах и рекордах, несмотря на то, что А. Колодный на некоторых страницах с подлинным знанием дела и говорит о них... Эта книга о другом: о тех политических интригах, которые велись империалистическими кругами вокруг Московской Олимпиады.

Перед нами — публицистика о тревогах мира. О грубой и подлой попытке сорвать Олимпийские игры в Москве и заодно растоптать олимпийские идеалы, выработанные всей историей человечества. О попрании прав человека, о так называемых «санкциях», о бойкотах, подрыве, подкупе...

Скрупулезно, шаг за шагом, обозревает автор страницы мировой прессы в период подготовки и проведения Олимпиады. Сопоставляет факты, анализирует высказывания, размышляет... Вот здесь читатель почерпнет емкую, умную информацию, вскрывающую подоплеку того, с чем столкнулось олимпийское движение в наши дни, распознает подлинные замыслы тех, кто выступил (и продолжает выступать) против разрядки... Антисоветизм, стремление овладеть политической ситуацией в мире, не допустить, чтобы выдающиеся спортсмены земли своими глазами увидели Москву, Советскую страну, — вот истинные побуждения политиканов, бесцеремонно вмешавшихся в мировое спортивное движение, в основу которого с давних времен заложены принципы Соглашения, Мира, Дружбы.

Душную атмосферу политических интриг рассеивает на страницах книги сама — все-таки состоявшаяся, и состоявшаяся победно! — Олимпиада.

«...это была удивительная Девяная, — пишет автор. — День в ней начинался с фанфар, чисто, нежно и торжественно выводящих позывные Олимпиады-80. Хотя будить было некого. С самого раннего утра и на дорожках стадиона и на площадках перед белоснежными корпусами было оживленно — олимпийцы делали зарядку, разминались. Потом душ, завтрак, а после этого или тренировки, или выступления на олимпийских аренах, или экоккурсы... Распорядок зависел от тренеров»...

Но, повторяем, не светлое и великое зрелище крупнейших спортивных состязаний современности в центре внимания автора. Вновь и вновь он возвращается к политической обстановке вокруг Игр. Проследив трансформацию взглядов различных людей, описывает драму тех выдающихся спортсменов, кого не допустили к соревнованиям, разбирает сложные и острые конфликты между здоровыми устремлениями представителей отдельных стран и тех кругов, которые твердокаменно продолжали плести свою сеть интриг.

Вместе с автором читатель, особенно молодой, испытает удовлетворение от того, что, несмотря на трудности, Московская Олимпиада стала триумфом олимпийских идеалов. Глубже поймет, что всех честных людей объединяет поиск все более дружественного, мирного общения.

Борис ВОЛКОВ

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АКУЛЫ И ДЕЛЬФИНЫ

Когда люди в разговоре упоминают акулу, это всегда вызывает отрицательные эмоции. Однако не все акулы плотоядны. Ученые обратили внимание на то, что некоторые из них, питающиеся планктоном, в два раза превосходят по размерам своих агрессивных сородичей. Зпатентовано много электронных систем, используемых для защиты купающихся в море, но ни одна из них не может гарантировать полной безопасности. Поэтому используются уже испытанные методы: отгораживают прибрежный участок моря металлическими сетками. Применяют и химические вещества, например, антирекин, который раздражающе действует на жаберные щели акул и обращает их в бегство.

Практикуется и еще один метод.

Известно, что извечными врагами акул являются дельфины. Специально тренированные дельфины надежно защищают пляжи от нападения морских хищников. Система их «службы» такова: дельфины разбиты на группы, каждая из которых имеет свои четко определенные обязанности. Одна патрулирует вдоль побережья, другая дежурит у аппаратов, подающих сигнал тревоги. При появлении акулы связанной дельфин из патрулирующей группы предупреждает об опасности дежурных сигнальчиков. После пуска звуковой сигнализации все дельфины направляются в сторону хищницы, отгоняют ее или заманивают в ловушку.

«ТАЙМ», США

ВОЗРАСТ ШАХТЫ — 5000 ЛЕТ

В Свентокшиских горах в Польше, в Кшемёнках Опатувских, находится шахта неолитической эпохи. Она была обнаружена в 1922 году и сейчас является своего рода музеем горного дела. Работы здесь начались более пяти тысяч лет назад. Именно тогда наши предки открыли, что камень является превосходным материалом для изготовления ножей, наконечников для копий и стрел, топоров и молотов. Теперь кажется почти невероятным, что под ударами каменных топоров валялись дремучие леса. Опыты, однако, показали, что дерево диаметром 30 сантиметров можно срубить каменным топором за 15 минут.

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Кактус из Хиросимы

Среди многочисленных представителей растительного мира разных континентов, представленных на станции юных натуралистов в Жибоу (уезд Сэлаж), один цветок привлекает всеобщее внимание. Нет, не своим видом или красотой бутона. Дело в том, что предки его испытали на себе действие атомного взрыва в Хиросиме. Речь идет о японском кактусе, выращенном из остатка корня растения, сгоревшего в губительном для всего живого атомном пламени.

Возрожденный из пепла росток не похож на привычную глазу зеленую флору планеты: он красный, как кровь. Причина — облучение в результате атомного взрыва, которое уничтожило хлорофилл. Горькое и жестокое зрелище — кактус-из Хиросимы.

«СКИНТЕЙЯ», РУМАНИЯ

ПАРУСА В КОСМОСЕ

В 1985 году французские ученые предполагают вывести на околоземную орбиту три «парусных» спутника, имеющих форму гигантских змеев. Минимальное удаление от Земли составит 36 тысяч километров. Под действием силы притяжения Луны эти оригинальные летательные аппараты совершат полет к естественному спутнику нашей планеты. Космические паруса будут изготовлены из специального синтетического материала — терфона.

«МОНД», ФРАНЦИЯ

КЛАН ПРИХОДИТ В ФРГ

Западногерманский поселок Брух-ин-дер-Эйфель (земля Рейнланд — Пфальц) насчитывает всего 400 жителей, однако и этому крохотному местечку есть теперь чем похвастаться. Ведь именно в нем создал свою штаб-квартиру западногерманский филиал известной американской расистской террористической

организации ку-клукс-клан. Начальником филиала («европейским организатором», шефом клана в Федеративной Республике) является 27-летний Марри М. Кэчел, по «гражданской специальности» — сержант авиации США. Он находится в непосредственном подчинении у «большого дракона» — главаря ку-клукс-клановцев, пребывающего в Америке, а задача его, как подчеркивает сам Кэчел, состоит в «вовлечении в ряды клана немецких единомышленников». Кэчел добавляет: «Мы стоим на пороге нового расового сражения и должны быть к нему готовы. У немцев сильны традиции расового сознания, которому мы, американцы, можем здесь поучиться!»

Ку-клукс-клан поддерживает самые тесные отношения с западногерманскими неонацистами, наладил контакты с организациями фашистского толка в других странах — с английской «Лигой святого Георгия», бельгийской «Вламсе милитанте орде» и т. д.

Тот, кто хочет вступить в западногерманскую организацию ку-клукс-клана, должен уплатить 30 марок и подписать декларацию о том, что он чистокровный белый нееврейского происхождения. Один из сотрудников придирчиво проверяет познания нового кандидата. Вопросы по истории ку-клукс-клана, истории нацистской партии...

«ЭЛАН», ФРГ

ЭТА СТАРАЯ, ВСЕМИ ЛЮБИМАЯ ПАРИЖАНКА...

Так называют французы главную достопримечательность Парижа — Эйфелеву башню. Чтобы красота ее не поблекла, каждые семь лет старая дама «чистит перышки» — подкрашивается, дабы быть в надлежащей форме. Краски для этого требуются немало — ровно 52 тонны. Сочетание цветов неброское, приятное для глаза и, как говорят знатоки, для нынешнего сезона модное — коричневый, серый, зеленый. Башня украшает Париж с 1889 года. Время от времени она как бы покачивается головой, но при этом ее вершина отклоняется не более чем на 12 сантиметров, во время же большой жары она как бы становится на цыпочки, вырастая сантиметров на 15. С вершины ее можно видеть окрестности на 70 километров.

Это трехсотметровое сооружение (плюс антенна в 20 метров наверху),

весьмаеще семь тысяч тонн, до сих пор считается шедевром инженерного искусства, сочетающим легкость, прочность и надежность. Ее продуманная функциональность, считают эксперты, воспринимается как явление природной красоты. Может быть, именно к этому и стремился ее создатель инженер Эйфель.

По посещаемости башня стоит наравне с такими достопримечательностями Парижа, как Лувр и Версаль, — глянуть на панораму столицы Франции с птичьего полета ежегодно приходят три миллиона туристов (из них только пять процентов составляют парижане). Старая парижанка приносит городскому муниципалитету немалый доход — около 20 миллионов франков в год.

«ЮМАНТЕ», ФРАНЦИЯ

Здоровье на продажу

«Это хуже, чем бойня», — заявил доброволец, благодаря которому удалось проникнуть в бразильские тайные лаборатории. А мир с ужасом узнал, что существуют врачи, для которых человек является более дешевым подопытным материалом, нежели кролики, обезьяны или мыши, и что вампиры прошлого живы: человеческая кровь стала предметом бизнеса.

Истощенные от недоедания, анемичные, больные мужчины и женщины заманиваются (под предлогом, что им предоставят бесплатный медицинский уход) в тайные

лаборатории. По самым бедным окраинам бразильских городов-гигантов ходят специальные «сборщики» людей. Они приводят свои жертвы без угрызений совести к врачам, которые за литр крови платят им 100—200 франков. Тот же самый литр крови потом продается на зарубежном рынке крупным американским, западногерманским или французским лабораториям.

«МЛАДИ СВЕТ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЕСТЬ И ТАКОЙ ДОМ...

Сооружен он в Японии. На первый взгляд дом как дом — одноэтажный, с пятью комнатами. Однако у него есть курьезное отличие от других домов: железобетонный каркас заполнен не кирпичами, а... бутылками. 230 тысяч штук! Хозяин оригинального жилища собирал этот «строительный материал» в течение 17 лет.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

Найдена одна из каравелл Колумба

Неподалеку от атолла Молласи, входящего в группу Багамских островов, аквалангисты обнаружили остов корабля, две бронзовые пушки и свинцовые ядра, которые были изготовлены в конце XVI века или в первой половине XVII века. Ссылаясь на испанские исторические источники того периода, археологи делают вывод, что, по всей вероятности, это «Пинта» — одна из каравелл, принимавших участие в известной экспедиции Колумба, когда в 1492 году был открыт «Новый Свет». В 1499 году «Пинта» отправилась в очередное кругосветное плавание к берегам Америки, но попала в жестокий шторм и затонула, натолкнувшись на подводные рифы. Произошло это в акватории атолла Молласи.

«БОЭМИЯ», КУБА

Как звали Прометея?

Кто и когда первым воспользовался огнем? На этот вопрос пытались дать ответ археологи, проводившие раскопки в районе Кесона, неподалеку от озера Баринго (Кения). После тщательного изучения собранных материалов они пришли к единодушному мнению: использование огня в Африке началось полтора миллиона лет тому назад, то есть на миллион лет раньше, чем в Европе и Азии. В ходе раскопок были найдены глиняные печи и обгоревшие кости животных.

«ТАЙМС», ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

МОЖЕТ ЛИ ОБЕЗЬЯНА РАЗГОВАРИВАТЬ?

На этот вопрос пытается ответить Пенни Паттерсон, преподавательница Стамфордского университета, которая уже в течение десяти лет проводит занятия с двумя гориллами. Лучших результатов добила самка по кличке Коко: она «понимает» почти тысячу слов и может воспроизводить их смысл на языке глухонемых, сопровождая жесты

гортанными звуками. Гораздо меньшим запасом слов овладел самец Мишель.

Следует отметить, что в процессе обучения обе гориллы проявили большой интерес к рисованию: они даже выполняют копии с небольших картин.

«ЛАЙФ», США

ПЛЕМЯ ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА

Неизвестное племя, находящееся на стадии развития пещерных людей каменного века, обнаружено в Гималаях неподалеку от перевала Кетак — в 650 километрах к северо-востоку от Калькутты. По сообщению индийской прессы, при переходе через лесной массив по глубокому пятиметровому снегу члены одной научной экспедиции встретили двух женщин этого племени, а позднее и стоянку, расположенную в глубокой пещере. Аборигены имеют четко выраженные черты монголоидной расы и не умеют пользоваться огнем, а одеждой им служат шкуры диких животных. Пещерные люди пользуются сырой пищей, которую в изобилии находят в окрестностях своей стоянки.

Первая встреча с цивилизованными людьми сопровождалась испугом и крайним удивлением, что есть, оказывается, существа, им подобные.

«КВИК», ФРГ

Где похоронен Ян Жижка?

Чехословацкие ученые после тщательных антропологических исследований установили подлинность захоронения предводителя гуситского движения Яна Жижки. После смерти легендарного народного героя, последовавшей в 1424 году, и подавления антифеодального гуситского движения реакционные круги аристократии и духовенства решили изжить из памяти народной не только само имя Яна Жижки, но и уничтожить его останки. Однако инквизиторам не удалось обнаружить место захоронения. Только в 1910 году при реставрации церкви апостолов Петра и Павла (г. Часлав) была раскрыта ниша, в которой находился саркофаг.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ», ВЕНГРИЯ

ИНДИЙСКАЯ АТЛАНТИДА

Тамилы в наши дни разбросаны по многим странам Юго-Восточной Азии. Наибольшая часть их живет в индийском штате Тамилнад — около 37 миллионов, а меньшая — в Шри Ланке, Бирме, Малайзии, Сингапуре, Австралии и Океании. Этот народ создал интересную литературу. В древнем тамильском эпосе «Силапатхикарам» рассказывается о богатом портовом городе, расположенном на побережье Бенгальского залива, там, где в него впадала река Кавери.

Индийские историки, исследующие эпос, предполагают, что этот город действительно существовал, но был поглощен морем. Местные рыбаки время от времени находят в нескольких километрах от устья Кавери старинные предметы домашнего быта, статуэтки, изображающие Будду, куски дерева с письменными знаками. Сопоставляя эти находки с другими историческими данными, ученые высказывают мнение, что рыбаки натолкнулись на легендарный город, который является своеобразной индийской Атлантидой.

«ОТЕЧЕСТВЕН ФРОНТ», БОЛГАРИЯ

На автомобиле по дну Темзы

Каждый день через Темзу — по мостам, туннелям либо на парамах — переправляются свыше миллиона автомобилей. Лишь Питеру Кигану, владельцу гаража в Лондоне, удалось вместе со своим коллегой совершить вождение... непосредственно под водой, по дну Темзы. На автомобиль «Форд Эскорт» они надели приставки на всасывающую и выхлопную трубы, загерметизировали трубопроводы, сняли двери и стекла, взяли дополнительный балласт и, облачившись в костюмы аквалангистов, погрузились в воды

Чемпионат золотоискателей

В знаменитом финском эпосе «Калевала» говорится о кузнеце Ильмаринене, который хотел выковать из золота фигуру женщины и вдохнуть в нее жизнь. Золото могло быть и финского происхождения. Музей золотоискателей в поселке Танкаваара доказывает, что на территории страны золото действительно добывали — в экспозиции самородки, инструменты добытчиков золота... Сейчас в Финляндии золото попадает крайне редко, но есть и такие, кто каждый год отправляется в самые отдаленные районы севера на «добычу». В 1981 году более 150 финнов и десятки представителей других стран приняли участие в традиционном «мировом чемпионате золотоискателей», который проходил в Танкаваара. Необычайное состязание заключается в извлечении за возможно более короткое время крупинки золота из мешка с песком, выдаваемым каждому участнику. Тогда первенствовали финны. Золотым призером чемпионата золотоискателей стал Йорма Салланко, который нашел шесть крохотных крупинки в 20 килограммах песка за 8 минут 41 секунду.

«ЛАНД ОГ ФОЛЬК», ДАНИЯ

Темзы. Цель эксперимента — проверка нового средства, предотвращающего проникновение влаги в механизмы.

Попытка удалась. Мотор не переставал работать, хотя сильное течение почти выгнесило экипаж из автомобиля. Сомнительно, чтобы пример Кигана увлек других автомобилистов: все же привычные способы форсировать Темзу несколько комфортабельнее и безопаснее...

«ТЕХНИКЕ НОВИНИ», ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Обзор зарубежной печати. Материалы печатаются в изложении.

НА ПЕРЕДЕКЕ НА РАДНО

Так и сколотился отряд, небольшой, зато подвижный, нас в отличие от партизан родня не обременяла. Все при себе, на себе, отряд условный, просто группа, боевая группа. Передвигались с места на место и постоянно учились, отработывали разные способы ведения боя, до автоматизма, как в армии. Каждый из нас мог держать взвод противника, случайных людей не принимали. История в общем-то длинная. Жили мы одним желанием: сколько сил хватит, уничтожить их, сражаясь с умом, грамотно, наверное, потому и обходились без потерь. Словно иголка, проскальзывали через самые густые сети, расхаживали поодиночке и снова собирались в условленном месте.

И вот однажды нам стало известно: топографы ведут съемку, похоже, размечают линию обороны. Дело почти безнадежное, но мы решили: документы надо захватить. Командир тогда сказал: вот, братцы, и наступило время нашего главного задания, нет ничего важнее, чем сообщить своим, что фашисты предчувствуют свой конец, понимаете, конец!..

— Горит весь,— тихо сказал старик.— посмотрите, у него живот забинтован, а если туда попало— считай, не жилец.

11

Невидимец, Николай Варавка, и в самом деле медленно слабел, хотя сознание, похоже, не терял, но перед глазами замелькало, как кадры в кино или во сне. Картины возникали разрозненные, он видел их несколько отчужденно, вовсе не уверенный, вспоминает ли их содержание или они просто вырываются из памяти; и все же сработали какие-то предохранители, невольно фильтруя сведения, оставляя под спудом маршруты, пикеты, места «секретной почты», фамилии; возникавшие имена были чересчур изменены, вряд ли кто смог бы догадаться, кому они принадлежат: Алекс, Чеслав, Василь, Иван... Уже не определить ни начала, ни конца, кто начинал и заканчивал, оставалось лишь «зачем»; некоторые картины всплывали в памяти из тьмы по нескольку раз, порядок их появления не имел значения.

Вот собрались несколько капель и создали ручеек. Они не знали, что одновременно с ними другие капли создали второй. Это стало ясно, когда ручейки слились. Новый ручей был еще слаб, но он верил, что сквозь преграды к нему пробивается его собрат. Сливались равные по силе ручьи, натужно прокладывая русло, снося ветоши; и, наконец, полноводная река заблестела чисто и привольно. Река казалась серой, и небо над ней плыло серое.

Он оглянулся и выстрелил. Бежал по воде, берег отдалился, а вода все еще по колено, хотя и затрудняла бег. Пули поднимали фонтанчики то слева, то справа— брали в клещи, но, к удивлению его, до конца не зажимали.

Неожиданно провалился по пояс, и загонщики, прекратив стрельбу, взяли свистеть. Он мелком взглянул на противоположный берег. Взглянул без всякой мысли, смех, свист и улюлюканье раздавались гудко, губы сами невольно сложились в презрительную улыбку. Он пошел обратно и, когда вода опустилась до колен, резко вскинул к плечу приклад. Почти не целясь, сделал четыре выстрела. Все смолкло, он шел к берегу, на котором недавно раздался свист. Затем выстрелил еще раз.

Двое из них, стоявшие возле самой реки, свалились в воду, и на них накатывались волны, расходящиеся от его шагов. Два других лежали на берегу, и, выходя на сушу, он даже не взглянул на трупы, а направился к одиноким деревьям. Одно из них обнимал пятый— так и не успел спрятаться. Он вытер рукавом лицо и взглянул на верхушки. Ветви живописно вырисовывались на сером фоне неба.

— Ну и ну. Значит, вырвался?— удивлялся командир, меряя шагами маленькую комнатку с белыми стенами. Хлопцы уселись вдоль стен, а Николай устроился одиноко в углу на грубо сколоченном стульчике.

— Медлить нельзя,— сказал Николай.
— Да...— сказал, продолжая ходить, командир.
— А у вас какие новости?— спросил Николай.
— Немца взяли, из комендатуры. Расположение известно, вплоть до улиц, зданий и ворот. Ни с кем, кроме своего начальства, он не общался. Знаком с какой-то секретаршей. Вия Жукаускас. Часто выезжает из города в Балички, где остается ночевать. У кого точно— неизвестно.

— Это уже кое-что.
— Ты так считаешь?
— Сразу не привлечь внимания. Как-никак женщина, могут быть интимные отношения.

Продолжение. Начало в №№ 5—7.

— Глупости.
Николай пожал плечами.
— Больше ничего?

Командир перестал мерить шагами комнату.
— Алекс вот вернулся с экскурсии. Поделись впечатлениями. Алекс.

— Я сел в поезд, сошел на предпоследней, перед городом, где сходит эта мелхен. Балички? Да, Балички. Встретил медика ихнего, ехал к месту назначения... Документы я прихватил... форму... Вот и все.

— У одного есть возможность появиться в городе без особого риска,— сказал Николай. Командир снова начал шагать по комнате, прикидывая вслух, много ли знает секретарша.

— Ее бы и спросить обо всем.— предложил кто-то из хлопцев.

— С ней лучше поговорить тому, кто станет медиком, верно?— предложил вариант Николай.

— Вслепую лезть нельзя. Необходимо ее понаблюдать. Давайте решим, кто пойдет.

— Николай,— сказал Чеслав.
— Почему вдруг я?

— Девчата тебя, судя по всему, обожают. Парень ты симпатичный.

— Действительно,— сказал командир.— язык знаешь, стрелять умеешь...

— Вот Антонас литовец, у нее тоже фамилия, видать, литовская. Землячка...— Николай никак не мог представить себя в новой роли.

— Землячество не имеет никакого значения.— вскипел вдруг командир.— Ты что, отказываешься? Это приказ.

— Слушаюсь!— сказал Николай.— А вдруг я не в ее вкусе?

— Брось. У нас мало времени. Хлопцы, всем спать. Бах, готовы документы. Деньги, все до пфеннига, отдайте Николаю. С поезда на ходу прыгать умеешь? Выкладываете все запасы.

Утром в Баличках останавливался пассажирский поезд, всего на две минуты; ему надлежало пропустить состав, следовавший с фронта. Балички находились от города не в одном километре, но здесь жили служащие различных городских учреждений, даже офицеры некоторых подразделений, так что небольшую прибыль железнодорожное ведомство рейха все же имело.

Осенняя роса, наверное, выпала в последний раз— не изморось, а настоящая роса, что предвещало теплый и прозрачный день. Листья пристанционных кленов тронула желтизна, однако они казались зеленоватыми. Минувя их, солнечные лучи делали красными потемневшие от ржавчины крыши строений.

Девушка торопилась, но, к счастью, случайный кавалер уверенно помог ей подняться на дрожавшую подножку уже трогавшегося поезда.

— Спасибо,— поблагодарила Вия.
Кавалер вскочил в тамбур следом, свежесвыбранный, тщательно причесанный, он излучал бодрость и молодую силу.

— Вам далеко?— спросил он. Девятьсот девяносто девять из тысячи, желая познакомиться, задали бы этот же вопрос.

— Не дальше города...
— Победим русских?— прокатился по Сибири.
— Вам так хочется?
— Что, победить русских?
— Нет, ехать дальше, в Сибирь.
— Конечно. Тогда я имел бы возможность ехать с вами.
— А-а, вот оно что...— Она попыталась войти в вагон. Молодецкий офицер покраснел, как гимназист. Однако время его торопило.

— Скажите, пожалуйста, вы город хорошо знаете?
— Не совсем.
— Мне надо сделать отметку о прибытии, ну, и еще кое-какие формальности.

— Это рядом с комендатурой. Я вам покажу.
— А вы, извините, работаете в комендатуре?
— На подобные вопросы не отвечают.
— Но вы еще не при исполнении обязанностей?
— Вы меня наконец пропустите или нет? Я желаю сесть.
— О, извините, прошу. Если позволите, я с вами. Пропуская девушку вперед, Николай сказал конец фразы ей в спину, не оглядываясь, она спросила:
— Как прикажете понимать?— и уселась возле окна.
— Сознаться: увидел—идет красивая девушка, ну и соскочил помочь.— Николай продолжал стоять против нее.
— Вы воспитанный молодой человек.

— Адольф Нетцер, всегда к вашим услугам.— поклонившись, он неуклюже шаркнул ногой.

— Очень приятно...
— Если можно... извините, как разрешите к вам обратиться?

— Вия Жукаускас, если желаете.
— Знаете, пани Вия... позвольте вас так называть?

— Пожалуйста.
— Так вот, не согласитесь ли вы провести сегодняшний день со мной, то есть, я хотел сказать, может, вы познакомите меня с городом, кроме того, мне хотелось бы поскорее найти жилье, поймайте, я один в незнакомых местах, такое положение, пожалуйста, я вас очень прошу, представьте, что вас просит об этом моя мать. Не отпустят ли вас с работы на несколько часов?

— Вы, однако, странный. Я завтракаю в кафе напротив комендатуры в одиннадцать. Найдете меня там.

А за окном уже мелькали городские дома, поезд не сбавлял скорости, и Николаю почудилось, что он может врезаться в конечную станцию. Колеса громыхали, как топает дожина солдат, поднятых по тревоге.

— Вы, однако, странный. Я завтракаю в кафе напротив комендатуры в одиннадцать. Найдете меня там.

А за окном уже мелькали городские дома, поезд не сбавлял скорости, и Николаю почудилось, что он может врезаться в конечную станцию. Колеса громыхали, как топает дожина солдат, поднятых по тревоге.

Был громадный пляж. Пустынный и неуютный. Пританцовывая на месте, она не убежала, и тысячи капель, отяжелевших от прохлады, медленно скатывались по ее плечам. Она только пыталась защититься руками.

Набрав напоследок полную пригоршню, Николай вышел из реки и плеснул водой на Вию. А потом упал навзничь на песок и раскинул руки.

— Благодарю. Вия, как вы считаете, что лучше: кровь или песок?

— Песок.
— Эх, поменять бы кровь на песок! Песка все равно больше.

— У вас капитулянтские настроения. Слишком опасно.
— Я и забыл, что разговариваю с сотрудником комендатуры.

— Так и быть, я вас пощажу. На первый раз.
— В сказках глупости разрешается делать три раза. Поэтому вы должны простить меня еще раз: вам действительно хотелось бы... поменять кровь на песок?

Для абсолютной серьезности нужно сесть. Вия смотрела вдаль.

— Один выход, как убежать, я вам могу подсказать. На случай нападения партизан. Видите, там, вдалеке, разрушенное строение? Это водоочистительная станция. Давно вышла из строя. К ней ведет канализация. Подземный ход, связанный с ней, начинается в костеле.

— А если ход завален?
— Вы же солдат, пробьетесь гранатами.

— Счет два-один в вашу пользу.
— Какой счет?

— Вы мне раскрыли секрет.
— Ему по крайней мере двести лет.

— Тогда еще... Вы-то откуда о нем знаете?
— Мой отец был архитектором. Жили мы вдвоем. Мама только-только умерла. Отец искал повод для беседы и всегда начинал рассказывать о старинных знаменитых постройках. Он тоже умер. В первый день войны.

— Поэтому вы оказались здесь?
— Как-то нужно было жить. Я владею несколькими языками.

Николай кинулся в воду. Он пытался держаться на поверхности, где вода теплей, но тело все равно стыло, когда плыл, чувствовал себя так, словно скользил голыми животом и грудью по гладенькой льдине.

Когда в голове путаются мысли, их рассекают ножом холода.

Он заплыл в заросли, нащупал ногами дно и начал ломать камыши.

Вия удивилась, но букет темно-коричневых палочек, казавшихся замшевыми, порадовал ее. Если их подбросить, звенели в воздухе, словно проволока.

— Мне пора. Разрешили до двух часов. Приехала какая-то комиссия из Берлина...

— А вам она зачем?
— Вечеринка. Нужно переодеться.

— И как долго?
— Начало в шесть.

— Пир во время чумы... Вы пользуетесь доверием, если приглашают на такие встречи.

— Просто не хватает женщин.
— Вия...

— Я убегу оттуда в девять. Может, и раньше. Вот вам ключ, у меня есть второй... Приходите ко мне домой.

...В квартире Вии хлопцы сидели и лежали, где придется, немецкая форма сильно помялась, а ничего не бывает противней, чем мятая, пыльно-зеленая немецкая форма.

— Все в порядке? Ты ее отпустил?
— Все в порядке... Давайте обсудим план действий.

— Перекусить бы.
— Я что-нибудь принесу.

— Нет охоты умирать фрицем,— сказал кто-то,— подвинься, я примерю каску.

— Да перестань ты!

Кители слегка побрызгали водой и, пытаясь немного распрямить, долго оттигивали их полы. Сапоги почистили, застегнули все пуговицы, но каски на головах оказались великоваты, наезжали на глаза, как металлические стрехи.

Построившись, они напоминали обычное отделение обученных и дисциплинированных немецких солдат. Роль командира исполнял Николай, одетый в китель пехотного лейтенанта.

— Задача понятна всем? Все за? Единогласно. В случае моей смерти команду принимает тот, кто первым заметит мое отсутствие. Дальше действовать по плану. Вперед.

Последним, поправляя на ходу обмундирование, в коридор выскочил Вася. Возле дверей квартиры Вии испуганно жалась неизвестно откуда появившаяся старуха. Смерив ее безразличным взглядом, он побежал, но вдруг остановился.

— Бабуля, тебе чего?

— Пани... пани... молоко...

— А, пани. Пани... сейчас. Заходи, бабуль, не стесняйся, не бойся! — и затолкал старуху внутрь.

Хлопцы рвались к подъезду дома, стоявшего напротив комендатуры. Стрельба вспыхнула мгновенно, словно дождевые капли рьяно затараторили по жести крыши, и бешено нарастала. Кто-то упал, его подхватили и поволокли, исчезая в каменной пасти подъезда. Выстрелив несколько раз из-за случайного выступа, Николай тоже бросился через дорогу, его отход прикрывали двое из подъезда, один, уткнувшись лицом вниз, лежал под стеной, видно, мертвый.

Оказавшись на задворках, он понял, что, несмотря на неожиданность нападения, принесшую сначала успех, от преследования им не оторваться, погоня уже показалась в подъезде, их разделяло каких-то метров двадцать. Рядом с ним прижимался к стене Вася — они остались в арьергарде.

— Коля, а женщина?

Пуля звякнула в стенку, осыпая на головы пыль. Николай, вскинув к плечу приклад, четко, словно на тренировке, поразил четыре фигуры. Те действительно завалились, как мишени, и лишь четвертый качнулся сначала на стенку, потом, ударившись о нее, отлетел, как мячик, назад.

— Какая?

— Да встретилась, когда уходили. Я и закрыл ее в комнате. Она видела нас...

— Беги! И сразу к реке!

Вася ринулся в соседний двор, стрельба и взрывы гранат теперь доносились как будто издали, да и немцы здесь, к счастью, действовали суетливо, они еще не успели нырнуть с головой в драку, не ощутили вполне горячки боя. Они так до конца и не опомнились, Вася забрасывал их гранатами и расстреливал почти в упор, и эта отчаянность помогла ему прорваться. Он перемахнул через стену, длинную и высокую, на ней еще сохранились следы старой известки. Вася побежал вдоль стены, а вслед ему полетели, впиваясь в стену, пули. И настigli.

..Ну, само собой, они сообразили, что произошло, само собой, начальство за ротозейство по головке не погладит, немцы, понятное дело, будут рваться к костелу, как безумцы, передних будут подталкивать задние, которым суждено либо умереть на этой площади перед костелом, либо потом их расстреляют свои же.

Пулеметчик не отрывал руку от гашетки ни на миг, немцы пересекали площадь, позиция у Алекса удобная, узенькое окно-бойница, немцев он видел сверху и стрелял, стрелял беспрерывно, такую атаку он отражал впервые, молодец, догадался соединить вместе несколько лент.

Ниже, под ним, пристроился другой боец, державший под обстрелом противоположную сторону, улочку, круто спускавшуюся к площади, ему казалось, что немцы не бегут, а летят по воздуху...

Бах сумел вскарабкаться выше всех, ему тоже досталась своя улочка, появившиеся на ней немцы, наверное, прибежали издали, так толком и не поняв происходящего, и Бах сразу же загнал их в мертвое пространство, под дома.

С четвертой стороны костел почти впритык окружали дома, немцы вскарабкались на крыши, но по крышам бежать неудобно, приходилось осторожничать, терять время, атака захлебывалась, и вскоре их сбили оттуда.

Круговая кратковременная оборона предусматривалась заранее, она себя оправдала, но немцы, перепрыгивая через трупы своих, достигли дверей костела. Хлопцы, прятаясь за колоннами, встретили их кинжальным огнем, загремели гранаты, и за какое-то мгновение все так же неожиданно утихло, как и началось...

Атанас начал набивать в магазин патроны: позиция ему досталась отличная — в глубине помещения, там, где ксендз читал молитвы, как раз напротив входной двери. Патроны в руках Атанаса звякали, издавая приятный, такой успокаивающий звук. Когда, вынырнув откуда-то снизу, Николай крикнул: «Кто живой — за мной!» — он отметил, что за эти несколько минут его люди не только отразили все атаки, но и успели скинуть немецкие кители, оставаясь в своей одежде.

— Атанас, еще минута — и взрывай вход!

Но в дверях показались немцы, и снова нужно было стрелять.

— Атанас, через полминуты!

— Есть!

Больше ничего в костеле Николай сделать не мог. Задержавшись, он положил руку на плечо Атанаса:

— Удачи...

Снова вода... В темноте канализационных ходов они взмутили ее, вода хлопала под сапогами, но, ударяясь о стенку, назад почему-то откатывалась тихо.

— Не провалиться бы...

— Быстрее!

— Тихо!..

Далеко впереди мигнули болезненно-желтые глазенки карманных фонариков, отражаясь на тяжелых плитах подземелья.

— К стенке!

Фонарики приближались. Далеко позади прогремел взрыв. Почти без звука, один толчок.

— В чем дело?

— Атанас завалил ход.

— Откуда же здесь немцы?

— С того света... Тоже архитектуру изучали.

— Тихо! Приготовить гранаты, стрелять вдоль стен. В подземелье звенит эхо. А тут еще не знаешь, куда упала твоя граната, ведь ты бросал ее в темноте. Оттуда и разносится эхо.

— Вперед! — Команды, может, и не было, и без нее все понимали, что отступать некуда, спасение — прорваться вперед. Начав атаку первыми, они получили некоторое преимущество, теперь огонь можно вести из-за трупов немцев, да и промахнуться в подземелье невозможно.

Впереди проступил серый полутон дня. Как будто началось хмурое утро. Там находился люк. Тусклый свет освещал фигурки. Они растаяли под огнем.

— Чеслав, люк держать две минуты. Подождешь Атанаса. Две минуты... — Николай согнулся.

— Тебя задело? — спросил Чеслав, поражая немца, спустившегося вниз. Чеслав — хладнокровный, а он, Николай,

не командир, а растапа, мог бы и без слов, просто указать Чеславу на лок.

— Так... — сказал Николай, и его подхватили двое. Значит, их четверо, этого, спускаясь в подземелье, он не заметил. — Чего ждете? Помогите...

Из темноты до Чеслава донеслось: «Нет, лучше неси-те!» — но прислушиваться времени не было, немцы лезли в подземелье цепочкой, и он расстреливал их одиночными. Под локом уже навалилась куча, а они все лезли, гонимые звучащей наверху командой: «Вниз! Вниз!»

Потом закончились патроны, Чеслав взглянул на часы, швырнул в лок гранату и бросился вперед. Взрыв прозвучал уже за спиной.

— Ну, вот и все, — сказал Николай. — Помогите подняться выше.

Он держался за живот. Свет после темноты его не раздражал. Все затмила боль.

— Какое твоё решение? — спросил боец.

— Командир уже взорвал мост. Возьмите папку и быстро уходите, вам еще нужно переплыть реку.

Папку он засунул под китель, ее залила кровь. Еще когда ранило, Николай забеспокоился, не пробила ли пуля документы, но увидел, что кровь только пропитала край папки, успокоился. Он вытер ее о китель, а заодно сбросил его совсем.

Отдав папку, Николай воспользовался паузой и устроился возле окна, в которое видел был конец улицы... Немцы, должно быть, появятся оттуда.

— А дело мы провернули славно, — сказал боец.

— Славно, — ответил Николай. — Дай спички. Пора уходить!

Он остался один возле окна. Вынул сигареты, закурил, пачку спрятав обратно, в нагрудный карман гимнастерки. Внизу протопали шаги. В стене был пролом, в его просвете Николай увидел часть реки и фигуру Чеслава. Сорвав одежду, Чеслав нырнул в волны и исчез. Холодно, подумал Николай.

Немцы прибыли на мотоциклах.

Николай словно наблюдал себя со стороны, медленно отдаляясь. Выстрелов не слышно, только летят один гильзы. Вот он уже видит водоочистительную станцию, взгляд охватывает все большую панораму, вскоре стал виден весь город, тихий и неразрушенный, а если присмотреться, то можно различить два острых шпиля костела. Но это уже с высоты птичьего полета...

12

— Все, — спокойно, на неожиданной смене настроения, сказал Невидимец и открыл глаза. Взгляд его больше не блуждал в неизвестности, охватывая пространство и растворяясь в нем, взгляд теперь принадлежал только ему, Невидимцу, Николаю Варавке, лейтенанту-пограничнику, холостому, раненому, пленному. — Все. Можно подписывать протокол.

Крупные капли пота выступили на его лице, и старик осторожно вытирал их.

— Не дожидет до рассвета, — тихо сказал дед, но Невидимец услышал его слова.

— Доживу, — и в знак подтверждения слабо кивнул головой. — Я по второму заходу живу, мне долгий век отпущен. Нужно только силы беречь. Спать, спать...

Николай и вправду уснул или снова забылся, скорее всего уснул.

— Я с немцем познакомился давно, — рассказывал Андрей Савосюк. Они сидели с Михайличем на одном матрасе под решетчатым окном и разговаривали. Невидимец и Иосиф спали, они же не ложились не потому, что на двоих досталась одна узкая постель — четвертому ее забыли или не сочли нужным выдавать, просто уже наступило 23 сентября 1943 года, день операции «Треугольник». День, если сказать точнее, неувраченный, разве что земля вдруг расколется пополам. — Еще в четырнадцатом, когда завелись с ними впервые. Погнали и меня на войну, а мне что — старый парубок, ни жены, ни детей. Бобылем жил по своей глупости, где это видано, чтобы мужик в двадцать восемь лет без семьи маялся? Теперь-то жалею — возраст как раз детисшек рожать, а не нет...

В немцев я не стрелял. Сиджу в окопе и палю поверх их голов: они ли виноваты, сидком ведь под ружье поставлены? Скоро и в плен попал. Других, знаю, мучило сомнение, терзали упреки, совесть покоя не давала, меня — нет, даже домой не тянуло: моя душа была со мной. И обществу, кто прислушивался, советовал. За зиму весь лагерь вымер, горсть выжила. Германцы, видя такое дело, отдали нас бауэрам в батраки, весна шла. Оклемались малость — и за плуг, за бороны, за косу. Хозяин мне попался не вредный, со мной в поле от темна до темна, за одним столом обедали. Куда уйдешь? Войны, революции вокруг. Полюбил меня бауэр, привык, видимо, собирался на адове-своиченице женить, я едва не согласился, но как раз немного утихло, я и подумал, может, там, на Вольни, отца-мать некому доглядет, и пошел потихоньку домой. А здесь все, как и прежде, народ одичал еще больше, словно в каждом зверь проснулся, то пана сожгут, то полиция пришибут, то полиция над кем-то расправу учинят. Отец умер, братьев скосило. Старуха мать осталась. Взял я жену брата, самого младшего, с детьми, начал жить, до войны своих пятеро родилось, куча мала. Такое, значит...

Кончилось тем, что село решило меня в старосты

двигать. Собралась сходка, народ говорит: только ты, мол, и все. Снял шапку и говорю: кланяюсь вам низко, но не могу... Не могу быть посредником между собой и законом. «Нет, — кричат, — вы, Андрей, близко к сердцу не берите, положено по закону шкуру драть — дерите, само собой, но мы-то знаем, что вы для себя драть не будете, кулак тоже по прихоти тыкать не будете, девок наших портить не будете. Желаем вас!» Я им еще раз: люди добрые, не лучше ли все-таки обходиться нам без посредников, говорю, а законы к вашим честным желаниям подладить, а которые не годятся, то их отменить вместе с беззаконием. После слов моих тихо вдруг стало. Переглянулись между собой. На меня посмотрели и глаза потупили. Тут же полиция меня и арестовала. Пока суд да дело, опомнился уже в Березе Каргузской. Два года дали. Малость не досидел: пришли красные и освободили. А здоровье в той Березе сильно надломилось. Долго поправлялся, отогревался, откашливался. Хорошо хоть дети подросли, помощи больше. Старшие хлопцы в армию ушли, девчата замуж — три сразу дожидались, пока вернусь из криминала.

А тут и саранча гитлеровская налетела. В Берестяны долго не показывались: глухаясь, болота, а потом зима, дороги снегом занесло — ни проехать, ни пройти: весной тоже — вода, топи, а летом партизаны объявились. Я все думал: какие они, нынешние немчики? И вот недавно они заехали за картошкой, одна команда у меня села обедать. Старуха и подать ничего еще не успела, как они, словно псы бездомные, давай шнырять по углам — не доверяли. Один в печь полез, тот сало из сени прет, другой ягички из-под курицы тащит, в буфете шарят, хлеб ищут, лук и на нас шумят: «Быстро! Быстро!» — будто это мы не успеваем на стол подавать. Никуда не денешься, молчим, угодил под сапог — терпи, может, не раздавят. Уселся, прибежал полиция, самогон принес...

Как уехали, позвал я семью, говорю им: против супостатов этих что-то делать надо, не то молча и спином со света. Так вот: за оружие братья у меня здоровья нет, а даром хлеб никогда не ел, в тягость быть не желаю, сам с собой справлюсь, а вам, Тихон, Федот, Евдокия, Приська, одна дорога стелется — в лес, в партизаны, и будьте послушны там. А ты, старуха, забирай Семена, корову, птицу и перебирайся к куме, — с хозяйством она примет...

Замок в дверях щелкнул гулко и внезапно. Дверь распахнулась без знакомого ржавого скрипа, распахнулась, даже ветром повеяло по камере, и в нее ворвалось несколько человек в черной форме, мгновенно разобрались, кто где лежит, на каждого накинулись по двое, решительно, заученно, никто и пошевелиться не успел, через секунду Андрей Савосюк, Владимир Михайлич и Иосиф Христок стояли уже рядышком, закованные в наручники. Николаю Варавке наручники не надели, зато с двух сторон держали за пояс. И при этом не проронили ни единого слова, действовали, как призраки в жутком сне; чужая воля, против которой, как и во сне, чувствуешь свое бессилие, стремилась поднять человека, как ветер, и швырнуть, куда вздумается; но десятое чувство подсказывало Михайличу: его час еще не пробил, надо стиснуть зубы и дожидаться своего: старик тоже медленно высвобождался из плена кошмарного сна, этого наваждения, и, освободившись, вздохнул громко, чтобы и самому услышать вздох и другие его услышали, чтобы тот вздох стал толчком, после которого человек уже смотрит за собой, даже когда круговорот оторвет его от земли. Вздохнул не тяжело и не печально, а как будто закончил один путь и начинал другой. Иосиф и вида не подал, но весь напрягся, приготовился; Николай повис на руках конвоиров, прошептал: силы, силы поберегите, пусть несут; Михайлич понял, что Невидимец на самом деле решил сохранить капельку сил, не намерен идти ногами, вынуждает его тащить.

Каблуки уже громыхали в безмолвных коридорах тюрьмы, неумолимо, в такт, в ногу, чекана шаг. бум-бум-бум, спускаясь с этажа на этаж, металлические ступеньки гремели особенно сильно, словно удары молота в гигантских часах. Однако вскоре старик перестал поспевать за конвоирами, не желая тащить еще и деда, конвоиры принаравливались к его шагу, они не стали ни бить, ни кричать, ни пинать — зашпиготизированные собственной каменной поступью, боялись, что крик нарушит великое таинство, величественную атмосферу насилия; Михайлич на миг приостановился, сбивая ритм, и сбил его; Невидимца тянули бреднем, только вразнобой стучали его ботинки; Иосиф же вдруг пошел, пританцовывая, выбивая какую-то замысловатую четку, жаль, металлическая лестница быстро закончилась.

В самом конце, выводя уже в тюремный двор, конвоиры, у которых, видать, терпение лопнуло, дали чувствам волю, вмиг лишившись гипсовых масок фатума, оказались обыкновенными служаками, нервными, светлыми; Михайлич под светом фар вскозь приметил, что у конвоира, идущего слева, под глазом дергается маленький шрам, даже не один, а три, параллельных, похоже, след женских ногтей; а у того, справа, нос рябой и покрыт мелкими каплями пота, очевидно, немец страдал сердечной недостаточностью.

Зельбсманн уже поджидал их, с непокрытой головой, кожаный плащ, под которым виднелся гражданский костюм; гвалт в тюрьме его, кажется, не заботил, и все же,

выбрав момент, когда все четверо сосредоточили на нем взгляды, многозначительно посмотрел в сторону тюрьмы и презрительно усмехнулся, коротко и безучастно. Заметив это, конвоиры поняли — обойдется без нагоняя, оставив пинать узников, виновато ступевались, не зная, как действовать дальше.

Встретившись взглядом с Михайличем, Зельбсманн заговорщицки подмигнул ему: разве я был не прав, когда говорил об исполнителях. Исполнители — звери, и такими они остаются в любых ситуациях. Зельбсманн даже бесильно махнул рукой: начинайте...

Тюремный двор был маленький, бетонированный, вдоль глухой стены выстроились около десятка виселиц, сиротливо свисали заброшенные на перекладины веревки, но на двух петли качались внизу, и возле этих виселиц стояли конторские табуретки.

Солдаты построились, остальные, осведомленные, сгрудились около какого-то мужчины в черном гражданском платье: вытянув из папки листки, тот мужчина начал бормотать приговор. Зельбсманн ходил взад-вперед, давал понять, что к происходящему он потерял всякий интерес.

Михайлич взглянул на товарищей. Андрей Савосюк сосредоточенно смотрел на немца, читавший приговор. Варавка сначала будто бы слушал, но немного погодя отрешенно усталился на серые кроны деревьев. Иосиф, бледный, рассматривал лежавший под ногами бетон. Занятная чтение, немец повысил голос, но своим нижне-саксонским произношением настолько исковеркал фамилию, что Михайлич толком и не расслышал, кого же все-таки предстояло казнить. Немец тем временем аккуратно сложил листки в папку. Распорядитель повернулся к ним и подал знак рукой: ведите.

— Ну, смотрите мне, хлопцы, — шепотом сказал Невидимец.

— Не беспокойся, у нас будет полный порядок. Прощай, — сказал Михайлич, Иосиф поднял голову и тоже кивнул, и Варавка, не дожидаясь вызова, шагнул первым.

— Прощайте, товарищ комиссар, извините, если что не так, как уж смог, — сказал Андрей Савосюк и заспешил, не желая отставать от Варавки.

— Все будет нормально, — успел ответить Михайлич.

Проходя мимо Иосифа, старик наклонился и поцеловал его в щеку.

— Будь счастлив, сынок. Поплачь, если тяжело.

К табуреткам они подошли вместе — Невидимец-Варавка и Андрей Савосюк. Невидимец ждал, пока ему помогут, старик, тужась, вскарабкался сам. Петлю надеть не позволил, сам взялся руками за веревку. Варавка, видать, растягивал удовольствие, ждал, пока обстужат. А потом они перемолвились, наверное, попрощались, их слов Михайлич не расслышал, но хорошо видел улыбку, не сходящую с лица Невидимца, лицо, не успевшее обрести за сутки щетиной, было действительно красивым, похоже, Невидимец был доволен сам собой: старик же принял суровый вид, он был величествен, как патриарх, только без набожности.

Кто-то отдал дополнительную команду, она прозвучала резко и громко, с раздражением.

Палач наклонился к Невидимцу, намереваясь выбить из-под него табуретку, Николай, качнувшись телом, коротко, Михайлич даже не заметил размаха, ударил немца ботинком ниже подбородка, по горлу. Согнувшись, немец вдруг сделался маленьким, удар отбросил его назад, он упал на спину и захрипел, его пальцы судорожно бегали по груди и никак не могли дотянуться до горла, а схваченные судорогой колени подгибались к подбородку. Чудом сохранив равновесие, Николай победно улыбался, а дед, державший петлю и, возможно, приготовившийся что-то сказать перед тем, как накинуть ее на себя, застыл. Лязгнули затворы автоматов, немцев охватило замешательство, они не знали, то ли кончатся с пленным, то ли помогать палачу-неудачнику, но, кажется, решили сперва довести до конца казнь.

— Назад! — голос Зельбсманна, словно электрический разряд, остановил тех, кто уже вскидывал оружие. Николай громко засмеялся.

— Найдите крючок, табуретку выдернуть, — посоветовал он.

Михайлич не выдержал, взглянул на Зельбсманна. Тот ждал его взгляда. Ну и что, говорили глаза полковника, ничего удивительного. Невидимец — прекрасный экземпляр, а это — быдло. Но их много, и Невидимец здесь бесценен.

Трое, как кошки, танца перед виселицей, сзади подоити мешала стена, принаравливались, как выдернуть эту старую конторскую табуретку. Вешателей подстегивал страх перед начальством, Зельбсманном. Когда Николай, не таясь, выбрал момент и замахнулся, зная, что никого не достанет — далеко, они отпрыгнули. Увидев это, Зельбсманн рассмеялся, а у распорядителя по спине побежал ручей липкого пота. Смекнув, один из вешателей лег на бетон, полполз к злополучной табуретке и выдернул ее.

Дед не стал дожидаться, пока примутся за него. Трижды сильно плюнув, он схватил петлю и все исполнил сам.

— Этих ко мне в машину, —скомандовал Зельбсманн, указывая на Михайлича и Христюка. — В Залесы!

Окончание следует.

Авторизованный перевод с украинского Владимира СЕРЕДИНА.

КОНКУРС «НАША РОДИНА»

Первый тур

ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ

По предложению читателей в год 60-летия образования СССР редакция журнала «Смена» совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ проводит конкурс «Наша Родина».

Конкурс состоит из трех туров, в каждом из которых читателям будет предложено 15 вопросов, касающихся общественно-политической и научно-технической жизни советских республик, истории Советского государства, географии, литературы, искусства и культуры, быта и обычаев населяющих его народов.

Название первого тура — «Широка страна моя родная», второго — «Союз нерушимый» и третьего — «Летопись десятилетий».

Вопросы для всех туров редакция, по традиции, отберет из ваших писем, дорогие читатели. При этом вопросы первого тура, которые мы предлагаем вашему вниманию, взяты в основном из писем читателей, как раз и предложивших провести конкурс «Наша Родина».

Ждем от вас вопросы для второго тура до 15 апреля и третьего — до 15 мая. Присылайте их в любом количестве с обязательной ссылкой на справочную литературу. Самые интересные опубликуем в номерах с указанием вашей фамилии.

Жюри будет подводить итоги как по каждому туру, так и по конкурсу в целом, выявляя победителей по количеству набранных очков. Правильные ответы на все вопросы каждого тура могут принести претенденту 50 очков. За каждый неточный или неполный ответ жюри вправе снизить оценку.

А призы?

Для тридцати участников каждого тура, показавших наивысшие результаты, это книги, альбомы, дипломы.

Для трех победителей конкурса в целом — путевки для путешествия по СССР.

Итак, конкурс «Наша Родина» начинается. Ответы на вопросы первого тура редакция ждет от вас до 15 мая. Вы облегчите работу жюри, если будете отвечать на вопросы в таком порядке, как они заданы, и писать четким почерком на одной стороне листа.

Желаем вам успехов!

ПЕРВЫЙ ТУР «ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»

1. Когда и в какой Совет впервые был избран депутатом В. И. Ленин? Кто выдвинул его кандидатуру? (3)!

Ф. МОРЕНЕЦ, г. Жданов

2. Сколько народов, ранее бесписьменных, получили письменность в ходе строительства СССР? Назовите хотя бы десять языков, получивших тогда письменность. Какой термин принят для их совокупного обозначения? (2)

А. ПАРАМОНОВ, г. Касимов Рязанской области

3. Известный советский актер, готовивший главную роль в спектакле «Встречи с Маяковским» в 1952 году, увидел на сцене студенческого театра МГУ в этой же роли студента-химика и предложил ему сыграть вместо себя в Ленинградском театре драмы имени А. С. Пушкина. Студент согласился, выступил с большим успехом; ему предложили стать профессиональным актером, но он остался верен науке, стал академиком, Героем Социалистического Труда. Назовите и актера и ученого. (5)

В. ШЕСТЫХ, г. Канск Красноярского края

4. Народ какой автономной республики после победы Великого Октября образовал самостоятельное государство? Как оно первоначально называлось? Как называлась его столица? (3)

Д. ПОЛЯКОВ, г. Холмск Сахалинской области

5. «...И девушка наша проходит в шинели, горячей Каховкой идет». Кому именно посвятил «Песню о Каховке» М. Светлов? Какую награду получила героиня этой песни за участие в освобождении города от белогвардейцев? (5)

В. КУРОЧКИН, г. Ижевск

6. Композитор и певец вышли из одной национальной культуры. У них одинаковые имя и фамилия. Творческий расцвет композитора пришелся на первые десятилетия Советской власти, певец с успехом выступает в концертах сейчас. Назовите их. Композитор написал оперу «Нэргиз», чем она примечательна? (3)

В. БАШИРОВ, г. Грозный

7. Житель какой союзной республики во время Олимпиады-80, проходившей в нашей стране, получил целых двадцать золотых медалей? За что их ему вручили? (4)

В. ЧЕРНЫЙ, г. Николаев

8. Каждый второй советский снаряд, выпущенный во время Великой Отечественной войны, был сделан из металла, выплавленного одним предприятием. Каким? Строителям его посвящено литературное произведение, названное словами из марша В. Маяковского. Назовите произведение, кто его автор? (4)

В. ТРАЦЕВСКАЯ, пос. Боровляны Минской области

9. Все знают песню об «огненном трактористе» Петре Дьякове, в которой есть слова: «Прокати нас, Петруша, на тракторе...» Он едва не сгорел, спасая народное добро от пожара. В 70-х годах его подвиг был повторен. Кем, когда и где? Известный писатель посвятил герою очерк. Как он назывался, где опубликован и кто его автор? (4)

Е. ШИЛОВ, г. Саранск

10. Какой документ полностью вошел в самую первую Советскую Конституцию? (2)

З. ФРУНЗЕ, г. Рыбница Молдавской ССР

11. Только один советский летчик во время Великой Отечественной войны сбил тараном 4 фашистских самолета. Назовите героя и даты боев. (4)

Н. КАСЛОВ, г. Чита

12. Комсомольско-молодежную стройку БАМ называли стройкой века. Почему? По какому участку магистрали прошел первый поезд? Сколько станций будет на БАМе? (3)

И. ТАБУНЩИКОВ, г. Тынды Амурской области

13. По территории каких двух автономных республик и автономной области текут и в какие крупные реки впадают три левых притока с одинаковым названием? (4)

У. ЦЫЦЫКТУЕВА, г. Улан-Удэ

14. Кто из советских спортсменов и когда установил первый мировой рекорд? Какой именно? (2)

А. ГРИШАНОВ, г. Ленинград

15. У юношей какого народа принято загадывать на клевере имя любимой? (2)

А. МАМЕДАЛИЕВ, г. Баку

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ ПЕРВОГО ТУРА ДО 15 МАЯ ЭТОГО ГОДА (ПО ШТЕМПЕЛЮ ПОЧТОВОГО ОТПРАВЛЕНИЯ).

!! НА СЪЕМКУ !!
!! ПО КОНЬМ !!

Начало на 20-й стр.

на съемках фильма «Конец императора тайги», в котором Андрей играл роль молодого Аркадия Голикова, будущего писателя Гайдара. Став солдатом полка, он надел вскоре гусарский кивер. Однажды в Подмоскovie объявились отчаянные рубаки на быстроногих скакунах. Их видели под Тучковом, потом под Волоколамском. На местах бывших схваток с французами шли натурные съемки кинофильма «Эскадрон гусар летучих». Роль поэта-гусара поручили рядовому Андрею Ростоцкому.

Время от времени эскадроны, погрузившись в теллушки, автофургоны-коневозки или на баржи, отправляются в командировки. Дальний Восток и Урал, побережье Балтики и белорусские болота, горы Кавказа и пески Каракумов — всюду оставили следы своих копыт кони полка.

Не однажды пересекались мои журналистские дороги с кавалеристами. Приехал как-то в одно из подразделений. А там работают «киношники». Вздоражили весь военный городок. Кинокамеры, декорации, софиты — пестрый, суматошный, удивительный киномир.

...И вспыхнула сеча! Ржали вздыбившиеся кони, звенела сталь, хлопали выстрелы. Кавалерийская лава смяла строй шведских королевских стрелков. Те дрогнули, побежали, оставив на поле брани амуницию, сабли.

Когда сражение стихло, капитан королевской пехоты отряхнул с сюртука пыль и, подняв с земли задымленный мушкет, зычно скомандовал:

— Рот-а... стройся!

Из ложины, где стояла полевая кухня, потянуло дымком, пахнущим щами. Взмокшие в горячке боя пехотинцы повеселели. Мундиры на «шведах» были старинные — из костюмерной «Мосфильма», сапоги свои, кирзовые. Больше двух недель рота мотострелковой части отражала атаки «неприятеля»: у днепровских круч под Киевом снимались батальные сцены польско-советского исторического фильма «Потоп».

— Сражение и впрямь походило на настоящее, — говорил мне рядовой Александр Шумаков. — Хоть и XVII век, а оторопь все же брала, когда летела на тебя конница.

— Что, страшно было?

— Ну, с танковой атакой, я думаю, это не сравнишь, но утюжили нас все равно здорово! Уставали ребята, как на большом учении. А кавалеристы молодцы, лихие парни!..

Так судил о кавалеристах грозный «неприятель».

В «Плане обеспечения съемок конным составом и техникой на 1982 год», который висит в кабинете командира кавполка, значатся новые фильмы — «Вечный зов», продолжение, «Если враг не сдается...», «Легенда о княжне Ольге», «Подросток», «Пушкин»... В каждом из этих фильмов не последнюю роль сыграет конница. Ну, а техника?..

С командиром полка полковником Михаилом Константиновичем Барило посетили арсенал Госкино. Слово на параде застыли в ряду пушки. Вот — выпуска 1902 года, участвовавшая в гражданской войне. Рядом знаменитая «сорокапятка», расстреливавшая в упор фашистские танки. Орудия подлинные. Их передало кинематографистам Министерство обороны СССР.

— И танки в арсенале настоящие?

— Настоящие, — сказал полковник, — только наши. Трофейные после войны переплавили.

«Тигры» и «пантеры», стоящие в ангарах, хищно ощерились стволами пушек. Не сразу замечаешь камуфляж, превративший Т-44 во вражеский танк. Есть в арсенале Госкино броневики. Даже бронепоезд. Как и в песне, он стоит на запасном пути: отдыхает после очередных кинобоев.

...Уезжали мы из кавполка под вечер. Легкие, прозрачные сумерки опускались на березовый лес. И тут, наперез нам, как в замедленных кадрах кино, выплыла из-за перелеска кавалькада конников. Зазвучала песня:

Среди зноя и пыли
Мы с Буденным ходили
На рысях на большие дела...

— Трогай, — вздохнув, сказал шоферу Романенков.

¹ В скобках после каждого вопроса указано число очков, в которые он оценен.

Дорогие читатели, ждем ваших рисунков: остроумных, веселых, ироничных. Жюри рассматривает все работы, присланные до 1 ноября 1982 года.

Рисунок Андрея ЧЕКАЛОВА, Москва

Рисунок Александра ПРОЗОРОВА, Курск

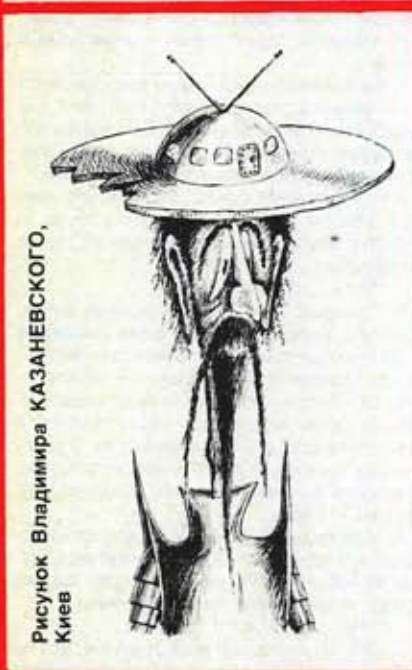

Рисунок Владимира КАЗАНЕВСКОГО, Киев

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНСКОГО, Москва

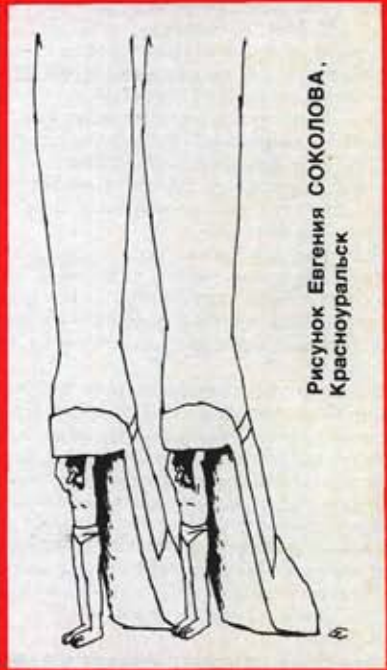

Рисунок Евгения СОКОЛОВА, Красноярльск

Под редакцией международного арбитра, заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

(Продолжение. Начало см. в №№ 1—6 журнала). СЕДЬМОЙ ТУР

Каким образом белые быстрее всего объявляют мат королю противника? (2 балла).

Ход белых. Оцените возможности сторон. (2 балла).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (2 балла).

1. Kf3 d6 2.d4 Kd7 3.e4 e5. Как называется такое начало шахматной партии? (1 балл).

Запомните, пожалуйста, что открытки с ответами на задания восьмого тура каждый участник посылает в адрес редакции не позднее 15 июня 1982 года (согласно почтовому штемпелю отправления).

ПОБЕЖДАЕТ МОЛОДЕЖЬ

Многие шахматные соревнования последнего времени характеризуются успешными выступлениями молодых советских спортсменов. Подтверждением служат фрагменты поединков, которые мы приводим в этой подборке. В интересной борьбе протекали встречи последней международной телеолимпиады. В четвертьфинальном матче сборная СССР одержала победу над шахматистами Шотландии со счетом 6.5:1.5 и вышла в полуфинал.

На диаграмме вы видите положение, создавшееся после 19-го хода белых в партии молодого ленинградского гроссмейстера

Александра Кочиева (у него были черные фигуры) с шотландцем К. Макнэббом. Энергичным выпадом слона черные обостряют ситуацию к своей выгоде.

19. ... Cc8—g4! 20. f2—f3 Ke5:f3+ 21. Kd4:f3 Kc5:e4 22. Ld1:d6 Cg4—f5!

В итоге черные сохранили лишнюю пешку и предельно стеснили неприятельские силы. Заметим, что продолжение 22. C:d6 Ff6! доставляло белым мало радостей.

23. Fd1—c1 Fe7—c7 24. Ld6—d1 Ke4—c3! 25. Le2:e8+ La8:e8 26. Ld1—e1 Kc3—e2—27. Kpg1—h1 Ke2:g3+!

Конечно, у черных здесь достаточно выбор выгодных вариантов, но они избирают, по нашему мнению, для них оптимальный. 28. Kph1—g1 Kg3—e2+ 29. Kpg1—h1 Fc7—g3! 30. Fc1—d1 Fg3—f2 31. Ca3—c5 Ff2:c5 32. Le1:e2 Le8:e2 33. Fd1:e2 Cg7—f6 34. Fe2—e8+ Kpg8—g7 35. Fe8—a8 Fc5—f2! 36. Fa8:a5 Cf5—h3 37. Cg2:h3 Ff2:f3+ 38. Ch3—g2 Ff3—d1+ 39. Kph1—h2 b7—b6!, и после такого изысканного тактического удара, отвлекающего ферзя противника и форсирующего мат, белые сдались.

Перед вами ситуация, сложившаяся после 26-го хода черных в партии недавнего юношеского чемпиона Европы, проходившего в голландском городе Гронингене. Белыми играл бронзовый призер этого соревнования москвич Андрей Соколов, черными — венгр Т. Кароли.

27. Le1—c1! Lh8—c8.

Черные замечают ловушку — после 27. ... C:b3? 28. Fb6+ Fb7 29. F:b7— Kr:b7 коневая вилка уничтожила бы их слона.

28. Fe3—b6+ Fe7—b7 29. Fb6—d6+ Krb8—a7 30. Lc1:c8 Fb7:c8 31. Fb6:b4 Fc8—d7 32. Fb4—c5+ Kpa7—a8 33. Fc5—b6! Fd7—b7 34. Fb6:b7+ Cd5:b7 35. Krb1—c2 Кра8—b8 36. Krc2—c3 Krb8—c7 37. Kd3—c5 Cb7—c8 38. Krc3—d4.

В получившемся эндшпиле у белых не только лишняя пешка, но и очевидное пространственное превосходство.

38. ... Krc7—c6 39. f3—f4 f7—f6 40. b3—b4 Krc6—b6 41. g2—g3 Krb6—c6 42. Kpd4—c4! Krc6—b6 43. b2—b3 Krb6—a6.

Следует поучительная комбинация, которая сводит поединок к явно выигрышной для белых пешечной концовке.

44. Kc5:a6! Cc8:a6 45. b4—b5—Ca6:b5 46. a4:b5+ Krc6—b6 47. Krc4—b4, и черные пошли на капитуляцию.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.03.82. Подписано к печати 18.03.82. А 05049. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1060. Заказ № 2162. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

СВЯТО. СЕРАФИМ. ТАКО УМЕРЩЕНО.

Музыка Серафима ТУЛИКОВА
Стихи Николая ДОРИЗО

РОДНОЙ ИЛЬИЧ

Музыка Серафима ТУЛИКОВА
Стихи Николая ДОРИЗО

Благодарю я то мгновение,
Благодарю тот самый час,
Тот день, когда я слово «Ленин»
Услышал в детстве первый раз.

ПРИПЕВ:

Ему мы песню посвящаем,
Она светла и горяча.
Мы каждый новый день встречаем,
Как день рожденья Ильича.
Я с ним в душе на свет родился.
Мою судьбу он предрешил.
Он жил, боролся и трудился,
Чтоб я в наш век счастливым жил.

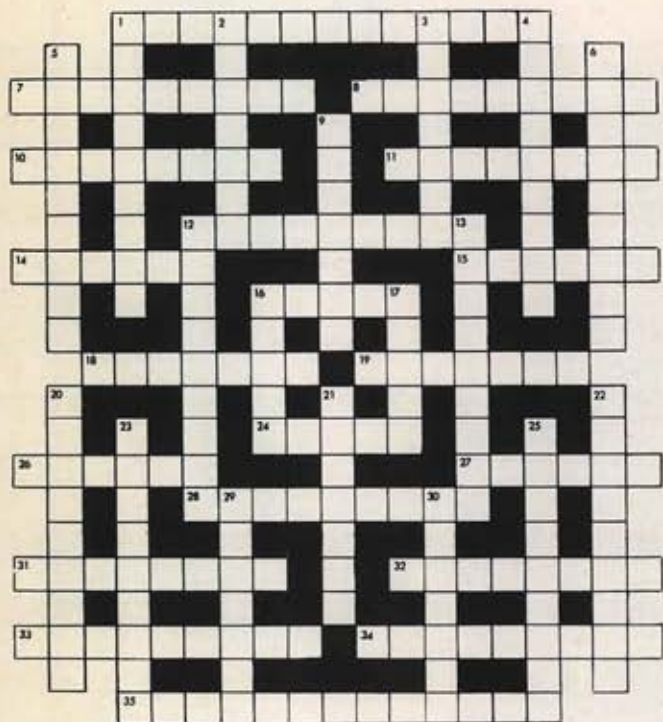
ПРИПЕВ.

Все дорогое в нашей жизни
Его мы именем зовем.
Когда поем мы об Отчизне,
Мы свято думаем о нем.

ПРИПЕВ.

КРОССВОРД

составил С. СМЫКАЛОВ,
с. Цауль, Молдавия

По горизонтали:

- Музыкальное сопровождение певцу, хору.
- Массовое празднество, показ достижений в различных видах творчества.
- Город в Костромской области.
- Планета солнечной системы.
- Искусное подражание, воспроизведение.
- Вид сценического искусства.
- Неподвижная часть электрической машины.
- Роман К. Ф. Седых.
- Электронная лампа.
- Объединение научно-преподавательского состава в вузе.
- Декабрист.
- Специалист в охотничьем хозяйстве.
- Горный хребет в Западных Саянах.
- Река в Забайкалье.
- Размеренное, закономерное изменение периодичности колебаний.
- Величина, характеризующая основное свойство процесса, явления, машины.
- Народная артистка СССР.
- Один из героев «Педагогической поэмы» А. С. Макаренки.
- Документ на право посещения библиотеки, театра, лекций.
- Объяснение смысла текста.

По вертикали:

- Остров у побережья Канады.
- Род флейты.
- Наименьшая величина.
- Помещение для содержания пресмыкающихся, земноводных.
- Рассказ А. П. Чехова.
- Наука, изучающая продуктивное творческое мышление.
- Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».
- Химический элемент, металл.
- Приспособление организма к условиям существования.
- Путешествие по круговому маршруту.
- Механизм для сверления отверстий.
- Город в Армении.
- Приток Волги.
- Понижение между вершинами горного хребта.
- Поэма Т. Г. Шевченко.
- Комплекс науки о возделывании сельскохозяйственных культур.
- Порт и курорт в Бельгии.
- Неоднократная чемпионка Советского Союза и мира в скоростном беге на коньках.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

- Газификация.
- Карабин.
- Балабан.
- Парад.
- Рисовод.
- Пегас.
- Калина.
- Рылеев.
- Каравайка.
- Андалузит.
- Кернер.
- Алуан.
- Титан.
- «Варвары».
- Абрис.
- Арбенин.
- Снегина.
- Конституция.

По вертикали:

- Карат.
- Бикини.
- Нагано.
- Финал.
- Габарит.
- Капелла.
- Парагенезис.
- Палеогеография.
- Сепаратор.
- Варакушка.
- Сакмара.
- Трактат.
- Ондатра.
- Турбина.
- Ачинск.
- Рангун.
- Бетон.
- Углич.

НА ХОЛСТАХ СТЕПЕЙ И ПЕСКОВ

До Октябрьской революции изобразительное мастерство киргизского народа развивалось лишь в рамках декоративно-прикладного творчества. Потребность выразить свое понимание гармонии, свое восприятие красок и линий находило выход в создании предметов быта, оружия, посуды, оригинальных вышивок, ковровых изделий, которые по-киргизски называются ала-кийиз. И сейчас в современной Киргизии продолжают жить эти ремесла. Молодые художники создают вышивки и ала-кийизы, не уступающие лучшим произведениям старых мастеров.

Вглядимся в ала-кийиз ошского художника Токтыгул Касымова «Караван». Фигуры верблюдов наделены пластической выразительностью. Сохраняя традиционный орнамент, работа поражает интересными живописными образами.

В отличие от декоративно-прикладного живописное искусство Киргизии еще молодо. Оно возникло лишь после Ок-

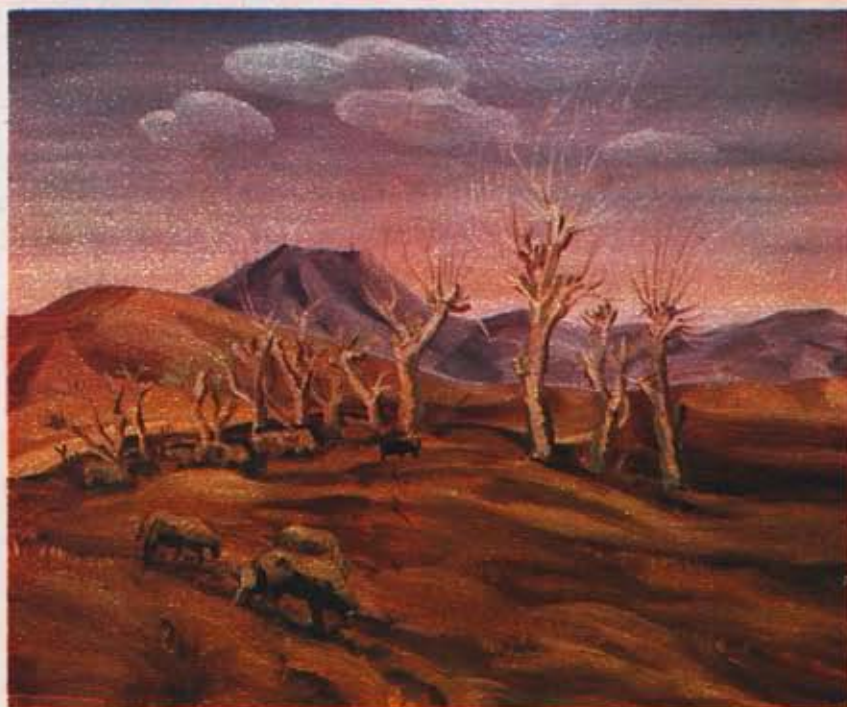
еще и возможность наиболее точно выразить свое чувство.

Высокого мастерства достигает портретная живопись киргизских художников. Сложный и интересный характер человека постигаешь, глядя на портрет актера Маниязова, выполненный художником Батыром Джалиевым. Образ, созданный Джалиевым, словно говорит нам: как бы ни были глубоки и разноречивы человеческие страсти, у сильной и мудрой личности они будут всегда сосуществовать в гармонии.

Киргизское искусство с приходом молодых сил развивается быстрыми темпами. Весь его эмоциональный и образный строй — выражение национального характера киргизов, истоки его — в своеобразной природе края, в народном творчестве, давних его традициях.

Мария БОГДАНОВА

Б. ДЖАЛИЕВ. ХОЛМЫ.

Т. КАСЫМОВ. КАРАВАН. (АЛА-КИЙИЗ).

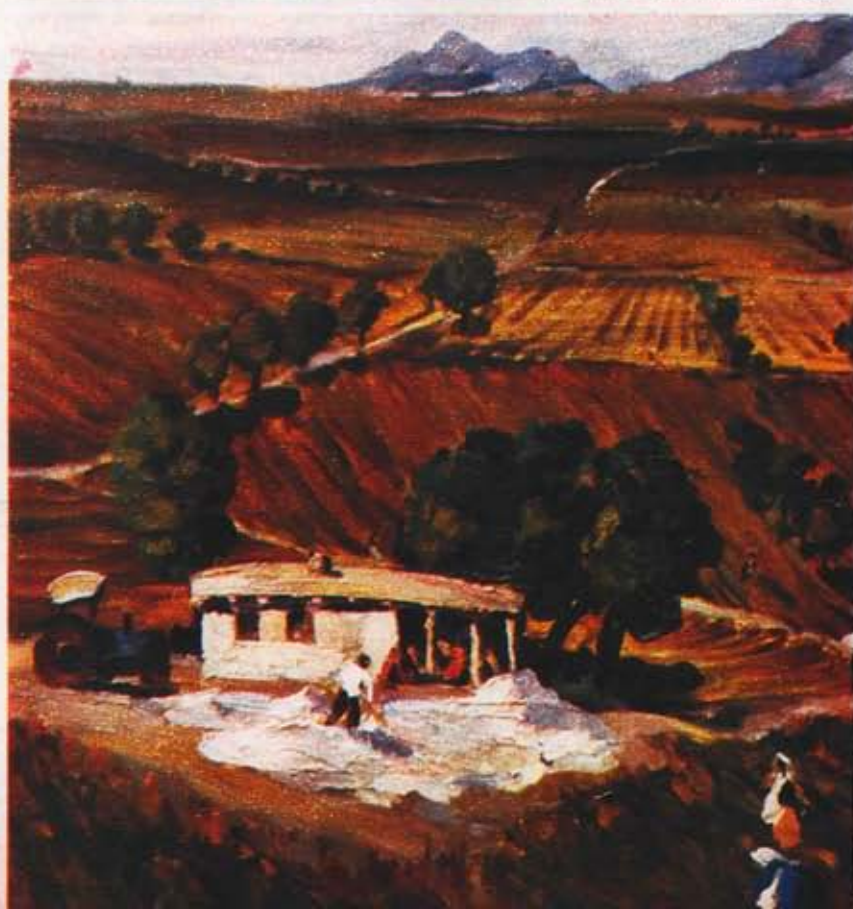
тябрьской революции. Время подсказало пути создания новых форм, поисков гармонии красок, линий, соответствующих национальным традициям, эстетическим принципам, рожденным народным творчеством.

Пейзаж занимает особое место в киргизском изобразительном искусстве. Он присутствует и в сюжетных полотнах, и в графических листах, и в изделиях народных мастеров. Такой интерес, видимо, объясняется не только красотой киргизской природы, но и особенностью жизни, быта, духовного склада. Сотни лет окружали киргиза-кочевника горы и долины, синева озер, безоблачное небо с раскаленным солнцем. Эта симфония многоцветья, разнообразных форм, бесконечно гармоничных и слаженных, проникала в сердца и возвращалась красочными узорами орнаментов, поэтическими холстами. На полотнах ошского художника Батыра Джалиева мягкие и строгие линии рельефа гармонируют со светлыми, пастельными красками. Тонкое восприятие природы определяет «настроение» картин «Холмы» и «Утро», выраженное особенностями колорита, композиционного построения пейзажей, придает полотнам Джалиева неповторимое своеобразие. В картине Асакена Бейшенова «Продотряд» на фоне тревожного пейзажа — спокойные фигуры едущих в повозке людей. Но было бы неверно считать, что пейзаж в полотнах молодых присутствует только или как остановленное мгновение красивого ландшафта, или как фон, чтобы усилить динамику жанровой сценки. Не только. Это и тема родины, любви к ней, к народу, это

А. БЕЙШЕНОВ. ПРОДОТРИД.

Б. ДЖАЛИЕВ. ПОРТРЕТ АКТЕРА МАНИЯЗОВА.

Д. ХЕЙДЗЕ. ПОРТРЕТ АСАКЕНА БЕЙШЕНОВА.

Б. ДЖАЛИЕВ. ХЛОПКОВЫЕ ПОЛЯ.